

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

П.Е.Сорокин

**ЛАНДСКРОНА,
НЕВСКОЕ УСТЬЕ,
НИЕНШАНЦ**

700 лет поселению на Неве

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
“ЛИТЕРА”
2001

300-летию Санкт-Петербурга посвящается.

Рецензент: д. и. н. А.Н.Кирпичников

Издание осуществлено при поддержке: Института “Открытое общество” (Фонд Сороса). Россия, газеты “Деловой Петербург”, Дагенс Индустри.

П.Е.Сорокин

ЛАНДСКРОНА, НЕВСКОЕ УСТЬЕ, НИЕНШАНЦ

Книга, написанная в жанре научно-популярного очерка-путеводителя, рассказывает о богатой событиями предыстории Санкт-Петербурга – о крепостях Ландскрона и Ниеншанц, о русском торговом поселении Невское устье и шведском городе Ниене, о взятии Ниеншанца русскими войсками и последующей судьбе памятников старины на Охте. Исторические документы, гравюры, карты и археологические находки позволяют проиллюстрировать развитие этого древнего поселения на территории Петербурга. Издание сопровождается планами и обзорными туристическими схемами с обозначением памятников прошлого, дающими наглядное представление о их расположении на местности. Книга рассчитана на широкий круг читателей: туристов, преподавателей истории и краеведения, студентов, школьников и на всех интересующихся историей и предысторией Санкт-Петербурга.

© П.Е.Сорокин

© О.Г.Попов - дизайн

НА ВОДНОМ ПУТИ

Происхождение Санкт-Петербурга традиционно ассоциируется у нас с волевым решением Петра Великого, дерзнувшего наперекор врагам и стихиям в глуши среди лесов и болот построить свою новую столицу. Редкие упоминания о временах предшествовавших ее появлению, в литературе, призваны были только подчеркнуть грандиозность этого события. Возникновение и развитие нового города в устье Невы стало столь значимым явлением в мировой истории и культуре, что все предшествовавшее ему на этих землях, было подавлено его величием и предано забвению, оказавшись в тени блистательного Санкт-Петербурга.

Проходя по его улицам, набережным, бульварам и паркам трудно поверить в то, что когда-то, земли на которых возник город, были покрыты многометровой толщей арктических льдов, а после их таяния стали дном большого моря. И только после его отступления, около пяти тысяч лет назад, здесь появились первые люди. И всего лишь одно тысячелетие прошло с тех пор, когда на водной глади устья Невы стали появляться небольшие островки, на которых, впоследствии, и был основан Санкт-Петербург.

Нева издревле была важным водным путем, связывавшим разветвленные речные системы Восточной Европы с Балтикой – тем самым окном в Европу, которое вновь было открыто 300 лет назад Петром Великим. Международная торговая магистраль, проходившая по Неве, играла значительную роль в экономике Руси и Северной Европы, начиная с раннего средневековья (рис.1).

Исследователи давно обращали внимание на отсутствие на русском побережье Балтики, включая и устье Невы, каких либо следов поселений того времени. Одним из первых, кто объяснил такое

положение вещей, был археолог Зориан-Доленго Ходаковский. Он считал, что на этих землях существовала постоянная опасность нападения варягов и потому новгородские словене, чтобы избежать такой участи, селились в некотором отдалении от морских берегов (Ходаковский, 1838: с. 41).

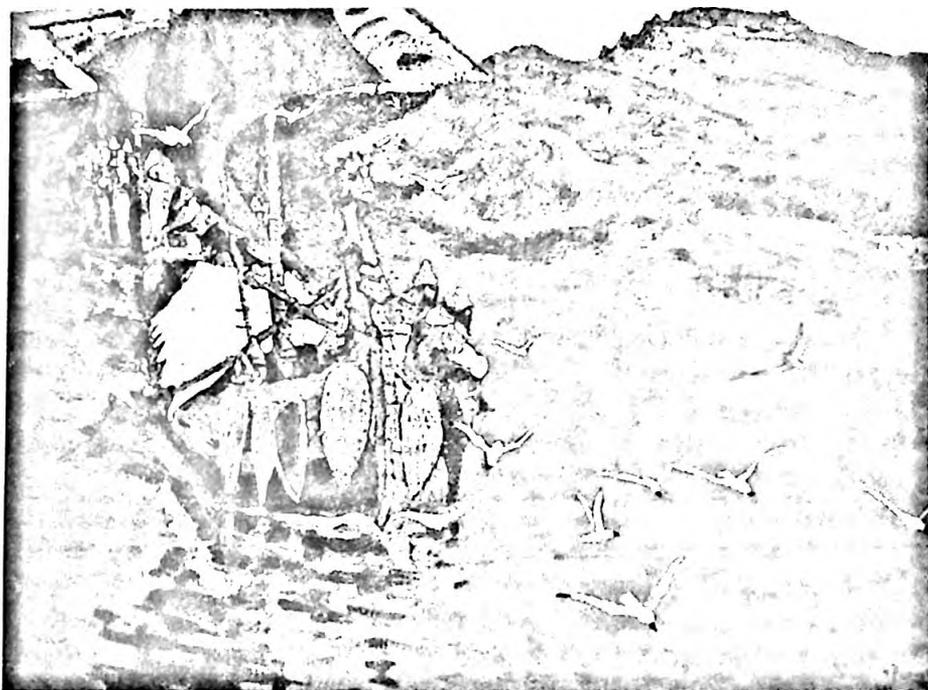

рис 1. Николай Рерих. Заморские гости.
Nikolai Rerih. The foreign-made visitors.

Тем не менее, находки древностей, связанных с эпохой раннего средневековья здесь известны. Это - три клада серебряных монет - дирхемов и динариев IX-XI в.в., отчеканенных на Арабском востоке и в Западной Европе. Они были обнаружены, в разное время, у устья Невы - на побережье Финского залива. Один из них был найден на Васильевском острове - в районе Галерной гавани, два других - в Петродворце и в Мартышкино (Сорокин 1996: с.24, 1997: с.48).

Само по себе нахождение этих кладов на Волжско-Балтийском торговом пути, связывавшим на протяжении веков Арабский Восток со странами Северной Европой, не несет в себе ничего необычного. Однако, рассматривая их в контексте других

подобных находок того же времени, нетрудно заметить, что ближайшие места их сосредоточения находятся на значительном удалении от устья Невы. На востоке это - Ладога и Новгород с их окрестностями. На западе - Северная Эстония и Юго-Западная Финляндия. Далее множество нумизматических находок зафиксировано в Центральной Швеции и на Готланде. Находки монет раннего средневековья здесь не редкость и маркируют они не только места прохождения торговых путей, но и этапы продвижения по ним путешественников.

Загадка заключается в том, почему именно в районе устья Невы оказались эти клады, ведь в отличие от других вышеперечисленных мест, для этого периода, здесь не известно не только городов, но и вообще каких либо поселений.

Славяне к тому времени еще не заселили этих земель - граница их расселения проходила в нескольких десятках километров от побережья - по северному краю Ижорского плато. Населявшее эти территории финское племя ижора также держалось на заметном удалении от моря, как впрочем, и от берегов Невы. Это подтверждается находками древностей - различного рода ювелирных украшений, связываемых с этим народом, которые были обнаружены на возвышенностях, расположенных в 10-20 км от побережья. Ближайшим городским центром к устью Невы, на водном пути, была Ладога, которая на протяжении столетий являлась единственным морским портом северо-западной Руси. Судя по обнаруженным здесь находкам, ее население, состоявшее из славян, скандинавов и финнов, начиная с середины VIII столетия, активно участвовало в международных торговых связях.

Наиболее вероятным объяснением нахождения кладов у невского устья могло быть наличие здесь торговых мест, в средневековье, где время от времени устраивались торги местного населения, стекавшегося сюда из окрестных земель, и заморских купцов. Такие пункты известны во многих местах побережья Восточной Прибалтики. Обычно, они размещались в устьях рек или в удобных бухтах: на Березовых островах, в районах Выборга, Таллина, близ устьев Немана, Даугавы, Венты, Пернау. (Сакса, Тюленев 1990: 76. Моора, Лиги 1969: с. 26).

Немаловажную роль в том, что для этого был выбран именно район устья Невы, играл тот факт, что здесь происходила смена условий плавания при входе из моря в реку и наоборот, что требовало

остановки кораблей, а иногда и их замену. Имелись здесь и удобные для стоянки судов острова Невской дельты и Котлин, где можно было укрыться от непогоды, дожидаясь попутного ветра, произвести ремонт, не опасаясь внезапного нападения с суши.

Союз германских городов - Ганза в XIII – XIV вв. становится посредником в международной торговле на Балтике и в Северном море, создав свои дворы в Брюгге, Лондоне и Новгороде. Дважды в год прибывали в Новгород немецкие и готские купцы¹ - весной, оставаясь торговать на все лето, и осенью - на зиму. Если зимние купцы приезжали, обычно, “горой” то есть по суше, то летние приходили “водой” по Неве, Ладоге и Волхову. (Бережков, 1879: с. 62-68).

В торговых договорах XII-XIV в.в., заключавшихся Новгородом с Готландом и ганзейскими городами, подробно регламентировались условия посещения иностранными торговцами русских земель, плавание их во внутренних водах и контакты с местным населением.

Новгородские власти несли ответственность за “чистый” - свободный путь иноземных купцов от острова Котлин и Березовых островов в Финском заливе, являвшихся крайними точками новгородских владений.

Судя по всему, где-то на Котлине или на одном из островов устья Невы и располагалась в 1240 г. морская стража земли ижорской, предупредившая Александра Невского о приходе шведов. Она держала под контролем “оба пути” и обеспечивала безопасность прохода купеческих караванов. В ее задачу входило оповещение ладожан и новгородцев о приближении крупных сил противника, а также организация отпора разбойникам, приходившим сюда из Балтики (Сорокин 1997: с.13).

Обычно иноземных купцов сопровождал княжеский посланник. Однако в отдельных случаях, для их охраны, новгородские власти вынуждены были прибегать к другим более надежным мерам – к обеспечению воинского сопровождения их судов. “Оже будет нечист путь в речках, князь велит своим мужем проводить сии гость”, говорится в одном из договоров (ГВНП 1949: с.57-62).

Сведения о значении устья Невы в торговых сообщениях

¹ С острова Готланд

позднего средневековья и о проведении здесь торгов также имеются в документах. Древнейшее упоминание об этом встречается в уставе, регламентировавшем жизнедеятельность ганзейских купцов во время их проживания в своем торговом дворе в Новгороде. Уже в устье Невы немецкие и готские купцы, приходившие на своих кораблях, должны были выбирать старост двора и церкви. (Бережков 1879: с.64).

Здесь же на Неве происходила и перегрузка товаров с больших немецких коггов — грузовых парусных судов, предназначенных для

рис. 2.Изображение ганзейского когга на печати из г. Штральзунда, XIV в.
Image of a Hanse cog on a seal from Shtralsund, XIV th. c.

морского плавания, на русские речные ладьи, с малой осадкой, успешно преодолевавшие мели и пороги (рис.2).В обеспечении грузовых перевозок по внутренним водам участвовали местные лоцманы и лодочники из Орешка, Ладоги и Новгорода. В зависимости от места перегрузки устанавливалась плата за перевозку: “проезд вниз по Неве и обратно вверх” оплачивался 5 марками кун или одним окороком, а от Новгорода до Ладоги тремя марками кун или половиной окорока. В случае если нанятая ладья разбивалась в пути, купцы должны были оплатить только стоимость проезда. А все спорные вопросы, возникавшие при движении в новгородских пределах, решались в самом Новгороде (ГВНП 1949: с.59).

Вероятно, в устье Невы, под прикрытием “морской стражи”, существовало место традиционной стоянки судов. По договору 1268 года, приезжавшие в Новгород купцы имели право рубить “дерево или мачтовый лес” по берегам Невы, а так же вести

по пути прибрежную торговлю с инграми и корелами (ГВНП 1949: с.59). Об этом же свидетельствует и документ 1406 г., в котором торговля на Неве представляется уже как старинный обычай (Goetz 1922: с.215). В Новгородско-ганзейском договоре 1436 г. также говорится о возможности торгов в устье Невы. Причем зачастую такие торги осуществлялись здесь даже в обход существующих запретов, в периоды “размирий” - между Новгородом и его западными партнерами.

Со своей стороны и новгородские купцы начинают, в это время, совершать поездки по Финскому заливу в прибалтийские города, в первую очередь в Нарву и Ревель. В этих условиях значение устья Невы, как транзитного пункта возрастает. А следовательно в нижнем течении Невы, уже в это время, имелись освоенные места, где существовали благоприятные условия для стоянки больших кораблей, перегрузки товаров с морских на речные суда и наоборот, а также возможности для устройства лагеря и проведения торгов.

Выгодное географическое положение устья Невы и ее значение - важнейшего транзитного пункта в международной торговле, на протяжении веков привлекали к этому месту пристальное внимание северного соседа Руси – Шведского королевства. И если первоначально вторжения шведского флота в Неву и Ладогу носили характер грабительских рейдов, то начиная с XIII столетия шведы пытаются закрепиться на побережье этих водных систем, основав здесь свои крепости.

Невская битва 1240 г., в которой русские войска под предводительством Александра Невского нанесли поражение шведам в устье реки Ижоры, не сняла накала борьбы на западных рубежах новгородской земли (рис.3). Вся вторая половина XIII в. здесь была наполнена драматическими событиями.

1249 г. - шведский ярл Биргер совершает второй крестовый поход в Финляндию - в землю еми, в результате чего племя, населявшее центральные районы страны, попадает в зависимость от Швеции.

1256 г. - шведский флот вторгся в Ладожское озеро. В то же время шведами была предпринята неудачная попытка основания крепости в устье реки Нарвы. В ответ на это новгородцы совершают поход на союзное Швеции финское племя емь.

1283 - 1284 г. г. - происходят новые вторжения шведского флота в Ладогу.

1292 г. - новгородцы разоряют финские земли, а шведы нападают на союзников Новгорода ижору и корелу.

Год спустя в 1293 г. Шведское королевство предпринимает третий крестовый поход в финские земли, соседствовавшие с Новгородом, - в Карелию. В западной части Карельской земли шведами была основана крепость Выборг, позволившая надежно запереть выход из Ладоги в Финский залив по водной системе Вуоксе. Попытка их закрепиться и по другую сторону этого пути - на берегу Ладоги, укрепив крепость Корелу, успеха не имела. Новгородцам удалось отбросить их с этой территории (Сорокин 1993: с.16-17).

В следующий раз мечи противников скрестились у устья реки Охты. Именно это место было выбрано в 1300 г шведами для строительства крепости Ландскрона. На этот раз они ставили перед собой цель взять под контроль Неву и таким образом перерезать связи Руси с Балтикой.

Земли в устье реки Охты – возвышенные и недосыгаемые для наводнений, с хорошей гаванью для стоянки судов, защищенные водными рубежами, издревле являлись одним из наиболее благоприятных для обитания районов в низовьях Невы. Место это занимало удобное географическое положение – на пересечении важнейших путей того времени – водного, проходившего по Неве и сухопутного, связывавшего Новгород и Ижорскую землю с Карелией и Финляндией. Все это и предопределило как выбор шведского воинства в 1300 г. так и возникновение здесь, впоследствии, центра поселенческого массива в нижнем течении Невы, который развивался в этом месте вплоть до основания Санкт-Петербурга.

ЛАНДСКРОНА

Основание и штурм крепости Ландскроны в устье реки Охты не остались незамеченными современниками. Подробное описание этих событий дошло до нас, как в русских летописях, так и в шведской хронике.

Вот что сообщает об этом походе Новгородская I летопись — в 1300 г. “...придоша из замория свеи в силе велице в Неву, приведоша из своей земли мастера, из великого Рима от папы мастер приведоша нарочит, поставиша город над Невою на усть Охты реки, и утвердиша твердостию несказанною, поставиша в нем пороки, похвалившеся оканьнии, нарекоша его Венець земли: бе бо с ними наместник королев, именем Маскалка; и посадивше в нем мужи нарочитыи с воеводою Стенем, и отъидоша; князю великому тогда не будущю в Новегороде” (ПСРЛ., т.3. 2000: с. 91) .

В этом коротком сообщении содержится достаточно подробная информация, как о самом походе, так и о той международной обстановке, которая сложилась в это время. Значительное шведское войско, под руководством королевского наместника, войдя в Неву остановилось в устье Охты и соорудило здесь мощную крепость. В ее строительстве участвовали не только шведские фортификаторы, но и специалисты из других европейских стран. Для обороны крепости был оставлен сильный гарнизон и установлены камнеметные машины. Отсутствие князя в Новгороде не позволило новгородцам сразу же принять эффективные меры против захватчиков.

Более подробное повествование об этом событии дошло до нас в шведской хронике Эрика. 30 мая 1300 года - в Троицын день шведский флот с 1100 воинами вышел в море. Руководил походом

тогдашний фактический правитель Шведского королевства Тергильс Кнутсон. Путь из Центральной Швеции до устья Невы в средневековье, занимал 2-3 недели. Поэтому, около середины июня, шведские суда вошли в Неву. Место строительства крепости на мысу при впадении Охты в Неву, было выбрано, видимо, не случайно. Вероятно, оно было известно шведам и ранее, когда они посещали Неву с различными целями.

Сухое возвышенное место с хорошей гаванью для стоянки судов могло использоваться купцами и путешественниками. Сам же мыс, защищенный с трех сторон водными преградами можно было легко укрепить, тем более, что единственный подход к нему по суше – с юга был покрыт заболоченным лесом. Возможно, это было одно из традиционных мест стоянки судов на водном пути.

“Я уверен, что никогда не видели на Неве больше хороших кораблей чем тогда; там такая прекрасная гавань, что борт к борту и штевень к штевню они стали и устроили помост между кораблями, чтобы никакая буря не смогла их оттуда выгнать” - писал шведский хронист (здесь и далее текст хроники по изд. Шаскольский 1987: с.с. 18-25).

Суля по планам XVII в., устье Охты в древности было метров на 10 шире чем сейчас и его ширина достигала 45 м. В то время шведы, обычно, использовали для морских походов шнеки – парусно-гребные суда длиной около 20 м., которые имели осадку не более 1 м. и швартовались носовой частью к берегу путем посадки на мель. Таким образом, в этом положении они должны были занимать лишь около половины ширины реки, что позволяло им успешно маневрировать. Прямой парус на этих судах использовался, преимущественно, в морских условиях, позволяя развивать, при попутном ветре, достаточно высокую скорость движения. Для плавания в безветренную погоду и быстрого маневрирования в боевых условиях, шнеки оборудовались 40 – 60 веслами, таким образом, на борту каждого из судов находилось, в среднем около 50-ти человек экипажа.

Камнеметные орудия и другие грузы могли быть привезены только на больших парусных судах типа когов, осадка которых, в зависимости от загрузки, достигала двух метров и более. Отсюда можно заключить, что шведский флот состоял из 20-ти – 30-ти судов – двух типов.

“Они решили построить крепость на мысу, где сходятся обе реки; всем им пришлось к стати, что Нева протекает к югу, а Черная к северу от крепости...” - повествует далее хроника. Название, данное

ей, - Ландскрона не отличалось особой новизной, так как к этому времени несколько замков с таким наименованием уже существовали в Рейнской области Германии и на Готланде. Характеризовало ли оно конфигурацию крепостных укреплений в форме короны или же носило смысловую окраску, означавшую новый центр земли, судить сложно. Известно, что современные Ландскроне крепости, построенные шведами в завоеванной Финляндии, были сооружены из гранитных валунов, которых в тех местах было предостаточно. Они имели замкнутую, чаще прямоугольную, форму внешних стен и башню в центральной части.

В условиях, когда существовала опасность внезапного появления русских войск, как это было в памятном 1240 году, шведы выбрали наиболее быстрый и экономичный способ строительства укреплений. Был прорыт сплошной ров между Охтой и Невой. “Над тем рвом стояла стена с восемью башнями с бойницами; ров был вырыт между обеими реками, за ними стояло все войско”.

Учитывая, что ширина перешейка между двумя реками, в 100 м. от оконечности мыса составляла еще в XVII в. 280 – 360 м. именно такой протяженности и должны были быть основные укрепления крепости, которые позволяли защитить мыс с напольной стороны. Глубина рва определялась особенностями рельефа местности. Если в настоящее время мысовая часть возвышается на 3 – 4 метра над уровнем воды, то судя по мощности культурных отложений последних трех столетий, в прошлом эти земли возвышались над водной гладью Невы и Охты всего на 1.5 – 2 метра. Земляной вал, насыпанный при рытье рва, был дополнительно укреплен деревянными стенами и башнями с бойницами, расстояния между которыми составляли около 50 м. Вероятно, в одной из них имелись ворота, а через ров был устроен подъемный мост.

Предположение о наличии в Ландскроне каменной башни, которая обычно располагалась в центральной части крепостей того времени, не находит подтверждения в тексте хроники. Судя по всему, столкнувшись с отсутствием в устье Невы выходов природного камня, шведы были вынуждены строить деревянную крепость. Из сооружений внутри укреплений в тексте упоминается некий погреб, где осажденные укрылись после захвата штурмующими крепостных стен и некоторое время занимали оборону. (Шаскольский 1987: с. 40). Не исключено, что этот погреб и представлял собой

выложенному камнем подземную часть башни, строительство которой не удалось завершить уже в первый год из-за недостатка камня. В связи с этим следует вспомнить об обнаружении строителями в 80-е гг. нашего столетия в центральной части мыса на глубине около двух метров массивной кладки из известковой плиты.

Учитывая ошибки 1240 года, шведы решили выставить боевое охранение. После завершения основных работ по строительству крепости, отряд в составе 800 человек, под командой Харальда был послан в Ладожское озеро. Помимо охранения, им была поставлена задача уничтожения язычников, располагавшихся на острове в Ладожском озере. Вероятно, шведы планировали рейд в Северо-Западное Приладожье – в центр Карельской земли, с тем чтобы до прихода русских разгромить их главного союзника – племя корелу.

Войско разделилось на два отряда. Один из них остался в дозоре на Ореховом острове - в истоке Невы. Второй же прошел огнем и мечом по прибрежным селениям Карелии. Но неожиданно начавшаяся буря, сорвала планы шведов и вынудила их вернуться назад к Неве, так и не выполнив своей главной цели.

Вскоре после этих событий, шведские дозорные увидели приближающиеся по озеру русские суда – “...болеется ячи готовых к бою людей”. Снявшись с острова, шведы стали уходить вниз по Неве. Преследовавшие их “...русские сделали из сухого дерева плоты выше иного дома и подожгли, так что они ярко горели, и пустили их вниз по течению и рассчитывали ими сжечь их корабли...”. Шведам удалось спастись, повалив поперек реки большую сосну, которая и задержала катившийся за ними огненный вал.

“Когда русские пришли туда, видно было у них много светлых доспехов, их шлемы и мечи блистали... они сияли как солнце, так было красиво их оружие...” (рис.4). По сообщению хрониста, основанного на словах толмача (переводчика П.С), к Ландскроне прибыла тридцать одна тысяча русских воинов. В этом видится явное преувеличение, которое, впрочем, вполне соответствует жанру средневековых хроник, авторы которых сознательно завышали реальную численность неприятеля, с тем, чтобы подчеркнуть доблесть своих собственных войск.

С другой стороны, в ходе переговоров, русские, чтобы устрашить противника, могли и сами преувеличить количество своих войск. На самом деле, дальнейшие события, свидетельствуют об относительном равенстве сил противников. Судя по тому, что поход

русских войск к Ландскроне в этом году вообще не нашел отражения в русских летописях, этой военной акции не предавалось большого значения и следовательно в ней не должны были участвовать сколь либо крупные силы.

Согласно свидетельству хроники, русские, устроив на подступах к крепости засеки, сразу же попытались овладеть ей. “Они бросились на приступ ко рву, каждые двое помогали третьему преодолевать...” его. Однако, несмотря на упорство штурмующих, стремившихся ворваться в крепость “...во что бы то ни стало...” осажденным, укрывшимся за ее стенами удалось отразить приступ. В разгар штурма, чтобы приостановить натиск русских войск, отряд рыцарей сделал вылазку за пределы укреплений, с трудом пробившись затем назад.

Убедившись в прочности новой крепости, в недостатке наличных сил для ее взятия, и не желая нести потери, русские принимают решение прекратить штурм. Заключив однодневное перемирие, чтобы нейтрализовать неприятеля, под покровом ночи они снялись с лагеря и незаметно ушли. Но это была лишь проба сил.

После того как русские отступили, крепость была “...приведена в полную исправность и снабжена припасами...”. Шведы оставили в ней гарнизон во главе с рыцарем Стеном - “...двести людей способных к бою, и сто для того чтобы работать”.. Последние “...должны были готовить солод, варить пиво и печь хлеб, а также сторожить по ночам...”.

Основные же силы отправились домой – в Швецию. Выйдя из устья Невы в Финский залив, они стояли, некоторое время, где-то на его южном берегу в ожидании попутного ветра. В этот период ими был предпринят рейд вглубь территории населенной финскими племенами. “...и прошли они с огнем и мечом по Ижорской и Водской землям и жгли и рубили всех, кто им сопротивлялся.;;” - свидетельствует хроника. Это разорение, судя по всему, имело цель лишь грабежа и устрашения местных народов, находившихся в зависимости от Новгорода.

Дождавшись благоприятной погоды, флот отплыл в Швецию. Произошло это около середины сентября, так как в день Святого Михаила - 29 сентября он уже прибыл в Стокгольм.

А шведская Ландскрона, вместе с ее небольшим гарнизоном, оказалась во враждебном окружении местного населения. По свидетельству хрониста, оставленные в крепости съестные припасы

испортились от летней жары. А зимой в гарнизоне свирепствовала цинга. “Они держались, насколько сил человеческих хватало, многие от этого умерли, так что крепость почти опустела”. Гибнущие от болезней и голода воины мечтали о помощи. Но ее было ждать не откуда - Финский залив был покрыт льдами и связь со Швецией прервалась до конца весны. А от расположенного поблизости Выборга гарнизон Ландскроны был отрезан, так как их разделяли несколько дней пути по землям союзной Новгороду корелы.

Тем временем новгородцы не теряли времени даром. Они отправили послов во Владимир к Великому князю Андрею Александровичу сыну Александра Невского, являвшемуся одновременно и князем новгородским, с призывом возглавить борьбу со шведским вторжением. И весной 1301 г. Андрей прибыл в Новгород. Он начал с дипломатической подготовки к войне. Сразу же было отправлено послание в Любек, который выступал главным торговым партнером Новгорода в европейской торговле.

В письме говорилось: “...купцы могут приезжать и отъезжать с добрым миром и под охраной князя и Новгорода. Если король шведский отнимет у нас и у вас путь по Неве, или если вышеназванный король шведский отступится от того и вернет землю всемогущего бога и Святой Софии и Великого князя Новгородского и разрушит крепость, которую он построил, или если он этого не сделает, пришлите к нам своих послов ради многих дел...” (ГВНП 1949: с.с. 62-63). Это письмо должно было подтвердить намерения Руси вести торговлю с Ганзейским союзом, а также способствовать политической изоляции Швеции, препятствовавшей ведению свободной торговли.

Собрав значительные силы, “приде князь великий Андрей с полки низовьскими, и иде с новгородцы к городу тому, и приступиша к городу месяца мая 18,... и потягнуша крепко силою святыя София и помощью святою Бориса и Глеба твердость та ни во что же бысть за високоумье их; зане всеу труд их без божия повеления: град взят бысть, овых избиша и исекоша, а иных извязавше поведоша с города, а град запалиша и розгребоша. А покои, господи, в царствии своем душа тех, иже у города того головы своя положиша за святую Софию” (ПСРЛ., т.3. 2000: с. 91). Летописное сообщение о победе на Охте отличается крайней лаконичностью.

Подробности штурма Ландскроны, имеющиеся в Хронике Эрика, позволяют в деталях представить драматическую картину

этих событий. “Русские тогда снова собрались и карелы, и язычники”, это было “громадное войско” - сообщает хронист. В сложившейся ситуации, обороняющиеся могли рассчитывать на скорую помощь из Швеции. Приближалось лето и шведский флот с войсками и продовольствием, вероятно, уже вышел в море и ожидался в Ландскроне со дня на день.

Когда небольшой конный отряд русских проследовал к устью Невы, обеспокоенные шведы “...надели быстро свои доспехи” и последовали за ним. “Когда они подъехали к устью, то ничего там не заметили, кроме срубленных бревен, которые были туда притащены и свай, которые они (русские П.С.) собирались вбивать...”. Поняв, что русские хотели “забить сваями устье реки”, шведский разведывательный отряд, в составе двадцати человек решил вернуться в крепость.

Судя по всему, речь шла об устье Средней и Большой Невки. Этому месту соответствует и расстояние — две шведских мили от крепости, названное в хронике. К тому же это единственное место, куда от устья Охты можно было добраться по суше. Именно по этим рукавам Невы шел наиболее удобный и короткий путь к Ландскроне. Ведь еще в XVII столетии на шведских картах этот вариант входа в дельту Невы указан как старый путь к Ниену.

На обратном пути шведы наткнулись на засады, устроенные русскими в лесу. Согласно хронике “...прорвались они через все три засады...”. В схватке у третьей из них был ранен “господин Стен, который был их начальником”, многие были выбиты из седел и вынуждены были пробиваться пешими. Русские преследовали их до самых ворот крепости (рис. 5).

Одна очень интересная находка была сделана в 1970-е гг. в Старой деревне — в непосредственной близости от того места, где происходили эти события. Здесь была найдена кольчуга, древнерусского происхождения, которая по ее виду была отнесена специалистами как раз к тому самому XIV столетию. Следовательно, она вполне могла принадлежать одному из воинов, участвовавших в этих столкновениях.

Возникает вопрос какая же цель ставилась русским отрядом, отправленным к устью? Сомнительно, что это была просто попытка выманить шведов из крепости. Ведь если бы это была изначально спланированная операция с целью заманить их в ловушку, навряд ли им удалось бы вернуться назад. Засады, устроенные русскими на обратном пути шведов были чем то вроде дозоров, которые могли бы воспрепятствовать внезапному нападению противника на основные силы,

рис. 3. Невская битва 1240 г. Миниатюра из Лицевого
Жития Александра Невского. XVI в.
The battle on the Neva, 1240. Illuminated Chronicles of the
Life of Alexander Nevsky. XVI c.

рис.4. Отряд русских воинов в поле. Клуб Княжеская дружина.
Group Russian warriors in a field. Historical Club.

рис.5. Схватка в лесу. Клуб Княжеская дружина.
Fight in a wood. Historical Club

находившиеся к этому времени уже где-то поблизости. С другой стороны такое нерешительное поведение русских могло быть вызвано тем, что прибывший к устью Невы передовой отряд не располагал достоверной информацией о реальных силах противника и поэтому действовал с крайней осторожностью.

Следовательно, в задачу авангарда входили какие-то мероприятия по охране устья Невы. Естественно, задача перекрытия входа в Неву во всех ее протоках, чтобы отрезать крепость от ожидаемой помощи из Швеции, была бы совершенно невыполнимой и даже абсурдной для того времени. Однако, устройство засады в таких узких протоках, как Большая и Средняя Невка, могло бы сыграть роковую роль для ожидаемого в крепости шведского флота. При этом сваи, забитые в воду должны были бы служить заграждениями, что широко использовалось в средневековой борьбе на воде. Главная же роль, вероятно, отводилась военным отрядам, укрывшимся на островах, которые могли бы если и не уничтожить, то в любом случае нанести значительный ущерб неприятельскому флоту, внезапно напав на него с берега.

Описание штурма крепости, в хронике, изобилует преувеличениями достоинств шведских воинов. “Когда русские подошли, там было шестнадцать человек, способных к бою. Русские штурмовали и днем и ночью, много было нанесено сильных ударов...язычники часто сменялись. Один отряд уходил, другой подходил” (рис. 6). Трудно поверить, в то что шестнадцать человек могли столь длительное время сопротивляться большому войску. Вероятно, осажденные все же располагали большими силами.

“В крепости той вспыхнул огонь, и она загорелась, и русские вошли с рукопашным боем. Христиане тогда ушли с крепостных стен внутрь погреба и там защищались. Некоторые же были убиты на стенах”. Последние шведские воины закрепились в погребе — некоем укрытии, существовавшем внутри крепости. Но осознав, что сопротивление было бессмысленным, оставшиеся в живых воины, во главе с воеводой Стеном, сложили оружие.

“После того как пленных поделили и с этим было покончено, и добыча была взята, и крепость сожжена, все русские отправились домой и увели с собой пленных, немного уцелело от огня, так была взята крепость”. Сбылось пророчество хроники Олая, где в 1300 году была сделана запись, что замок Ландскрона был сооружен под плохим предзнаменованием.

Русь не могла смириться с существованием вражеской крепости

рис.6. П.Васин. Штурм крепости.
P.Vasin. Storm of a fortress.

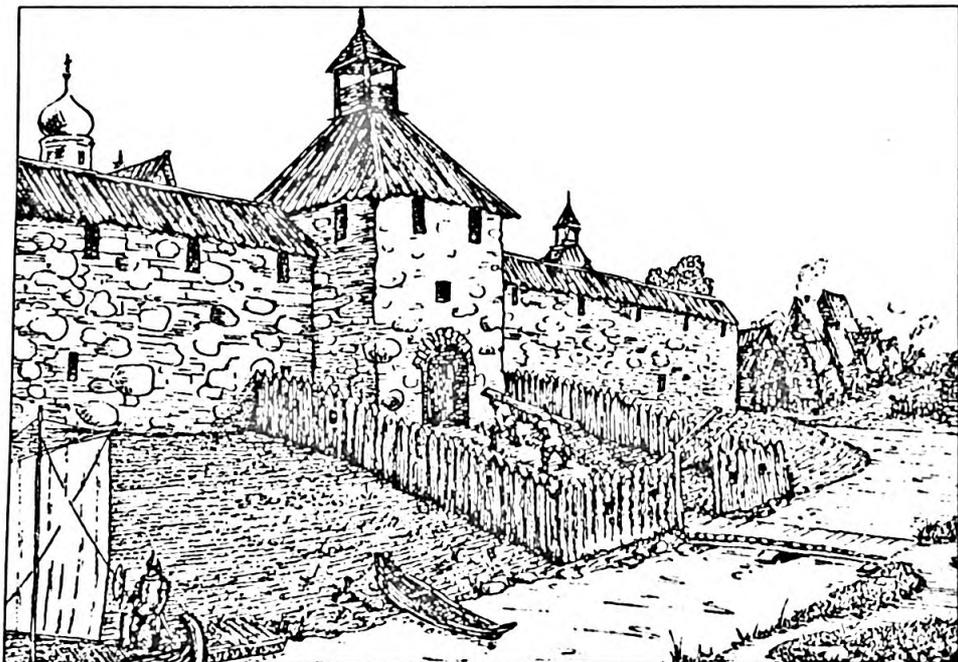

рис.7. Крепость Орешек. Реконструкция А.Н.Кирпичникова, В.М.Савкова.
The Fortress of Oreshek. Reconstruction by A.N.Kirpichnikov, V.M.Savkov.

на Неве — ведь это означало бы утрату выхода в Балтику, через который велась торговля с Европой. “...Крепость та была так поставлена, что жителям того края ничего другого не оставалось, как подчиниться или бежать, если они хотели остаться в живых...”, отмечал хронист. Разрушение Ландскроны характеризуется в русских летописях¹ такими выражениями, как — “запалиша и разгребоща...”, “...гору раскопаша”, а в шведской хронике — “...крепость сожжена”. Из этого следует, что все деревянные сооружения были уничтожены пожаром, а земляной вал срыт. Насколько тщательно производились эти работы по разрушению укреплений и какие следы их остались здесь, после того как русские войска покинули это место, судить сложно.

Память о Ландскроне сохранялась в Швеции на протяжении длительного времени. Так в договоре заключенном в 1447 г. между датско-шведским королем Христофором IV и Ливонским орденом, против Новгорода, вновь упоминается Ландскрона. Но, судя по контексту, речь в нем шла не о крепости, а о месте, где она располагалась — то есть об устье Невы. (Немиров 1888: с. 31).

Почему же новгородцы не воспользовались уже созданными укреплениями, чтобы отстроить их, оставить там свой гарнизон и таким образом навсегда закрыть вход в Неву для неприятеля. Прямого ответа на этот вопрос в древнерусских документах нет. Но тот факт, что укрепления были разрушены, свидетельствует о том, что такие планы не ставились вообще. Вероятно, содержание крепости в этом месте, не входило в стратегические планы Новгорода.

Причиной этого было значительное удаление устья Невы от основных районов древнерусского расселения на Северо-Западе. От ближайших крепостей Ладоги, Копорья и Корелы этот район отделяло два — три дня пути, а от самого Новгорода не менее недели. Поэтому оборона ее потребовала бы значительных материальных затрат, необходимых для содержания постоянного гарнизона в малонаселенной местности. Кроме того, новгородцы могли опасаться, что внезапным налетом с моря шведы вновь овладеют Ландскроной и смогут закрепиться в ней на долгие годы. Так или иначе, Нева и ее побережье остались незащищенными от вторжений неприятеля. Только спустя четверть века, после новых кровопролитных сражений, система обороны Северо-Западной Руси была дополнена в 1323 г. крепостью Орешек, сооруженной на острове в истоках реки Невы (рис. 7).

¹Новгородской и Софийской летописях.

ПОСЕЛЕНИЕ НЕВСКОЕ УСТЬЕ

Устье реки Охты не стало безжизненным полем ристалища после разрушения Ландскроны. Судя по имеющимся находкам, в первой половине XIV в. жизнь на этом месте продолжалась. Реконструируемые формы, найденных здесь осколков красноглиняных кувшинов и горшков, сопоставимы с наиболее ранними керамическими сосудами из крепости Орешек. К сожалению, они и не дают ответа на вопрос о точном времени возникновения древнего поселения в устье реки Охты. Так что пока не известно предшествовало ли оно Ландскроне или появилось на ее пожарище. Логично предположить, что сооружение крепости, как это обычно бывало, происходило на уже освоенном месте. Это во многом облегчало задачу строителей. Возможно, ответ на этот вопрос удастся получить при последующих раскопках.

Массовое заселение побережья Невы русским и ижорским населением происходит, вероятно, после строительства крепости Орешек и заключения в 1324 г. Ореховецкого мира между Новгородом и Швецией. Земли в устье Охты вошли в состав Спасо-Городенского погоста Ореховецкого уезда, с административным центром в том же Орешке. Уезд, в свою очередь, был частью Водской пятины¹ новгородского государства, получившей свое название от финского племени водь, населявшего Ижорское плато. Наименование погоста определялось названием главного храма — Спасской церкви, находившейся в Орешке.

¹ Первое описание поселений в устье реки Охты содержится в

¹пятая часть основной территории Новгородского государства.

Писцовой книге Водской пятины 1500 года (рис.8). Согласно этому документу земли в нижнем течении Охты издавна принадлежали двум знатным боярским родам Великого Новгорода. После присоединения к Москве, расположенные здесь селения, входили в состав владений Великого князя, которые названы как волость “на реке Неве у моря” и “деревни на усть Охты” (ВМОИДР 1851: с.119-121).

В последние годы существования Новгородской республики волость “на реке Неве у моря” принадлежала Тимофею Грузову, а

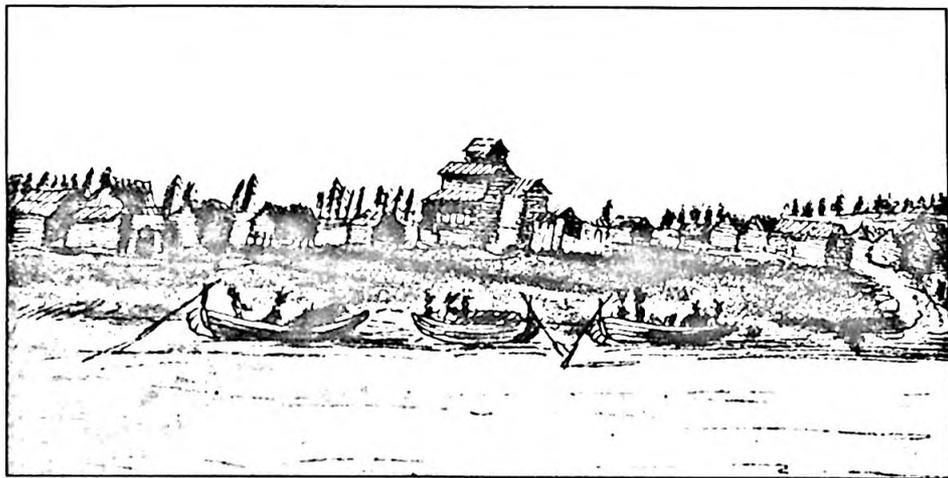

рис.8. Русская деревня на Северо-Западе. Из альбома Мейерберга XVII в. A village in Northwest of Russia. From Meierbergs album, XVII th. c.

“деревни на усть Охты” Олферию Ивановичу Офонасову. Новгородское боярство, пользовавшееся правом занятия главной государственной должности — посадника, являлось высшим слоем общества республики. Оно обладало большими земельными владениями, разбросанными во всех частях государства.

Грузовы и Офонасовы принадлежали к различным ветвям древнего новгородского боярского гнезда. Их общим предком был известный посадник 1385 - 1421 г.г. Федор Тимофеевич. Наиболее знаменитым из рода Грузовых был Офонасий Остафьевич, занимавший эту высшую должность в 1445 - 1475 г.г. (Янин, 1981: с. 78, 101). В 1475 г. посадником был и его брат Тимофей Остафьевич, владевший землями в устье Охты.

Посадник Иван Офонасов - представитель Славенского конца - был одним из крупнейших землевладельцев Новгорода. При

этом он принадлежал к антимосковской партии - “мыслил от великого князя Новгороду датися за короля”¹. За эту крамолу Иван III выслал его в 1475 г. “оковав с своими приставами”, вместе с сыном Олферием Ивановичем в Москву. (Янин 1981: с. 76. Бернадский 1958: с. 240).

Родство Офонасовых и Грузовых прослеживается и в размещении их земельных владений, которые во многих частях Новгородской земли соседствовали между собой. Поэтому первоначально деревни в устье Охты, наверняка, принадлежали одному из их общих прародителей. А это позволяет связывать появление этих владений не позднее чем с XIV столетием.

После присоединения Новгорода к Москве, для укрепления своих позиций в покоренном крае, Иван III лишил многих знатных новгородских бояр их земель и переселил их в центральную часть государства. В то же время, “князь великий москвичь и иных городов людей посла в Новгород на житье”, сообщила под 1489 г. Софийская летопись. Земли, отобранные у враждебных новгородских бояр на Северо-Западе, получили в поместное владение обедневшие представители видных княжеских родов, дворяне и дети боярские, находившиеся на царской службе.

В результате волость “на реке Неве у моря” была пожалована Великим князем во владение “Одинцу с товарищи”. В русской истории этого периода известно несколько таких фамилий, положивших начало известных дворянских родов Одинцовых. Известен Одинец “послужилец Салтана Травина”, который в 1488 году был переведен в Новгородские земли, где получил поместья в Водской земле. Другой Одинец - новгородский подъячий, был послан из города в 1478 году к Ивану III с присягой. Спустя несколько лет, в 1490 г., он упоминается в составе делегации встречавшей немецкого посла, а в 1504 году назван как дьяк и помещик (Руммель, Голубцов т.2. 1887: с. 220, 226). На вопрос, кто из них был Одинец, владевший землями в устье Охты, еще предстоит найти ответ.

Две Олферьевские деревни в этих местах были переданы в поместное владение князю Андрею Александровичу. Он происходил из рода ростовских князей, предками которого были Юрий Долгорукий и Владимир Мономах. Усиление Москвы привело к тому, что во второй половине XIV в. ростовские князья уже подчинились

¹имеется ввиду польский король Казимир IV.

ей, а “...в конце этого столетия и в начале XV сохраняя еще значение князей владетельных, являются как бы обыкновенными слугами Великого князя Московского”. Наконец в 1474 г. они полностью лишаются владений в городе, “продаша Ивану Васильевичу свою отчину половину Ростова...”, остававшуюся в их владении (Экземплярский 1891: с.55, 61).

Волость “на реке Неве у моря” включала земли на ее правобережье в нижнем течении вплоть до Финского залива. Согласно переписи 1496 г. - “по старому письму”, в нее входило 5 деревень, в которых было 32 двора. К 1500 г. количество дворов в этих поселениях увеличилось до 44. При этом здесь уже названы только три деревни: Корабельница, Нижний двор Ахкуево, и Минкино, а так же два сельца, выросшие из деревень: Кулза и Усть-Охта. Из документов явствует, что Кулза располагалась на побережье – у моря, а Корабельница и Ахкуево, где-то на берегу Невы вблизи устья реки Охты.

Сельцо на Усть-Охты на Неве, состоявшее из 18 дворов и земельных угодий, находилось, вероятно, на обоих берегах при впадении Охты в Неву. Только четыре двора в нем населяли пашенные люди, занимавшиеся земледелием. Это были: “Сменко, да Федко Офонасовы, Ивашко да Родионко Демеховы, Федко Дмитров, сын его Ондреянко, Семен Васильев...” Они сеяли “ржи двенадцать коробей. Сенокосы жителей сельца находились на значительном удалении - “на море на острове на Сундую”, где на четырех обжах земли¹ скашивали “двесте копен” сена. Но основную часть жителей сельца составляли поземщики - непашенные люди, занимавшие 14 дворов. Все они также носили русские имена: Бориско Палкин, Петрок Лукьянов, Степанко Юркин, Федка Микулин, Ивашко Обросимов, Палка Плешаков, Грихно Филипов, Матвейко Петров, Михаил Белавя, Дмитров сын, Грихно Кузьмин, Ивашко Лукин, да Ивашко Фомин, Оверкейко Родивонов, Васюк Нестеров, Федко Костков. Жители сельца платили земельный налог - “позем” составлявший три гривны, и еще одну гривну ключнику.

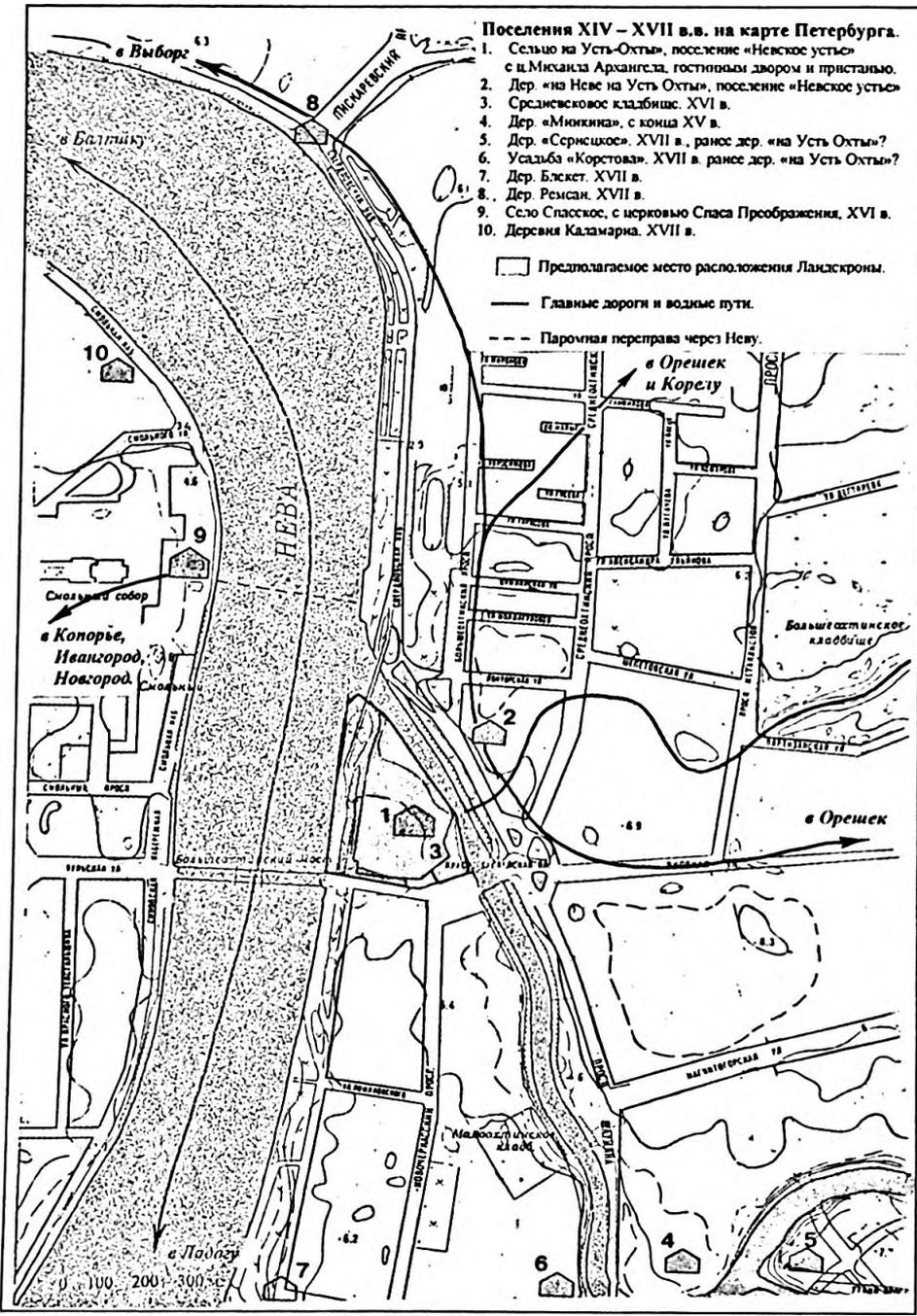
В писцовой книге зафиксированы только имена домохозяев. Соответственно большинство из них имели семьи. При этом нетрудно заметить, что количество семей было большее, чем количество

¹обжа — участок земли вспахиваемый одним человеком на лошади за один день

Поселения XIV – XVII вв. на карте Петербурга.

1. Сельцо на Усть-Охты, поселение «Невское устье» с Михаилом Архангела, гостиным двором и пристанью.
2. Дер. «на Неве на Усть Охты», поселение «Невское устье»
3. Средневековое кладбище. XVI в.
4. Дер. «Миникин», с конца XV в.
5. Дер. «Сернское». XVII в., ранее дер. «на Усть Охты»?
6. Усадьба «Корстова». XVII в. ранее дер. «на Усть Охты»?
7. Дер. Блескет. XVII в.
8. Дер. Ремсан. XVII в.
9. Село Спасское, с церковью Спаса Прображения, XVI в.
10. Деревня Каламарна. XVII в.

□ Предполагаемое место расположения Ландскроны.
 — Главные дороги и водные пути.
 - - - Паровая переправа через Неву.

дворов, так как в отдельных дворах могли проживать две и более семьи. Таким образом, население сельца должно было составлять несколько десятков человек.

Деревня Минкино, находилась в излучине правого берега Охты, напротив устья ручья Оккервиль. Ее точное местоположение известно по картам XVII столетия. Здесь было четыре двора, в которых проживали: Олексейко да Стехно Микулины, Титко Ивашков, Кондратко Грихнов, Михаил Ивашков. В книге говорится, что они “...сеят ржи двенадцать коробей, а сена косят на море полтораста копен, три обжи”. Первоначально с них взимался налог “денег гривна, а из хлеба четверть, а ключнику четыре деньги, двадцать сигов Невских, коробья ржи, коробья овса, две бочки пива...”. Постепенный переход с натурального на денежный налог предусматривал выплату этими крестьянами шести гривен и поставку двух бочек пива.

Помимо сенокосов на море, в общем владении жителей волости, а иногда и нескольких волостей были рыболовные тони¹ на реке Неве. Причем, зачастую, так же как и сенокосы, они находились на значительном удалении от поселений. Также и сами поселения, принадлежавшие к одной волости, часто были разбросаны в разных местах за десятки километров друг от друга.

Еще две деревни, обозначенные в книге “на усть же Охты на Неве” и “на Неве, на усть Охты” включали соответственно один и два двора. Согласно старой переписи 1496 г. они образовывали одну деревню с пятью дворами, что свидетельствует о территориальной близости этих поселений. Жили здесь: Севастьянко Семенов с сыном Ивашкой, Давыдко Волков, Васько да Ивашка Сменовы. Они сеяли рож, овес и лен, разводили овец, ловили сигов, варили пиво.

Наличие в сельце на Усть Охты значительного количества поземщиков, людей не занимавшихся земледелием и плативших денежный налог в казну, позволяет предположить непосредственное отношение их к торговле в устье Невы. В XVI веке, вероятно именно здесь, формируется русский торговый центр, получающий в документах название — Невское устье или Невский городок, в котором, велись торги русских и западноевропейских купцов. Деревня Корабельница, располагавшая поблизости, могла быть местом стоянки морских судов, приходивших из стран Балтики.

¹ тоня — рыболовное место, с сараями для хранения лодок сетей и других рыболовных принадлежностей.

Упоминания о торговых операциях на Неве в средневековье и некоем городе в нижнем течении Невы, находят свое продолжение и в документах XVI столетия. Свидетельства эти очень отрывочны, но все же они позволяют сделать гипотетическую реконструкцию картины развития торгового поселения в устье реки Охты.

В донесении Выборгского губернатора Ролова Матсона тогдашнему шведско-датскому королю Христиану II, от 21 августа

рис.9. Русский купец,
немецкая гравюра XVI в.
Russian merchant,
German engraving XVI th c.

1521 года, имеются сведения о нападении морских разбойников на русский торговый город Ниен.

В нем сообщалось следующее: “ ... вблизи России явился корабль с несколькими яхтами к одному городу, называемому Ниэном, который они (морские разбойники) ограбили и сожгли; и взяли у русских все, что им попало под руку. И прибыло несколько человек, подданных Вашего величества, живущих в Выборгской губернии, в море на островах, и жаловались мне, что они взяли и разграбили у них суда и имущество, которое эти бедные люди имели при себе, когда плыли в Ниэн и из Ниэна за припасами; и выбросили

несколько человек за борт, а потом пустили по ветру суда этих бедняков. Узнав об этом снарядил я свои яхты, и посадил на них людей Вашего Величества. Они вступили в бой с двумя лодками, отнятыми у русских и у других купцов. На судах было найдено много добра, имущество захваченное ими у подданных Вашего Величества, рож, соль и прочее, купленное ими для своего продовольствия. На судах было 14 человек, которые и производили этот разбой. Они теперь содержатся здесь у меня с судами и с имуществом. Кроме того здесь находится посол Великого князя (Василия Ивановича) и требует, чтобы я возвратил русским их собственность, найденную на судах и похищенную у них неприятелем. Люди же Вашей милости шли на смерть, чтобы отбить у неприятелей упомянутое имущество...”

Уже А.И.Гиппинг, полагавший, что достоверность приводимого документа не подлежит сомнению, сожалел, что он не находит подтверждения в современных русских источниках. (Куник 1862: IV-V). Тем не менее, наряду с другими отрывочными свидетельствами, датированными XVI столетием, это сообщение может быть признано, как первое упоминание города на Неве. Конечно, это не был еще город в нашем понимании этого слова, но определенные черты присущие городским поселениям, к тому времени, он уже имел (рис. 9).

Отрывочные сведения об устье Охты и о городе на Неве встречаются в шведских документах, связанных с военными действиями, на протяжении всей второй половины XVI в. Так в 1555 году шведские войска сушей и водой “на бусах с нарядом”¹ подошли к Орешку. “И по городу из наряду били и землю воевали, а стояли под городом три недели”.

В результате вылазки защитников крепости одна буса с 4-мя пушками и командой в составе 150 человек была захвачена. Несмотря на то, что остальные суда смогли отбиться, осада крепости была снята. Преследуемая русскими войсками, шведская флотилия под началом Якова Багге, стала отходить вниз по Неве. Однако из-за сильного встречного ветра, шведы вынуждены были простоять четыре дня в устье реки Охты, отбиваясь от нападавших на них русских войск .

В 1574 г. шведский король Юхан III отдал приказание Герману Флемингу, совершавшему новый поход в Неву, уничтожить здесь два купеческих города (Кирпичников 1980: с. 73). Одним из этих городов, несомненно, был Орешек, под вторым же, вероятно,

¹ морские корабли, вооруженные артиллерией

подразумевалось торговое поселение в устье реки Охты. В ходе очередной русско-шведской войны в 1583 г. тот же король отдает распоряжение соорудить на месте каких-то старых, наполовину развалившихся укреплений на Неве, новые - дерево-земляные (Bonsdorff 1891:с.4).

Под 1599-1603 г. г. в Выборгских таможенных книгах упоминается Невский городок, занимавший 4.5% в торговом обороте Выборга (Кирпичников 1980: с.86). К вышеприведенным сведениям из шведских документов XVI в., можно добавить еще и сообщение 1610 г., когда с началом войны, шведы захватили два русских судна и несколько бочек соли в городе на Неве. Все эти упоминания, так или иначе, свидетельствуют о том, что в XVI столетии здесь зарождается торговое поселение. Расположение его в устье Охты подтверждается русскими документами того же времени.

Запустения земель в устье Невы, происходившие от войн, опричных грабежей, наводнений, неурожаев и даже непомерных податей были засвидетельствованы в специальных Обыскных книгах. В книге составленной в 1573 году говорилось, что во владениях - "боярщине" Ивана Хорошева в устье Охты многие земли запустели. В разные годы причины этого были различные: в 1566 г. - "от государевых податей", в 1567-68 г.г. - "от свейских немец от войны", в 1570 г. - "от опричного правезу Темеша Бастанова".

Среди разоренных населенных пунктов названы деревня Минкино, а также деревня "на Охте под старым усадищем у Архангела у Михаила" (Бутков 1863: с.415). Вероятно, под названием Усадище, которое давалось наиболее старым родовым поселениям, скрывается известное нам сельцо на Усть Охты, являвшееся наиболее крупным, а возможно и самым древним, населенным пунктом в этом районе. Упоминаемая здесь церковь или часовня Михаила Архангела, наверняка, связана с полем битвы под Ландскроной. В традициях Древней Руси было сооружение на полях брани храмов, в память павших на них воинов. А как известно, Архангел Михаил считался одним из покровителей православного воинства.

Более подробные сведения о поселении в устье Охты имеются в Обыскных книгах 1599-1600 гг (Селин 1998: с.18-21, 1998а: с.269-272). Здесь уже говорится о церкви поставленной в этом месте на землях помещика Богдана Хорошева. Возможно отождествление этой церкви с упоминаемым в тех же документах храмом Михаила Архангела в урочище "Венчище". Оно очень хорошо согласуется с русским

названием Ландскроны – Венец земли. (Селин 1998: с. 21, 1998а: с.271).

На том же берегу Охты, где была церковь, находились “Государев гостиный двор”, корабельная пристань, а также дворы Богдана Хорошева. Богдан и Фадий Хорошевы, с Костей Горбовым владели здесь тремя обжами земли, четвертая же была отдана под церковь. На противоположном берегу напротив гостиного двора располагалась усадьба вдовы Ивана Хорошева, владевшей здесь пятью обжами земли. Еще одна обжа принадлежала здесь тому же Косте Горбову (Селин 1998: с.19).

Хорошевы известны как помещики Водской пятины на протяжении всего XVI столетия. Неклюд Хорошев, являвшийся, вероятно, родоначальником этой семьи, получившим здесь земли после присоединения Новгорода к Москве, упомянут уже в Писцовой книге Водской пятины 1500 г. (Селин 1998 а: с. 270). Однако, сведения о том, что Хорошевы имеют владения в районе устья Охты, относятся только ко второй половине этого столетия.

Разведочные археологические исследования, проведенные в этом районе в 1992-93 гг., позволили выявить позднесредневековые находки на мысу между Охтой и Невой в 300 м. от места слияния этих рек. Здесь во время перестройки Петрозавода были обнаружены фрагменты керамических сосудов и железный топор-колун (Сорокин 1996: с.29).

В этом же районе на левом берегу реки Охты был обнаружен грунтовый могильник. Остатки двух обследованных погребений были нарушены, судя по всему, еще в древности. Это обычное явление для существующих длительное время кладбищ, когда при устройстве новых захоронений старые погребения нарушаются. В них не было обнаружено каких либо вещей. Антропологический анализ найденных останков показывает, что они принадлежали мужчине в возрасте от 50 до 55 лет и женщине 35-50 лет ¹. Радиоуглеродная датировка костных материалов позволяет относить их ко второй половине XVI в. Впоследствии, было выяснено, что человеческие останки находили здесь и ранее при подводке подземных коммуникаций к новым корпусам Петрозавода (Сорокин 1994: с.107-110).

Возможно, что с этим кладбищем связано и возникновение легенды о братском захоронении русских солдат погибших при

¹анализ произведен В.А.Козьминым

штурме Ниеншанца. Именно с этой могилой предание связывало и дуб, посаженный здесь Петром Великим, который до середины XX в. рос примерно в 100 метрах к северо-востоку от выявленных погребений.

Еще одним свидетельством существования здесь раннего могильника может быть название бастиона Ниеншанца, выходявшего в этом месте к Охте, который именовался - Мертвый бастион. В этом следует видеть отражение информации о старом некрополе, который многократно обнаруживался при земляных работах на этой территории. Судя по всему, кладбище занимало прибрежную полосу по левому берегу Охты протяженностью около 50-80 м и шириной около 30-50 м.

Местонахождение вещей позднесредневекового времени – фрагментов керамических сосудов и топора позволяет предполагать, что поселение синхронное могильнику, находилось поблизости – к востоку от него – в центральной части мыса, образуемого Невой и Охтой, как раз на том месте, где впоследствии была сооружена шведская крепость. Здесь же - вблизи некрополя существовал, по всей видимости, и храм. Наиболее вероятным местом расположения корабельной пристани была часть побережья реки Охты, находящаяся ближе к ее устью. Соответственно, невдалеке от нее должен был размещаться и гостиный двор.

Интересно в этой связи рассмотрение шведских картографических материалов начала -середины XVII столетия. На карте Ниена, изготовленной около 1643 г., внутри первоначальной крепости изображены королевский двор и дорога, связывавшая его с мостом через Охту. Мост этот располагался ниже устья реки Чернавки, вероятно, уже за пределами территории занимаемой старым некрополем. Здесь же мы видим постройку, увенчанную крестом.

На карте датируемой около 1650 г. на мысу у моста через Охту, показан королевский двор - замок, отделенный от остальной территории некой границей. Южнее - напротив устья Чернавки, снова изображено строение с крестом на кровле, а выше по течению реки постройки с печными трубами. Прямо за ними, в центральной части мыса, мы можем наблюдать распланированные земельные участки. Очевидно, что изображенная здесь планировка имеет определенные соответствия с топографической ситуацией предшествующего времени.

Строение увенчанное крестом (церковь, часовня ?) в обоих

случаях обозначено на месте выявленного некрополя, а следовательно, не исключено, что оно восходит к дошведскому времени. Местоположение жилых построек также попадает на ту территорию, где были сделаны находки позднесредневековых вещей. Земельные участки, разбитые у берега Невы, наверняка соотносятся с земледельческими угодьями предшествующего времени.

Королевский двор, занимавший возвышенное место в центре мыса и связанный с побережьем Охты у ее устья дорогой, так же наверняка был построен на ранее освоенном месте — возможно там, где находился Государев гостиный двор (Сорокин 2000: с.194-207). Все эти совпадения могут объясняться тем, что площади освоенных — пригодных для проживания земель в нижнем течении Невы были достаточно ограничены. Раскорчевка, распашка и осушение новых территорий требовали значительных трудовых затрат и очень длительного времени. Поэтому при строительстве Ниеншанца, наверняка, в полном объеме были использованы все земельные угодья предшествующего времени, а возможно и некоторые сооружения, которые могли быть перестроены новыми владельцами этих земель.

В сообщениях об основании Ниеншанца в 1611 г., говорится, что он был построен на месте более раннего укрепления, сооруженного шведами в ходе военных действий. Этот шанец служил для хранения военных припасов (Гипинг 1909. т.2.: с.258).

Однако, целый ряд фактов говорит о том, что и укрепления на мысу при впадении Охты в Неву могли существовать также еще во времена российской юрисдикции над этой территорией. Память о старых укреплениях на мысу между Невой и Охтой, предшествовавших Ниеншанцу, сохранялась длительное время.

Еще в 1681 г. королевский фортификатор Эрик Дальберг писал, что шведская крепость была не первой в этом месте. Именно здесь, по его мнению, располагалась не только Ландскрона, но также и "...редут сооруженный русскими в прошлую войну..", который был только улучшен во времена королевы Кристины инженером Зойленбергом.

План первоначальных укреплений на мысу¹, в виде вытянутого многоугольника с тремя бастионами, также напоминает скорее традиционные русские, чем шведские приемы фортификации.

¹карта 1643 г.

С другой стороны, такой факт как сооружение новой крепости не мог бы остаться неотраженным в русских документах того времени.

В таком случае можно предполагать, что укрепления Ландскроны не были срыты и засыпаны полностью и время от времени использовались на протяжении всего средневекового времени, возобновляясь от случая к случаю.

Не совсем ясно, что имел в виду Эрик Дальберг под прошлой войной. Военные действия между Россией и Швецией вспыхивали в Ижорской земле на протяжении всей второй половины XVI столетия. Последняя война продолжалась с 1590 г. по 1595 г.

Интересное сообщение, касающееся этой войны, имеется в Разрядной книге. В 1593 г., когда русские войска стояли в Ямском уезде, "...послали воеводы ко Спасу на Неву на Устье князя Петра Ахамошуковича Черкассково да князя Михаила Быка Путятина, а с ними посланы казаки да татаровья..." (РК 1977) (рис. 10). Исторических документов о строительстве укреплений на Охте, в это время, пока не известно. Однако, эти укрепления могли быть воздвигнуты русским отрядом, направленным к устью Невы в 1593 г.

Первое достоверное упоминание о Спасском селе расположенном на левом берегу Невы напротив устья Охты, относится к 1555 г. и также связано с войной. Тогда "Спас на Неве" назван пунктом сбора русских войск, готовившихся к походу на шведов. По царской грамоте сюда должны были явиться дети боярские, а также доставлен корм для войска татарского царевича Кайбалы (Селин 1998: с.270).

Вероятно, появление его относится к более раннему времени, так как храмы сооружались, обычно, в крупных населенных пунктах, а не возникали в одночасье в необжитых местах. Для освоения территории требовалось продолжительное время. Вероятно, до строительства здесь храма, этот населенный пункт имел другое название, поэтому Спасское и не упоминается в Писцовых книгах XVI столетия (Сорокин.1995: с.288-290).

Существует предположение, что первоначально это была выставка Ненела в волости Калганицы на Неве. В этом поселении уже в начале XVI в. имелась церковь, которая в 1577-89 гг. называется в документах как церковь Преображения (Селин 1998: с. 270). Судя по обнаруженной, в процессе раскопок 1994 г., позднесредневековой керамике XV-XVI в.в., Спасское село располагалось на берегу Невы, напротив современного центрального каре Смольного монастыря. К

сожалению следов самого храма найти не удалось, так как часть территории в этом районе оказалась застроена, и позднесредневековый слой, в значительной мере, был перемещен в XVIII столетии в ходе строительства монастырского комплекса (Сорокин 1996: с.38).

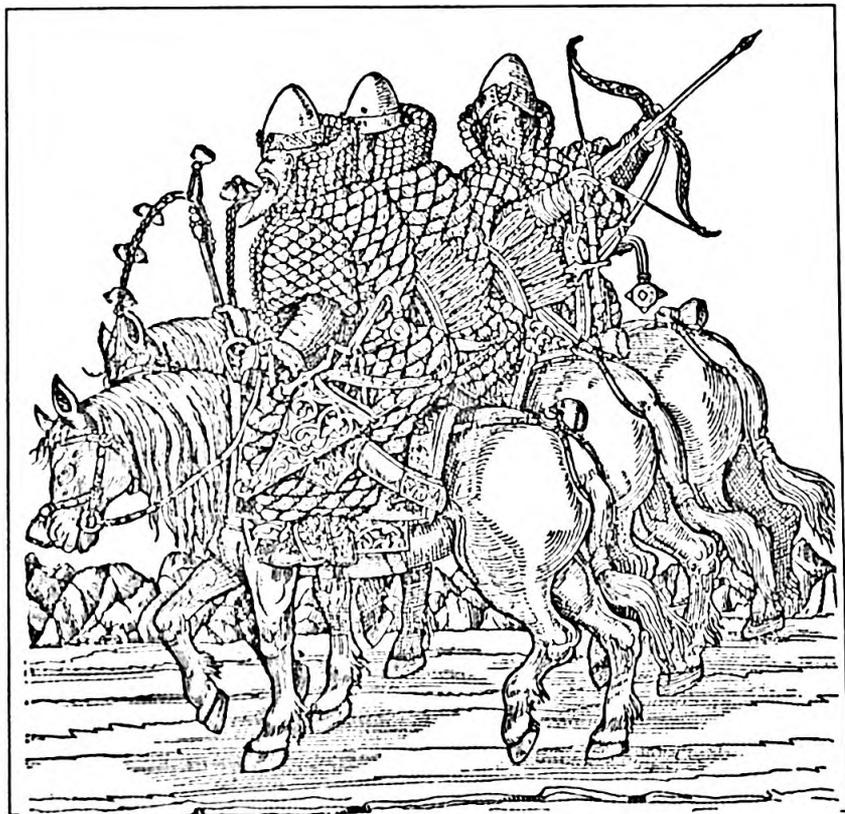

рис.10. Вооружение русских всадников,
из книги С. Герберштейна. Сер. XVI в.

Arms Russian riders, from the book of S. Gerbershtein, XVI th. c.

На протяжении средневекового периода происходит постепенная русская колонизация побережий водных путей, выходящих в Балтику. В результате этого передовые центры торговли и базирования русских судов перемещаются в XIV-XV в.в. из глубинных районов страны ближе к ее морскому побережью, оказываясь за пределами мелководных и порожистых участков рек. Это с одной стороны делало их достижимыми для иностранных

кораблей, а с другой создавало прочные предпосылки развития русского мореплавания на Балтике.

В XVI столетии в районе устья реки Охты и современного Смольного монастыря начинает развиваться поселение с чертами городского центра. Некоторое удаление от устья Невы предохраняло его от разрушительных наводнений и внезапных нападений с моря. Расположение на пересечении важных торговых путей, создавало предпосылки для его быстрого развития и процветания. Однако, войны России со Швецией и опричное разорение второй половины XVI в. не позволили этому поселению окончательно сформироваться и стать городом уже в то время. Этот процесс получил свое завершение только в следующем столетии, уже под властью шведской короны.

НИЕНШАНЦ

В начале XVII столетия, когда Россию раздирали внутренние противоречия Смутного времени, Швеция и Польша пытались посадить на русский престол своих ставленников и добиться отторжения приграничных земель. Шведские войска под предводительством Якоба Делагарди, прибывшие на русскую территорию как союзники в войне с поляками, с изменением политической ситуации в 1610-11 гг., стали занимать один за другим города Северо-запада.

Однако еще задолго до этого - осенью 1609 г. шведский король Карл IX послал на Неву своего доверенного Арвида Тенессона с целью разведки места для строительства новой крепости. А несколько месяцев спустя, - 24 февраля 1610 г., королем было отдано официальное приказание - найти на Неве место удобное для сооружения новой крепости, "чтобы можно было защищать всю Неву под эгидой шведской короны"} В качестве одного из возможных называлось то место, где располагался блокгауз времен Магнуса Эрикссона¹. На Неву был отправлен строительных дел мастер Даниэль Брандт, которому поручалось осмотреть выбранное для крепости место (Bless 1938: с.74)² В начале 1611 г., вскоре после взятия Корелы шведскими войскам, Делагарди предложил королю ускорить процесс строительства новой крепости на Неве, в 6 милях от Нотеборга (Bonsdorf 1891: с. 5-6). К письму Карлу IX был приложен проект новых укреплений, который, судя по всему, был одобрен королем.

¹ Магнус Эрикссон - шведский король, совершивший крестовый поход в Неву в 1348 г.

² Перевод статьи Я.Блесса любезно предоставлен А.Н.Кирпичниковым.

рис. 11. Ингерманландия на карте 1695 г. Ингерманланд on a map of 1695.

Работы по сооружению крепости начались весной того же года. В мае, в целях ускорения процесса строительства, их возглавил крепостной мастер Херро Янсс. Надзор за работами был поручен полковнику Линдведу Классону Хестеско. Недостаток людей был восполнен крестьянами, согнанными из Выборгского и Кексгольмского ленов. На сроках работ сказывалась нехватка квалифицированных рабочих и материалов, а также предпринимавшиеся с русской стороны попытки помешать строительству. В письме, отправленном Арвиду Тенессону в начале июля, король вновь сетовал на то, “что медленно строится укрепление на Неве” и призывал его ускорить сооружение крепости (Bless 1938: с. 74)¹.

К концу 1611 г. новая крепость, вмещавшая 500 человек, в основном, была завершена (Гиппинг 1909: с. 258). В тех условиях, когда шведский король вынашивал планы закрепления за Швецией Карельской и Ижорской земель, новые укрепления стали важным опорным пунктом, защищавшим устье Невы и проходящие через него коммуникации.

Крепость получила название – Ньюенсканс, что в переводе со шведского означало – Невское укрепление. Русское название города на Охте – Канцы, было производным от шведского Сканцен, что означало земляное укрепление, небольшая крепость. Финны называли его Неванлинна. Начиная с петровского времени, в русском языке закрепился немецкий вариант названия крепости – Ниеншанц.

В том же 1611 г., после смерти короля Карла IX, на шведский престол вступил его сын Густав II Адольф, который вошел в историю как выдающийся полководец и государственный деятель. Вскоре шведские войска заняли всю Ижорскую землю, овладели Новгородом и осадили Псков. Только героическая оборона Пскова в 1615 г. остановила их дальнейшее продвижение. Однако, ослабленная бесконечными войнами и внутренними раздорами Россия не могла продолжать войну за возвращение утраченных земель.

В речи, произнесенной в Шведском риксдаге, Густав II Адольф так подвел итоги этой войны: “Теперь без нашего позволения русские не могут выслать ни одной лодки в Балтийское море, большие озера Ладожское и Пейпус, Нарвская поляна, болота в 30 верст ширины и мощные крепости отделяют нас от них. Теперь у русских отнят доступ к Балтийскому морю и надеюсь, не так-то легко будет перешагнуть им через этот ручеек...” (Тимченко-Рубан 1901: с. 13-14). Результаты этой войны – утрата Ижорской земли и значительной

части Карелии были закреплены в 1617 г. тяжелым для России Столбовским миром (рис.11).

Действительно природные рубежи и отсутствие хороших сухопутных дорог служили серьезным препятствием для возвращения утраченных территорий. А наличие здесь сильных крепостей и превосходство шведских кораблей делали эту задачу трудно осуществимой. Особую роль в этой системе обороны занимал Ниеншанц, находившийся между Копорьем и Нотеборгом и защищавший коммуникации проходившие через устье Невы.

Судя по планам середины столетия, построенный в 1611 г. замок - "королевский двор", находился на мысу при впадении Охты в Неву (Bagrow, Kohlin.1953:VI.I.). Он был небольшим и имел прямоугольную форму. Его размеры достигали 120 x 100 шведских локтей, а толщина стен составляла 15 локтей (примерно 72 x 60 м. и около 9 м. П.С.) (Гиппинг 1909: с.168). В восточной стене - со стороны Охты были ворота. На карте, датируемой около 1650 г., имеется схематичное изображение замка - двухэтажного сооружения с башенками (Эренсверд 1998: с.20). Рядом с ним находилась, упоминавшаяся выше, постройка с крестом, являвшаяся в это время гарнизонной церковью или часовней.

На карте устья Невы 1643 г. крепость изображена более детально - с внешними земляными укреплениями, включавшими значительную по площади территорию (Bagrow, Kohlin.1953:IV.I, Возгрин, Шаскольский 1981) (рис.12). Она имела вид неправильного шестиугольника с тремя бастионами, выдвинутыми в южном и восточном направлениях. В крепостных валах было двое ворот, одни из которых вели к мосту через Охту, другие выходили на берег Невы. Замок располагался в центральной части крепости, а вокруг него находились другие постройки.

Во время разведочных раскопок 1993 г., вблизи оконечности мыса, на глубинах 1.7-2.4 м. от поверхности был изучен культурный слой середины XVII столетия. Здесь были найдены фрагменты шведских керамических сосудов, голландских курительных трубок, очень популярных в военной среде, счетная косточка и монета королевы Кристины (1632-1654). В основании этого слоя была прослежена вымостка из каменной плиты, сделанная, вероятно, для прохода по топкому прибрежному грунту. А под ней до глубины 2.7 м. залегал мощный слой древесной щепы, отложившийся, судя по всему, во время масштабных строительных работ по сооружению крепости.

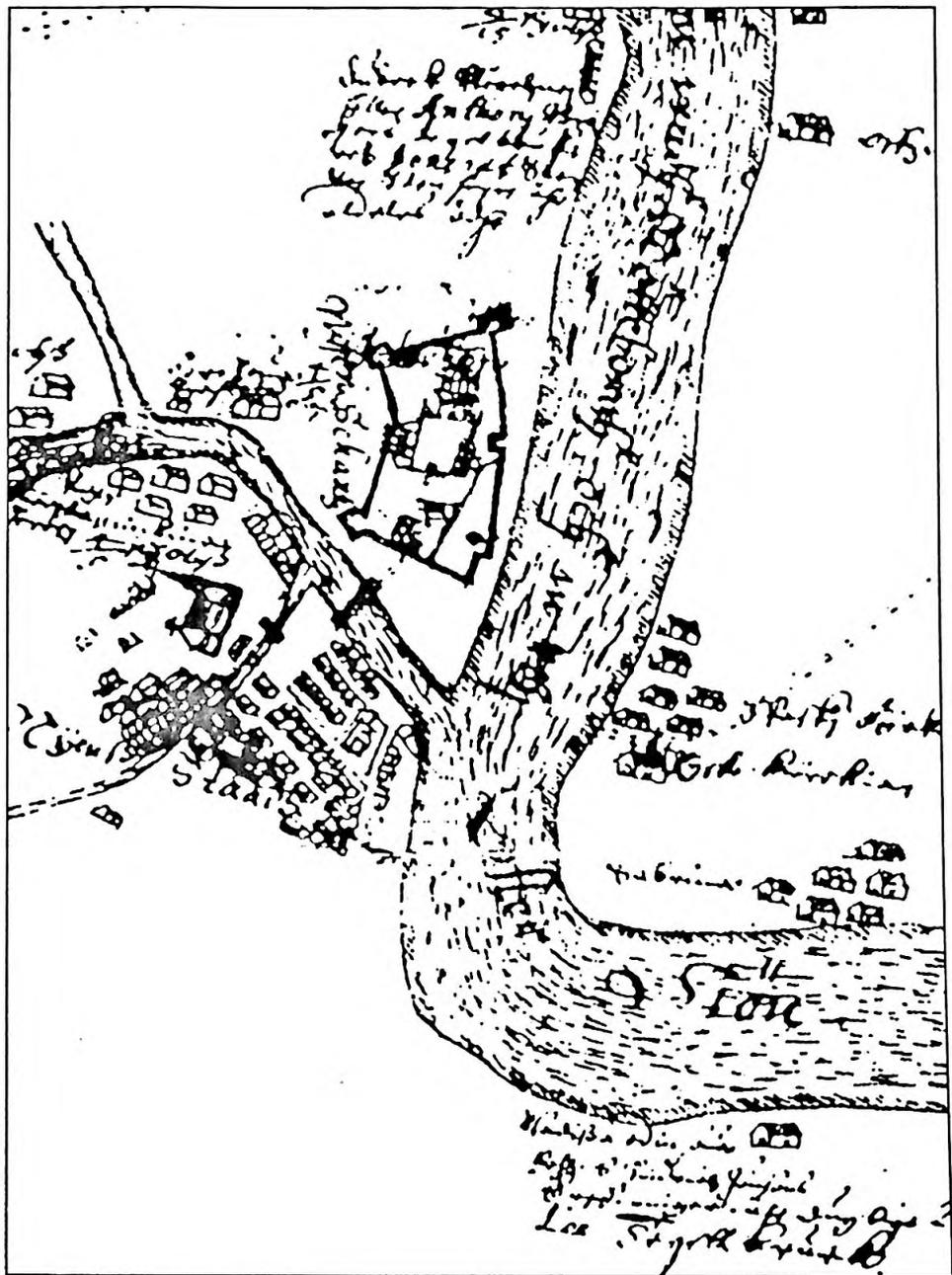

рис.12. Ниеншанц и Ниен на карте устья Невы 1643 г.
Nyenscans and Nyen on a map of the Neva mouth, 1643

В другом шурфе, располагавшемся ближе к центральной части мыса, на отметке 2.85 м., была обнаружена верхушка мощной сосновой сваи, диаметром 26 см. По своему местоположению она попадает в район оборонительного рва, окружавшего бастион, что позволяет связывать ее с крепостными укреплениями.

Уже спустя год после королевского указа об основании города Ниена на Неве, в 1633 г., Георгом Швенгелем был составлен план этого города и его укреплений (Лаппо-Данилевский 1913: №3). Однако, с гибелью короля Густава II Адольфа, реализация этих планов затянулась. Новый, исправленный проект, был подготовлен тем же автором только в 1644 г., после постановления государственного совета 1638 г. о распланировании города. Проектный чертеж предусматривал строительство новых укреплений с двумя линиями обороны. Внешние валы и рвы, в форме полумесяца, замыкающиеся на берега Невы, должны были окружить всю городскую застройку по обе стороны Охты. В пределах укреплений предусматривалось сооружение восьми бастионов. Единственные ворота проектировались в северной части - по трассе дороги на Выборг. Со стороны Невы город также должны были защищать укрепления, хотя и менее внушительные чем с напольной стороны. На мысу между Невой и Охтой планировалось сооружение пятиугольной цитадели с четырьмя бастионами, в центре которой сохранялся первоначальный замок (рис.13).

Примечательно, что в этом плане, так до конца никогда и не осуществленном, предвосхищаются основные черты всех последующих фортификационных работ в Ниеншанце, затянувшихся до самого конца его существования. Проект, как это часто бывает, остался на бумаге. Несмотря на то, что военная коллегия и генерал-губернатор Ингерманландии Эрик Юлленшерн ратовали за укрепление Ниена, правительство оставило эти просьбы без ответа. Спустя 8 лет – в 1652 г. новый генерал-губернатор Эрик Стенбок сетовал на то, что город Ниен до сих пор не укреплен. “Если крепость к этому времени была укреплена и могла выдержать осаду, то расположенный вокруг нее незащищенный город был бы большой помехой при ее обороне, так как дома используемые противником в качестве прикрытия, значительно облегчили бы штурм” – докладывал он в Стокгольм.

В том же году, правительство утвердило, обновленный генерал-квартирмейстером Юханом фон Роденбургом проект укреплений Ниена. Осуществление его было поручено инженеру Генриху фон

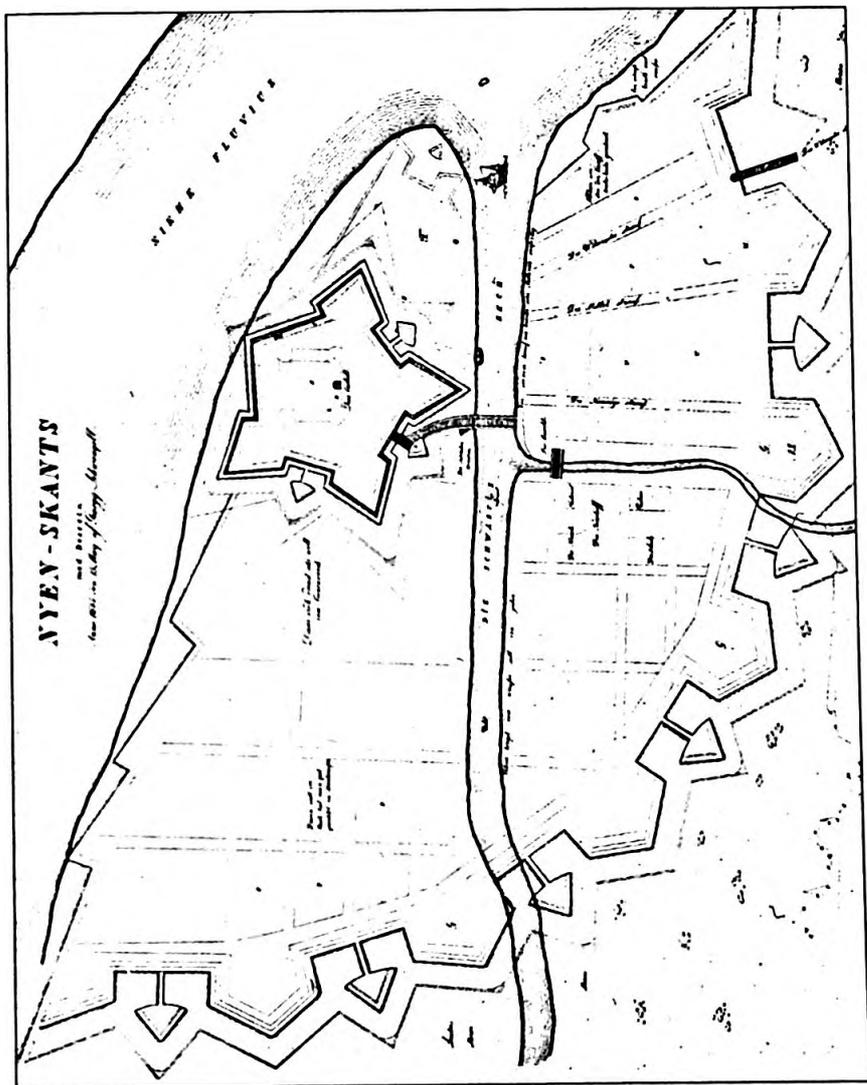

рис. 13. Проектный план крепости Ниеншанц и города Ниена Георга Швентеля 1644 г.
Design plan of the Nyenscans Fortress and Nyen Town. Georg Shvengel, 1644.

Зойленбергу. Однако, нехватка средств и рабочих затягивала проведение этих работ (Bless 1938: с. 76-77). В каком состоянии крепость находилась к началу войны 1656-61 гг. из документов не совсем ясно. Во всяком случае, ее укрепления, видимо, еще не были завершены.

Об этом может свидетельствовать послание, направленное генерал-губернатором Ингерманландии Густавом Горном в правительство накануне войны. В нем он сообщал о бедственном состоянии укреплений в своей провинции. “Никогда еще граница благоустроенного царства не была так открыта для неприятеля как наша в это время для России... Многие в деревне имеют лучшие ворота перед своим двором... А в Швецию представлены большие планы и рисунки в таком изящном виде, что я ничего не мог бы думать, как только то, что здесь крепости лучше, нежели в самой Голландии...”- говорилось в письме (Гиппинг 1909: с. 84).

После того как шведский король Карл X (1654-1660) распространил свою власть на Польшу, Австрия, Голландия и Дания, не видевшие для себя ничего хорошего в таком объединении, стали склоняться к войне со Швецией Россию. Эта война отвечала стремлениям Алексея Михайловича вернуть утраченный выход к Балтике.

Весной и летом 1656 года русские войска вступили в Прибалтику, Ингерманландию и Карелию. 3 июня войско под руководством Петра Потемкина, действовавшее на Ингерманландском направлении, выступило из Лавуйского острожка и блокировало крепость Нотеборг (рис. 14)

Услышав о приближении русских, находившиеся в Ниеншанце генерал-губернатор Густав Горн и дерптский президент Карл Мернер, “утекли в Ругодив (Нарву П.С) с небольшими людьми судами Невою рекой” (Гадзяцкий 1941: с. 257). При этом комендант крепости получил приказ сжечь соляные и хлебные склады города, с тем, чтобы они не достались русским (Гиппинг 1909, т.2.,с. 86). Судя по всему, крепость не была еще готова к войне.

30 июня отрядом русских войск Ниеншанц был взят. В городе были сожжены около 500 домов и значительные запасы хлеба и захвачено 8 пушек. По сообщению шведских документов все дома были разграблены, а жители, не успевшие скрыться, убиты (Bless 1938: с. 78). Впрочем, следует заметить, что жестокость была свойственна в этой войне обоим сторонам.

Учитывая, что в Нарве находилось 2 тыс. человек и в Выборге 400, а у Потемкина было около 1000 человек вместе с “промышленными

людьми и с кормщиками”, он вскоре оставил Ниеншанц и отошел к Нотеборгу (Гадзяцкий 1941: с. 257). Сила Потемкин, в 20-х числах

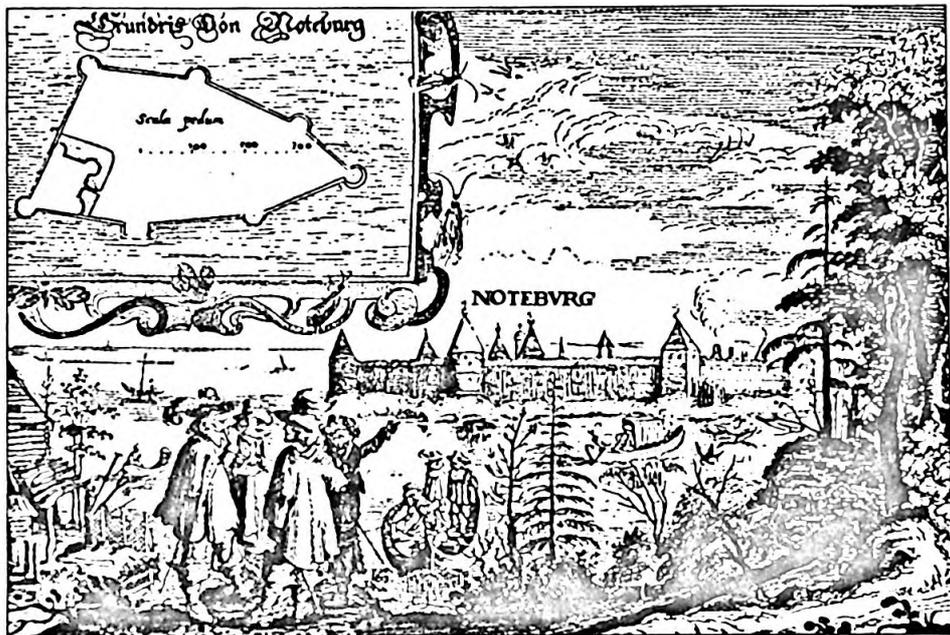

рис.14. Крепость Нотебург. Гравюра из книги Адама Олеария. Сер. XVII в.
The Fortress of Noteburg. An engraving from the Adam Olearius book, XVII th. c.

июля, вышел на судах в Финский залив и у острова Котлин захватил шведский полукорабль, пушки и знамена. Предполагалось даже организовать морской поход на Стокгольм, для чего строились струги, а на Дону было собрано 570 опытных в морском деле казаков. Русские войска были поддержаны выступлениями крестьян, которые жгли дворянские усадьбы и лютеранские кирки.

В августе русский разведывательный отряд снова подходил к Ниеншанцу “для проведения немецких людей от Выбора (Выборга П.С.) и от моря”. Напавшие на них шведы, после боя, были вынуждены отойти. Однако вскоре значительные силы шведских войск под командованием Густава Горна начали наступление от Нарвы по южному берегу Невы. Они соорудили здесь несколько шанцев, для того чтобы перекрыть русским судам путь к морю. Были возобновлены укрепления и в Ниеншанце. В результате русские войска отошли сначала к Нотеборгу, а затем и за пограничную реку Лаву (Гадзяцкий 1941: с. 267-268).

Зимой 1657 г. к Нотеборгу, Ниеншанцу и Дудергофу, были направлены русские разведчики. Ими было установлено, что в Нотеборге находится 200 солдат, в Ниеншанце - 300, а в Дудергофе стоят три отряда конницы. Известно, что в том же году в Ниеншанце случилась чума, и из 400 человек гарнизона в живых осталось лишь шестьдесят. В те же годы эпидемия чумы свирепствовала в Лифляндии и России. По сообщениям пленных зимой 1657-58 г.г. в Канцах был сделан "земляной острог" (крепость П.С), в котором размещалось 300 человек гарнизона с 10 пушками (Гадзяцкий 1941: с. 272-275).

Война приняла затяжной и позиционный характер. Стороны ограничивались разведывательными рейдами, воздерживаясь от крупных сражений. В результате в 1658 г. было заключено трехлетнее перемирие, а в 1661 г. подписан Кардисский мир, по которому Ингерманландия оставалась за Швецией. Но при этом, шведы обязались не преследовать русское население, оказывавшее помощь русским войскам и узаконить его массовый исход в Россию.

Уже в 1659 г. новым генерал-губернатором провинции Симоном Гельмфельтом был получен приказ об укреплении Ниена. В следующем году городская депутация вновь ставила вопрос об этом на общегосударственном сейме в Гетеборге. После этого дело сдвинулось с мертвой точки - в сентябре 1661 года Гельмфельт рапортовал о том, что внешние укрепления почти полностью завершены. Однако окончание работ по укреплению Ниена затянулось вплоть до 1666 года. В основу фортификационных работ 60-х - начала 70-х г.г. были положены проектные чертежи И. Варншельда и братьев Якова и Юхана Шталей (Лаппо-Данилевский 1913: №4, Munthe D I, 1911: с. 534, DII 1911: с. 23-25, 225-227, 521-527).

Изображения цитадели крепости на планах второй половины XVII в. отличаются от проекта укреплений, предлагавшегося Георгом Швенгелем. На них цитадель получает форму пятиконечной звезды с пятью бастионами. Сооружение пятого бастиона удалось осуществить только благодаря расширению мыса, в результате подсыпки берегов Невы и Охты. Изменения очертаний береговой линии хорошо заметны на планах.

Цитадель Ниеншанца в плане представляла собой правильный пятиугольник с бастионами на углах (Лаппо-Данилевский 1913: №6). Диаметр окружности, описываемый по ее оконечностям составлял около 245 м. Ширина самих бастионов достигала - 60 м., расстояния между их оконечаниями - 137 м. Протяженность валов между бастионами составляла - 50.4 м., их

толщина - около 19 м., а высота до основания рва – около 13 м. Максимальная ширина рва напротив центральной части валов была 27 м. У подошвы валов были установлены – “полисады” - ограда из частокола. С южной и северо-восточной сторон крепости имелись воротные рavelины, треугольной формы. Первый из них назывался Большой. Второй, выходящий на мыс, к Неве, - Малый. К ним через оборонительный ров были устроены подъемные мосты.

Каждый из пяти бастионов также имел свое название. Южные бастионы именовались: Карлов (со стороны Охты) и Гельмфельтов (со стороны Невы). Они носили имя короля и генерал-губернатора Ингерманландии, во время которых строилась крепость. Западный бастион, выходящий на Неву, назывался Гварн – Мельничный. Возможно, на нем действительно была установлена мельница. Северный, обращенный к устью Охты, был назван Гамбле, что означает Старый. Не исключено, что это был один из бастионов первоначальной крепости, сохраненный в новых укреплениях. И наконец, восточный бастион, выходящий к Охте, был прозван Дедхе – Мертвый, о чем уже говорилось выше.

В 70-е г.г. XVII столетия концепция укрепления Ниеншанца была изменена. В проектных планах этого времени предлагалось сконцентрировать силы и средства на укреплении мыса между Невой и Охтой, что диктовалось экономическими соображениями. Город не имел средств на поддержание в исправном состоянии окружавших его укреплений из-за их значительной протяженности. Валы, воздвигнутые вокруг городской застройки в 60-е г.г., вскоре пришли в негодность и на планах конца столетия показаны как “старые” и, вероятно, заброшенные укрепления.

Новый подход требовал гораздо меньших затрат на строительство и содержание укреплений, поскольку территория мыса со всех сторон была защищена природными рубежами – реками Невой и Охтой с западной, северной и восточной сторон и труднопроходимыми заболоченными лесами с южной. Поэтому мощные земляные укрепления с тремя бастионами предполагалось соорудить, здесь, только на наиболее уязвимом, южном направлении, между Охтой и Невой, расстояние между которыми составляло около 500 м. Но здесь возникала другая, не менее сложная проблема, – необходимо было перенести весь город под защиту новой крепости.

В 1675 г. генерал-квартирмейстер Эрик Дальберг предложил

на рассмотрение правительства новый проект укреплений Ниеншанца, который развивал и конкретизировал чертеж, изготовленный Юханом Шталем еще в 1671 году. Если первоначально укрепления этой крепости строились в соответствии с голландской системой фортификации, то новый проект был выполнен в традициях передовой, в то время, французской фортификационной школы (Лаппо-Данилевский 1913: №5) (рис.15).

Внутри существовавшей цитадели предполагалось строительство: дома коменданта, двух казарм, трех караулен и порохового погреба. Но самым главным в новых проектах было то, что они предусматривали перенос всего города с правого берега Охты на левый - в пределы сооружаемой крепости. Уже в том же 1675 году на строительные работы в Ниеншанц были направлены 500 солдат из полков, расквартированных в Ингерманландии и Лифляндии.

Каждая депутация Ниена в Стокгольм передавала просьбы жителей о необходимости укрепления своего города. Однако, каждый следующий раз их повторяли снова и снова, так как работы эти либо вообще не велись, либо велись крайне медленно из-за отсутствия средств. Только в 1679 г. в ответ на очередной запрос депутации бургомистра Германа Гарца, король Карл XI приказал взяться за это дело решительно. Согласно этому распоряжению все способные для работы мужчины Ингерманландии и Карелии должны были нести ежегодную месячную повинность на строительстве городских укреплений, а горожане кормить их. Организация работ была возложена на генерал-губернатора (Гиппинг 1909: с.107). Однако, на своем съезде в Нарве, местные дворяне отклонили этот приказ, как невыполнимый (Bless 1938: с. 83).

В 1681 г. королевский фортификатор Эрик Дальберг посетил Ингерманландию с инспекционной поездкой. В описании Ниеншанца говорилось, что крепость слишком далеко выдвинута на мыс и этим ослаблена, городские же укрепления вовсе не совершенны и принесут больше вреда, чем пользы для обороны крепости. Наличие деревянных домов в крепости и в городе, отделенном узкой рекой, создает опасность, в случае, если враг, воспользовавшись сильным ветром в сторону крепости, подожжет их, то и крепость, вместе с ними, сгорит дотла (Bless 1938: с. 84).

Помимо этого, отмечались и многочисленные мелкие недостатки укреплений Ниеншанца. Так два бастиона крепости, выходящие на Неву и Охту, постоянно разрушались в периоды

наводнений и ледохода. На карте течения Невы 1681 г., отмечалось, что “...при буре с запада, севера и юго-запада вода у Ниена поднимается на 4 локтя выше обыкновенного и причиняет находящемуся там укреплению большой убыток...” (Лаппо-Данилевский 1913: № 9, Гиппинг 1909, т. II: с. 182-183). “Убыток укреплению” был связан, вероятно, с тем, что окружавшие его оборонительные рвы были соединены с Невой и Охтой, и заполнение их водой приводило к размыву склонов рва.

Дальберг вновь настаивал на переносе всего города внутрь новых укреплений, запланированных на левом берегу Охты. При этом, по его мнению, здесь предполагалось строить только каменные дома, а крепость должна была стать большой и просторной, чтобы окрестное население, в случае войны, могло укрыться в ней (Кальюнди, Кирпичников 1975: с. 68-69). Король поддержал предложения Дальберга по Ниеншанцу. Однако, из-за нехватки средств фортификационные работы, по-прежнему, велись крайне медленно. Строители едва могли поддерживать в удовлетворительном состоянии ранее построенные укрепления.

Уже уходя с поста генерал-квартирмейстера, в 1695 г., Дальберг передал королю памятную записку, где подчеркивал огромное значение крепостей на Неве и особенно Ниеншанца для обороны восточных рубежей королевства. В ней говорилось: “когда речь идет об укреплении Ниеншанца нельзя терять ни минуты, так как в его современном состоянии он не выдержит и суточной осады”. Однако, мрачные пророчества Дальберга не дали желаемого результата — средства, как и ранее, отпускались лишь на ремонтные работы.

Только в 1698 г. в ответ на новые просьбы жителей Ниена и генерал-губернатора Ингерманландии, поддержанные Дальбергом, обратившимся с письмом к новому королю Карлу XII, средства на продолжение фортификационных работ были, наконец, выделены.

В этом письме говорилось, что на мысу между Невой и Охтой находится “маленькая ничемная крепость”. Граждане, живущие на открытой местности, желают переехать на другую сторону реки, где уже в 1669 и 1672 гг. проектировались укрепления, не завершённые до сих пор. Крайняя необходимость требует, чтобы этим местом как можно скорее серьезно занялись и привели его в надежное состояние, тем более, что самые большие суда могут дойти до самой крепости, а русские неоднократно проявляли намерения захватить порт на Балтийском море, а также завладеть Ингерманландией, чего бы это им не стоило (Bless 1938: с. 85 -86).

В связи с выделением средств на укрепление Ниеншанца в том же 1698 г. Яковом Мейером был составлен план крепости и города, зафиксировавший сложившуюся здесь ситуацию (Лаппо-Данилевский 1913: №6). Одновременно с этим генерал-квартирмейстер Карл Магнус Стюарт направил королю новый проект крепости, который воплощал в себе многие идеи, предложенные его предшественниками (Лаппо-Данилевский 1913: № 8).

Этот проект также предусматривал размещение всего города на мысу между Невой и Охтой. Основная крепость должна была иметь форму шестиугольника с бастионами по углам, а также два воротных рavelина, один из которых выходил к мосту через Охту, второй, главный, располагался с южной стороны. При этом предполагалось ликвидировать старую цитадель. Но три ее северных бастиона и ravelин, обращенный к Неве, сохранялись и включались в состав дополнительных укреплений, примыкавших к крепости с севера и защищавших оконечность мыса. Для прикрытия моста на правом берегу Охты предполагалось соорудить кронверк (блокгауз). Помимо этих фортификаций, впервые, планировалось построить укрепления и на левом берегу Невы вокруг Спасского села.

Но только тогда, когда новая война между Россией и Швецией вот-вот готова была вспыхнуть, шведское правительство вняло просьбам об укреплении городка в устье Охты. В 1699 году оно выделило средства и направило 600 человек на строительство укреплений Ниеншанца. Хотя и на этот раз часть сил оказалась отвлечена на укрепление других крепостей провинции, некоторые из запланированных фортификационных работ в крепости на Охте были выполнены. В частности удалось соорудить блокверк и редуты на подступах к Ниеншанцу.

Правительство предполагало, что жители Ниена так же должны были взять на себя часть расходов по работам в крепости. Им предлагалось за свой счет оборудовать в ее земляных валах специальные бомбоубежища. Однако, жители, собравшись на совет, постановили, что они не в состоянии взять на себя эти расходы (Bless 1938: с. 87-88). Таким образом, планы создания в крепости хотя бы укрытий для жителей города не были реализованы к началу Северной войны. Да и сами укрепления были еще далеки от завершения.

НИЕН – ГОРОД НА ОХТЕ

Первые упоминания о городе, выросшем в окрестностях шведских укреплений в устье реки Охты - Ниене очень отрывочны. Многочисленные факты свидетельствуют о том, что шведский Ниен попросту вырастает из русского поселения Невское устье. В одном из документов 1615 г. говорится о сборе здесь таможенных пошлин. Это свидетельство относится еще к тому времени, когда Северо-запад Новгородской земли был занят шведскими войсками и находился под совместным управлением шведских и новгородских властей, стремившихся возвести на русский престол шведского королевича Карла Филиппа. В нем сообщается, что подьячий Офонасей Бражников "...збирал на Невском устье государственную таможенную пошлину с торговых немецких и русских людей, которые ездили с Невского устья в Орешек и в Новгород и назад и которые... стоя торговали в Невском устье".

За период навигации - с мая по октябрь 1615 г. Невское устье посетили четырнадцать торговых судов. Среди них были: четыре выборгских корабля, по два корабля из Ревеля, Нарвы, Новгорода, и Норчепинга, по одному судну из Ладоги, Ивангорода и Стокгольма, а также один голландский корабль. Таможенные пошлины взимались здесь и с местного населения, торговавшего продуктами своего собственного производства. Среди товаров, привезенных в Невское устье, в документе названы: дорогие заморские ткани, сукна, а также съестные припасы и напитки: рожь, горох, мясо, сало, масло, сушеная рыба, солод, соль, вино и пиво. (Якубов 1890: с.76).

В более поздних русских документах Ниен часто отождествляется с селением Невское устье. Это свидетельствуют о том, что речь идет об одном и том же месте и что именно в устье Охты

издавна существовала стоянка для судов, велась оживленная международная торговля и взимались таможенные пошлины (Шаскольский 1993: с.42-45). Название Ниен, в переводе со шведского, означает Невский. Однако, помимо этого, он именовался также Ниенсканц или Ниеншанц - по названию крепости.

В 1617, в год официального присоединения Ижорской земли

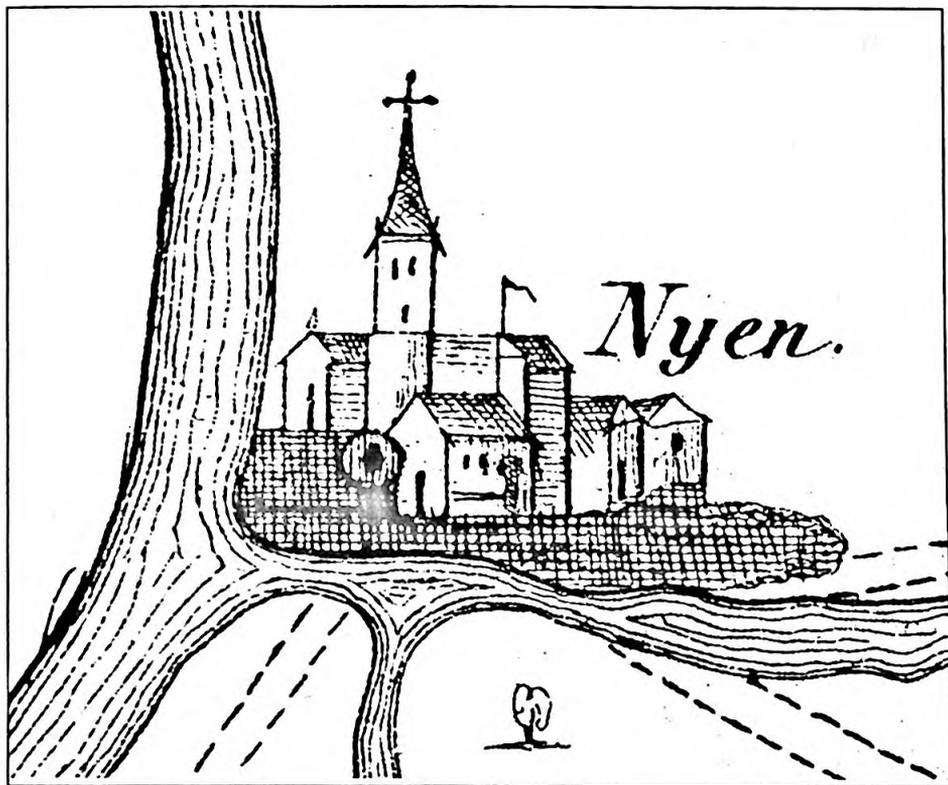

рис.16. Ниен на карте начала XVII в.

Nyen on a map of the early XVII th. c.

к Швеции, Густав II Адольф дал разрешение иностранцам, желающим торговать с Россией, на посещение Нарвы и Ниена. Это должно было способствовать развитию североевропейских торговых связей и закреплению Восточной Прибалтики за Швецией. Однако, появление нового города – конкурента в торговле с Россией не устраивало купечество Выборга, Нарвы и Ревеля. И по их просьбам уже в 1622 году посещение Ниена иностранными купцами было запрещено под угрозой потери кораблей и товаров.

История шведского Ниена, как города, берет свое начало только в 1632 году (рис. 16). 14 июня, этого года, король Густав II Адольф, командовавший тогда шведскими войсками в Германии и находившийся в городке Гершпруке вблизи Нюрнберга, подписал первые привилегии на основание города на реке Неве. Изначально новый город, занимавший выгодное географическое положение на важнейшем водном пути из России в Европу, мыслился как один из центров шведско-русской торговли.

рис.17. Герб города Ниена.
Coat of Arms of Nyen

Однако, только в 1638 году Ниен получил равные права в торговле со старыми городами Восточной Прибалтики. Королева Кристина даровала Ниену стапельное право – разрешение принимать иностранные суда и отправлять свои корабли в другие города с торговыми целями. Были также разделены торговые сферы влияния Ниена и Выборга. Ниену разрешалось торговать с Россией, а торговля с Карелией должна была вестись через Выборг. Тогда же для скорейшего развития нового города ему был предоставлен целый ряд налоговых льгот.

Наконец, в 1642 году, королева Кристина пожаловала Ниену городские права Шведского королевства. Был определен порядок городского управления и штат должностных лиц. Город получил свой герб, на котором был изображен лев с поднятым мечом в лапах, стоящий между двух рек (рис. 17). Была подтверждена портовая свобода Ниена – возможность принимать иностранные суда и вести внутреннюю и внешнюю торговлю. В городе были устроены

почтовый и постоянные дворы. Для развития ремесел в Ниене, на 4 мили вокруг него запрещалось заниматься ремесленной деятельностью. (Гиппинг 1909, т.2. с.48).

В соответствии с городским правом в Ниене существовал магистрат – городское самоуправление. Его возглавляли три бургомистра, которые со своими советами дважды в неделю собирались в ратуше и решали городские дела. Первый из них занимался вопросами юстиции. В его ведении находился городской суд, состоявший из ратманов. Второй бургомистр выполнял полицейские функции. В распоряжении третьего была городская застройка.

В помощь бургомистрам придавались синдики - секретари, занимавшиеся канцелярией и хранившие печати, а также нотариусы, заносившие в памятную книгу решения магистрата. В городе имелись два архитектора следившие за общественными постройками, укреплениями, воротами, гаванями, мостами, колодцами, улицами и наблюдавшие за тем, чтобы строения производились в соответствии с установленным порядком. Четыре раза в год, вместе с представителями городских властей, они осматривали все здания и сооружения города и давали предписания по их содержанию, которые должны были беспрекословно исполняться (Гиппинг 1909, т.2., с. 146-149).

В 1691 г. по штату Ниена, утвержденному Карлом XI, здесь было уже только два бургомистра – юстиции и коммерции, а также судебный фогт, 7 ратманов, городской прокурор и казначей. Помимо этого в городском штате состояли: медик, весовщик, звонарь, писцы, два паромщика и даже свой палач (Bonsdorff 1891: 50). Все должностные лица получали жалование из городского бюджета.

Городской совет, включавший 48 человек, избирался ремесленным и торговым сословием Ниена. Он вместе с магистратом участвовал в решении вопросов городской жизни. Комендант крепости не был подчинен городскому магистрату, однако при экзекуциях и в некоторых других случаях он обязан был оказывать содействие гражданским властям.

Доходы города составляли: арендная плата за поля, луга, леса, реки, мельницы и рыбные ловли, сдававшиеся частным лицам; налоги на торговые лавки, дома, дворы и даже пустыри, находившиеся в частном владении; доходы от городских весов, на которых за определенную плату должно было взвешиваться все, что покупалось и продавалось в городе; сборы с паромной переправы

через Неву, с мостов, колодцев и гаваней; налог на продажу вин в питейных заведениях и некоторые другие пени и налоги, которыми облагались горожане. Помимо того, в городскую казну поступала десятая часть имущества всех тех, кто навсегда покидал город. (Гиппинг 1909, т.2., с. 151-152).

В 1671 г. после многочисленных обращений магистрата Ниена к правительству, город наконец то был отделен от финляндской таможенной камеры и подчинен лифляндской, получив таким образом значительные льготы в налогообложении. Стого же времени все шхуны и суда выходявшие из Невы в Балтику должны были платить пошлину в таможе Ниена, а не в тех городах, куда они направлялись. Эта пошлина, называвшаяся порториум, была важной статьей городского дохода. Так в 1691 г. из общей суммы городского бюджета 5792 таллера, порториум составлял – 3995 таллеров. Для примера можно назвать другие наиболее значимые сборы: 330 таллеров - мостовые пошлины, 214 – за паромную переправу, 276 – доходы с городских земель и трактира в Спасском селе, 200 – пошлина за торговлю вином и 443 – за пользование городскими весами. (Bonsdorff 1891: с. 46).

Собираемые средства расходовались на выплату жалованья городским чиновникам, на возведение общественных зданий, их ремонт и на другие общегородские нужды. Согласно бюджета 1691 года годовые расходы на содержание служащих были установлены в размере 4123 таллера. К примеру, из них жалованье бургомистра составляло 500 – 600 таллеров, городского медика, нотариуса и ректора немецкой школы – 100 таллеров, палача – 20 таллеров (Bonsdorff 1891: 50). В том случае если доходных средств было недостаточно на покрытие расходов, магистрат имел право собирать дополнительные – целевые налоги.

Сразу же после присоединения Ижорской земли к Швеции началось массовое переселение русских крестьян в Россию, несмотря на то, что это было запрещено условиями Столбовского мира. Но особенно этот исход усилился после войны 1656-61 гг. В связи с этим шведская администрация переселяет на опустевшие земли финнов. Многим шведским дворянам была пожалована земля в Ингерманландии и они привезли с собой своих крестьян из Швеции и Финляндии. С целью привлечения сюда немецкого населения король Густав II Адольф в 1622 году издает манифест с привилегиями и льготами для немецких дворян. При этом обязательным условием

получения ими земель в Ингерманландии была обработка их немецкими крестьянами. Однако немецкая сельская колонизация не приняла здесь широких масштабов, в отличие от городской. Как и во многих других городах Восточной Прибалтики, в Ниене немцы составляли значительную и наиболее зажиточную часть населения.

В первое время своего существования город достаточно быстро развивался. Известно, что только за период с 1633 по 1644 год население его выросло на две трети (Гиппинг 1909, т.2., с. 170). Вероятно, часть русского населения осталась здесь после перехода земель к Швеции. Среди 67 бюргеров, имевших полные гражданские права, по переписи населения города в 1640 году, выделяются четыре русские фамилии. В числе других граждан — 11 — из Германии, 3 из Швеции и 39 выходцев из Финляндии, однако, судя по именам, девять из них также могли быть шведами. Примечательно, что значительная часть этих людей поселилась у устья Охты в 20-е г.г., когда Ниен еще не был признан городом (Шаскольский 1994: с. 138-139).

Полноправные граждане составляли привилегированную прослойку общества и имели в городе богатые усадьбы. Первоначально это были торговцы, судовладельцы, судоводители и грузчики. Позднее социальный состав населения Ниена менялся. В определенной мере его может характеризовать документ, составленный в 1672 г. для сбора так называемых печных денег — одного из наиболее важных налогов, собиравшихся в городах (Гиппинг 1909, т.2., с. 105-106). Различные социальные группы населения вносили свою плату, которая, в первую очередь, определялась размерами их состояния. Наиболее богатыми людьми здесь были: купцы торгующие оптовыми товарами, бургомистры, ратманы, а также зажиточные граждане. Далее следовали ремесленники, пасторы и другие служители церкви, ректоры и лекторы школ и небогатые граждане - вероятно люди среднего достатка. К этой же категории были приравнены и государственные чиновники высших и низших степеней, наверняка имевшие более высокий социальный статус, но пользовавшиеся льготами в налогообложении. Наименьшую плату вносили бедные люди, лица работающие за пределами города, и наконец крайне бедные — те кто имел в доме всего одну печку. Освобождались от налога люди не имевшие печей вообще. Судя по всему это были бродяги не имевшие своего жилья.

Отсюда следует, что иметь гражданство и связанные с ним права в Ниене могли лишь те горожане, которые имели средний и

высокий достаток. Королевским указом 1675 года было подтверждено, что русскому населению разрешалось селиться в городе и пользоваться одинаковыми правами с его гражданами, с условием принятия лютеранской веры, строительства каменных домов и уплаты городских податей. Известно, что в это время в Ниене существовали русские лавки и даже торговая контора. (Гиппинг 1909, т.2.; с.109-110).

Общее количество жителей Ниена, отмеченное в Мельничных книгах 1640 года было – 294 человека. В их числе 124 мужчины и 170 женщин. А всего два года спустя – в 1642 г. городское население возросло до 471 человека (232 мужчины и 239 женщин) (Bonsdorft 1891:54). Точных сведений о количестве жителей Ниена в более позднее время не сохранилось, однако по приблизительным оценкам оно достигало 2 – 2.5 тысячи человек. В тогдашней Финляндии только два города - Выборг и Або превосходили Ниен по количеству населения (Шаскольский 1994: 139, 179) .

Еще до основания Ниена в 1618 г. Ореховецкий уезд был пожалован в аренду на блет, со всеми казенными правами и доходами Якову Делагарди. Позднее - в 1638 г. земли в окрестностях города, протяженностью две мили в обе стороны от Ниена, получил во владение стокгольмский сановник генерал-риксшульц Стен фон Стенхусен.

С ростом Ниена его магистрат постоянно обращался к правительству с просьбой о передаче городу окрестных земельных угодий. Этот вопрос решался путем предоставления городу свободных территорий или выкупа дворянских поместий. Так в 1648 г., в ответ на просьбы жителей города, правительство передало Ниену часть близлежащих поместий, выменянных у Стена фон Стенхузена.

В 1665 г. городу были отданы еще несколько земельных участков с лесами и рыболовецкими тонями, с условием, чтобы вырубавшийся лес употреблялся на развитие кирпичного производства. А в 1671 г. городские власти получили разрешение на продажу пустующих участков в пределах городской черты и окрестных заболоченных земель, невостребованных к тому времени (Гиппинг 1909, т.2., с. 97, 104).

Город Ниен занимал территорию, которая была разделена на три части естественными водными рубежами (рис. 18). Оконечность мыса, образуемого Охтой и Невой, была использована для сооружения крепости. На протяжении всего времени существования

Ниена разрабатывались планы освоения земель к югу от нее. Уже в 30-40-х г.г. предполагалось застроить эту свободную, тогда, территорию каменными домами и обнести ее с внешней стороны новыми укреплениями. Однако, эти проекты так и не были реализованы. Одной из причин была заболоченность этих мест. На картах середины XVII столетия здесь изображены большое болото и ручей, впадающий в Охту¹. На плане Мейера 1698 г. в этом месте показан дренажный канал, предназначенный для осушения территории (Лаппо-Данилевский 1913: №6). К этому времени, в центральной части мыса, на краю болота, имелись уже освоенные участки земли и строения - старые королевские амбары и солдатские казармы. Ближе к берегу Невы были сооружены королевские хлебные амбары и складской двор². Южнее, на возвышенном берегу реки Охты, в начале шведского времени существовал владельческий двор Коретова хоф, возникший, вероятно, на месте русской деревни Коретова. Во второй половине XVII столетия здесь располагались производства связанные с судостроением - смоловарня и канатный двор³. Они работали на местном и русском сырье – пеньке и смоле. Возможно, где-то в этом районе строились и местные суда, предназначенные для речного, озерного и прибрежного морского плавания.

Выше по течению реки Охты, у устья ручья Кервила, на возвышенном мысу его правого берега, в начале столетия находилась деревня Сернецкое. Согласно писцовой книге 1640 г. она значится как церковное владение города. Позднее этот населенный пункт обозначается как пасторат или как двор владевших им лютеранских пасторов шведской церкви Ниена⁴.

Центральная часть города Ниена располагалась на возвышенном правом берегу Охты (рис. 19). В XVII веке эта река носила название Сварте бек - Черная речка. Примерно в 250 метрах от устья в нее впадал ручей Чернавка, засыпанный только в начале XX столетия. Ширина его составляла около 8 – 10 м., а его берега, местами, возвышались над водой на целых четыре метра. В

¹ район между Новочеркасским пр. и Охтой.

² район Малоохтинского пр. ближе к Большеохтинскому мосту.

³ территория современного Малоохтинского кладбища, р-н. ул. Республиканская.

⁴ современное название ручья Оккервиль. В настоящее время здесь находится усадьба Уткина дача.

шведское время он назывался Лилья Свартабекен – Черный ручей. Он то и разделял основную территорию города на две части – северную и южную.

Город Ниен занимал компактную территорию, со всех сторон окруженную, реками, лесами и болотами. Судя по ранним планам, застройка в городе была усадебная, причем улицы в его центральной части проходили вдоль берегов Охты и Чернавки. По проекту Георга Швенгеля (1633-44 г.г.) здесь предполагалась, в основном, прямоугольная планировка кварталов (Лаппо-Данилевский 1913: №3).

Переход от прямоугольной планировки к радиальной предусматривался в северной части города, где от берега Охты веером должны были расходиться три магистральные улицы – Королевская, Средняя и Выборгская. Доминантой, на которую они замыкались, являлась цитадель крепости. Однако, судя по более поздним планам города, проект, в этой его части, так и не был осуществлен. И в конце XVII столетия городская застройка, здесь, была разбита на регулярные прямоугольные кварталы (Лаппо-Данилевский 1913: №6, Горбатенко 1997: с. 21).

Только в тех местах, где участки граничили с укреплениями, окружавшими полукольцом городскую застройку с северной, восточной и южной сторон, они приобретали треугольную и трапециевидную формы. Да еще на самых окраинах города планировочная структура была подчинена направлению дорог, связывавших Ниен с Нотебургом, Выборгом и Кексгольмом.

В городах того времени участки земли в центре, обычно, были плотно застроены домами. Постройки стояли в линию вдоль улиц, ширина которых достигала около 10 м. За линией домов, внутри кварталов, оставались небольшие дворики. Ближе к окраинам традиционно существовала более разряженная застройка.

Судя по плану Швенгеля, первоначальным центром Ниена была его северная часть, заключенная между Невой, Охтой и Чернавкой. Уже во второй трети XVII столетия этот район получил название Старый город.¹ Не застроенным здесь оставалось лишь пониженное, заболоченное побережье Невы.

Где-то вблизи устья Охты существовала пристань паромной переправы через Неву из Ниена в Спасское село. Эта переправа

¹ Сейчас эта территория заключена между Свердловской набережной, Среднеохтинским проспектом, улицей Молдогуловой и Красногвардейской пл

находилась в ведении городских властей. Здесь же, на Невском рейде останавливались большие корабли, приходившие в город, и производился их таможенный досмотр.

Из крепости в город можно было попасть по разводному деревянному мосту, перекинутому через Охту, прямо напротив ее главных ворот. Сразу за мостом, на мысу у устья Чернавки, располагалась торговая площадь. На ее окраине, у воды, имелось строение с городскими весами, на которых взвешивались товары. Глубина реки, достигавшая в этом месте 7 – 8 футов (2.1-2.3 м.), позволяла входить в нее наполовину разгруженным судам средних размеров и останавливаться в непосредственной близости от берега. Перевозка товаров с кораблей на рынок и в специальные складские помещения, выстроившиеся вдоль реки, осуществлялась в лодках или по специально устроенным причалам. Владельцам прибрежных построек, располагавшихся между торговой площадью и устьем Охты и служивших для хранения товаров, предписывалось строить перед ними деревянные мостки для стоянки и разгрузки судов.

В конце XVII столетия мост через Охту был перенесен метров на 100 выше по течению реки, что позволило значительно увеличить акваторию городской гавани. Существуют свидетельства о том, что некоторые жители Ниена были судовладельцами. Для развития местного судостроения, шведским правительством были понижены таможенные пошлины на товары, привозимые в метрополию на судах, построенных в Ингерманландии. Эта привилегия распространялась и на всех судовладельцев Ниена (Гиппинг 1909, т.2., с. 90). Основным типом судов, использовавшихся местными жителями для торговых поездок, были шкуты. В зависимости от назначения их размеры сильно варьировали – длина от 17 до 45 м., ширина 4,5 – 8,5 м., осадка 1,2 – 3,6 м. Грузоподъемность шкут достигала 150 – 500 тонн, экипаж состоял из 12-18 человек. (МЭС.т.3. 1994: с. 408).

С 1640 по 1645 г.г. Ниен ежегодно посещали от 92 до 112 кораблей. (Шаскольский 1994: с.145) Большинство из них были русские ладьи, а также суда из Швеции и ее Балтийских владений. Примерно пятую часть составляли корабли, приходившие из городов Северной Германии, Голландии и Англии. Но Ниен не всегда был конечным пунктом плавания для русских судов. Значительная их часть посещала этот город по пути в Стокгольм, где русские товары ценились дороже. В 1687-96 г.г. число судов уходивших из Ниена

ежегодно составляло от 62 до 98. (Bonsdorff 1691: с. 64, 77) .

В середине XVII в. в Ниеншанце стала традиционной трехнедельная августовская ярмарка, на которую отовсюду съезжались иноземные купцы (Шаскольский 1994: с.171, Bonsdorff 1691: с. 140-141). Из русских городов Северо-Запада: Новгорода, Олонца, Тихвина, Ладоги сюда привозили разнообразные продукты земледелия и животноводства, сырьевые ресурсы и ремесленные изделия. В документах называются: рож, ячмень, овес, горох, свинина и говядина, сало; масло, соленый лосось: деготь, смола, пенька, лен и лес. Большим спросом пользовались: разнообразные шкуры и кожи различной степени выделки, меха и холсты. Русские купцы поставляли сюда и изысканные, популярные в Европе, восточные ткани: тафту, дамаск, плюш и шелк (Шаскольский 1994: с.168-172). Наибольший интерес русских купцов вызывали металлы: железо, медь, свинец, а также поделки из них: якоря, замки, ножи, булавки, иглы, зеркала, привозившиеся из стран Северной Европы. Ценились дорогие ткани - английские, голландские и немецкие сукна различных видов, бархат и шляпы. Постоянным спросом пользовался такой важный продукт как соль. Из экзотических напитков и яств, здесь, продавались испанские и французские вина, а также североморская сельдь. (Шаскольский 1994: с.175-176)

Сразу за рынком, на берегу ручья Чернавки, возвышалась городская ратуша. Первоначальная - "Старая ратуша" стояла фасадом к Охте. "Новая ратуша", построенная во второй половине XVII века, была развернута фасадом к городской площади. Насколько можно судить по плану Мейера 1698 г., размеры первой из них достигали - 26 x 16 м., вторая была несколько меньше - 25 x 12.5 м. Типичным для маленьких городов тогдашней Швеции было здание ратуши, увенчанное башенкой с часами в центральной части кровли. В нем заседал магистрат, проводились важнейшие общественные мероприятия, решались вопросы управления городской жизнью. Непосредственно перед ратушей располагалась городская площадь, простиравшаяся в северном направлении. Она имела длину около 200 метров и ширину около 50 м. Похоже, именно вокруг нее находились наиболее богатые дома горожан, купеческие лавки и кабаки.

В этой же части города к северо-востоку от ратуши, на удалении около 150 м. от берега Охты и всего в 15 м. от ручья Чернавки, в середине XVII столетия была построена немецкая церковь. Ранее здесь существовала парадная усадебная застройка,

окружавшая городскую площадь. Вероятно, именно в этом районе располагались и дома немецких купцов.

Из документов явствует, что в 1645 году просьба о создании в Ниене отдельного немецкого прихода была отклонена королевой Кристиной по причине малочисленности прихожан. Однако в 1649 году, в послании к суперинтенданту Ингерманландии, королева велела "...дать ниенским немцам позволение за свой счет построить церковь и определить к ней пастора...". Позднее - в 1671 г. была построена новая общая церковь для шведского и немецкого приходов (Гиппинг 1909, т. 2. с. 239, 247). Немецкий пасторат существовал в Ниене по меньшей мере с 1653 г. до 1690-х гг. (Vanananen 1987: с. 131), а немецкий пастор, помимо выделенных ему земельных владений, получал жалование из городской казны.

Схематичное изображение немецкой церкви имеется на картах 1676 и 1701 годов. В первом случае храм имеет вид базилики с башней-колокольней, в последнем это трехчастное сооружение, состоявшее из колокольни, центральной части и примыкающего к нему алтаря. Судя по плану 1698 года, он имел крестообразную форму и был ориентирован по сторонам света. Храм достигавший около 34 м. в длину и 28 м. в ширину, находился в центре церковного двора размерами 86 x 54 м., где производились захоронения усопших прихожан. При храме, как обычно, существовала школа, где преподавали немецкие учителя. В 90-е гг. XVII в. в ней обучалось около 30 – 45 мальчиков и девочек (Bonsdorff 1691: с. 93).

В 1999 году во время строительных работ по ул. Конторская д. 13 на глубине 0.5 – 2 метра были обнаружены руины каменного сооружения. Тогда же и в следующем 2000 г. Санкт-Петербургской археологической экспедицией здесь были проведены раскопки. Судя по историческим картам, находкам и характеру кладки открытые руины принадлежали немецкому храму города Ниена. Они представляли собой полуразрушенный фундамент, выложенный из грубо отесанной известковой плиты и гранитного булыжника на известковом растворе. В верхней его части, местами, сохранилась кирпичная кладка.

С западной стороны разрушенного сооружения были исследованы две, композиционно связанные между собой кладки. Одна из них была столбовая, вторая напоминала основание арки. Это могли быть основания колокольни и портала (входа) храма (рис.20). Сходные по конструкции и материалам руины были прослежены в

34 метрах к востоку и в 15 метрах к югу от этих кладок. Таким образом, вскрытые остатки принадлежали внушительной по размерам постройке.

Среди строительных материалов в сооружениях и культурном слое были обнаружены: известковая плита, кирпичи и черепица. Известно, что во второй половине XVII в. известь и известняк, для строительства в Ниене, доставлялись с карьеров расположенных в нижнем течении реки Тосно по воде (Гиппинг 1909.т.II. 183.)

Размеры найденных кирпичей, и прежде всего их толщина – 4 - 6 см. не очень характерны для Петербурга, хотя и встречаются в его ранних постройках. Возможно, что в петровское время его изготовление, здесь, было прямым продолжением шведского кирпичного производства на невских берегах. Черепица имела клейма с надписью SP, вписанной в изображение ключа. Это клеймо свидетельствует о производстве ее в Любеке во дворе Святого Петра, где делались керамические строительные материалы (Reisnert 1999: 501-502). По типу она относится к голландской пазовой черепице, которая изготовлялась в период ренессанса - до начала XVIII столетия.

Среди индивидуальных находок выделяются: перстень из оловянисто-свинцового сплава с изображением цветочка на круглом поле (рис.21), пуговица от камзола и наконечник ножен из бронзы, а также семь медных монет Густава II Адольфа, Кристины и Карла XI достоинством 1/4 - 1 ере. К предметам из железа относятся: нож, ледоходный шип, подковки для сапог, осколки пушечных ядер, ружейные пули (рис.22).

Было обнаружено значительное количество изделий из керамики (рис.23). Печные изразцы представлены двумя видами. Первый из них светло-коричневого цвета, с покрытой канелюрами поверхностью, имеет вид горшка с округлым дном и квадратным устьем. Такие изразцы, распространенные в Германии с XVI в., за счет выпуклой поверхности имели увеличенную площадь обогрева. Второй вид - плоский муравленный изразец с рельефным растительным орнаментом, окрашенным в коричневые цвета.

В числе керамических сосудов – фрагменты мушкетерских кувшинов с изображениями ангелочков из Вестервальда в Северной Германии (Deutsche keramik 1984: 70-72) (рис.24), части поливных ковшиков на трех ножках с ручками, а также грубые кухонные горшки. Стеклянная посуда представлена осколками бутылок и

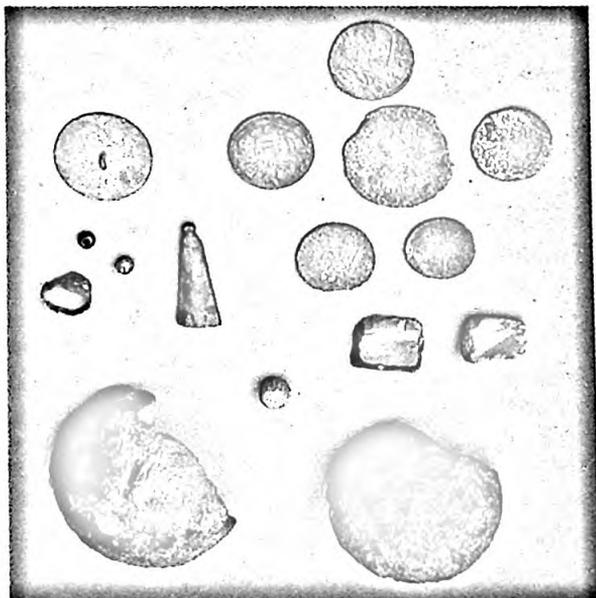
рис. 20 Фундамент немецкой церкви Ниена.
Ruins of the German church of Nyen.

рис. 21 Перстень.
The Ring.

рис.22 Археологические находки из раскопок 1999г.: ядра, пуля, ружейные кремни, перстень, бусины, наконечник ножен, медные монеты.

Archaeological finds from excavation 1999: cannon balls, bullets, gun flints, ring, beads, tip of a sheath, copper coins.

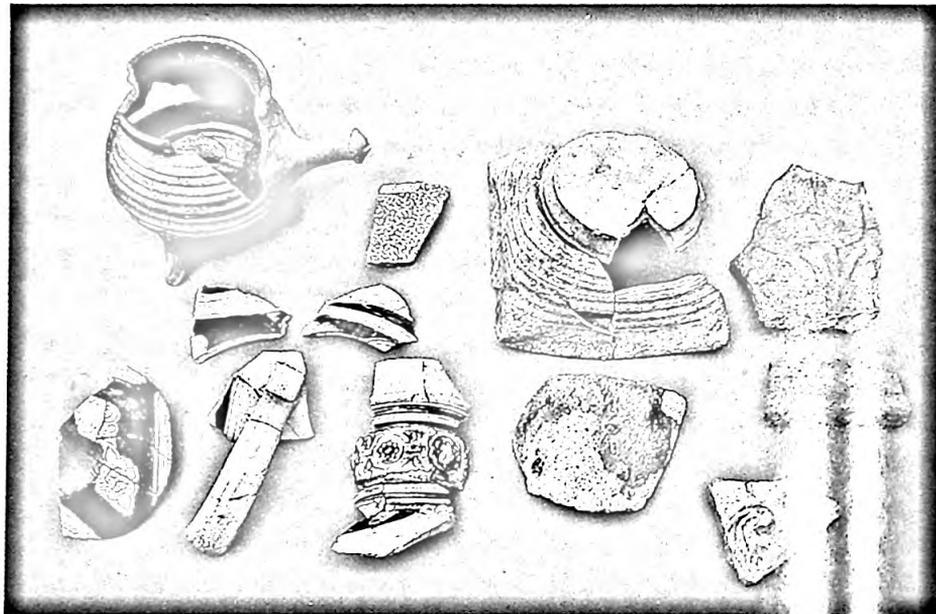

рис. 23 Фрагменты керамических изделий: печных изразцов, тигля, сосуда-ковшика, мушкетерского кувшина.
Fragments of ceramic products: oven tile, crucible, scoop, Musketeers jug.

рис.24 Мушкетерский кувшин, фрагмент.
The Musketeers jug, fragment.

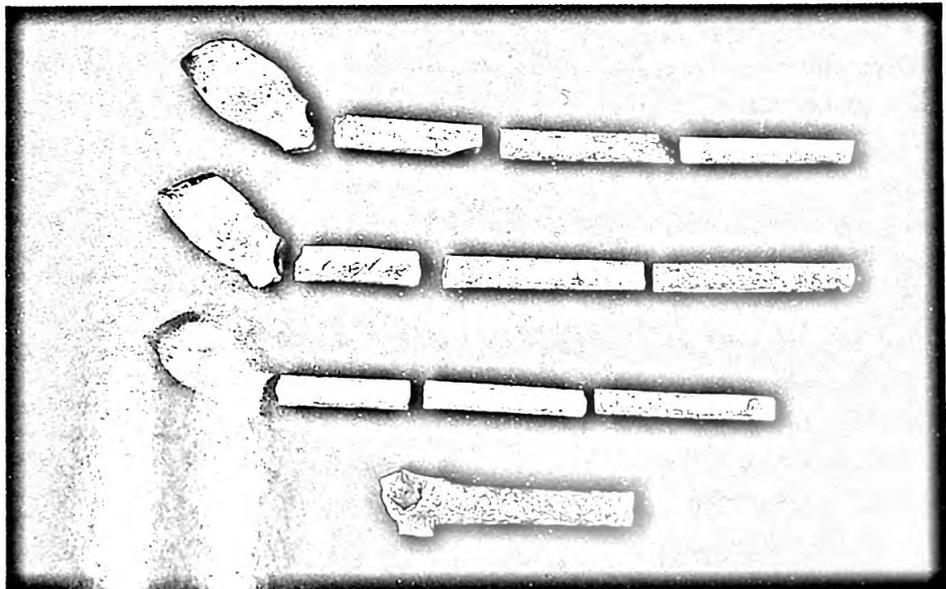

рис.25. Голландские курительные трубки.
Dutch smoking pipes.

рис.26. Погребальные останки у фундаментов церкви.
Burial remains at the base of the church.

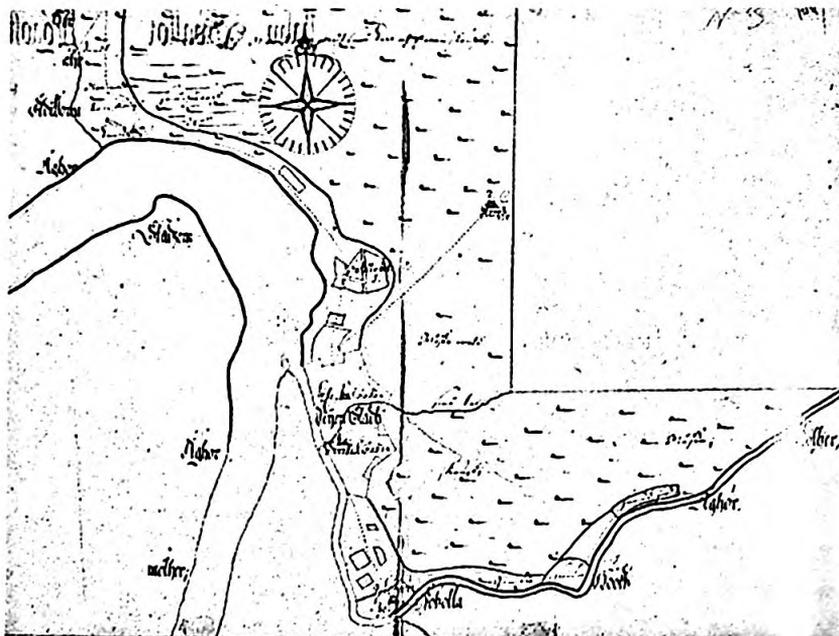

рис.27. Ниен и его окрестности 1675 г.
 Атлас Ингерманландии. БАН.С.Петербург.
 Nyen and its vicinity. The Atlas of Ingermanland.

рис.28. Спасское село с окрестностями. Атлас Ингерманландии.
 БАН. С.Петербург.
 Spasskoe village with vicinities. The Atlas of Ingermanland

дорогих кубков с декоративными украшениями. Здесь же найдены обломки курительных трубок изготовленных из белой глины (рис.25). Они имели клейма, свидетельствующие о месте их изготовления, и орнаментальные украшения в виде оттисков лилий и декоративных поясков. Такие трубки изготавливались, преимущественно, в Голландии (Articus 1997: 5-45). Все эти находки типичные для стран Северной Европы XVII столетия с различных сторон характеризуют культуру и быт жителей Ниена и дают новые сведения о торговых связях этого городка.

В западной части, вблизи фундаментов, на глубине 2-2.3 м., на удалении около 30 м. друг от друга были обнаружены два захоронения в деревянных гробах. Погребенные лежали головами на запад, что соответствует христианскому обряду захоронения. В одном из них был похоронен ребенок, в другом взрослый человек. Детское погребение сверху было перекрыто дощатым покрытием. В нем не было обнаружено каких либо вещей, зато в его засыпке было сделано значительное количество находок. Среди них: торба, плетенная из бересты, 3 медных монеты первой половины XVII в., фрагменты курительных трубок, осколки дорогих керамических сосудов и печных изразцов. Все это напоминает следы некоего погребального обряда, происходившего здесь около середины XVII столетия.

С восточной стороны от руин было обнаружено массовое захоронение людей. Погребения находились на глубине около 2.3 – 2.5 метров от современной поверхности земли и всего около 0.5 м. от дневной поверхности XVII столетия. Часть из них была нарушена и костные останки находились прямо в культурном слое (рис.26).

Другая часть погребенных находилась в непо потревоженном виде. Они были уложены головами в южном направлении без каких либо гробов. В одном случае останки лежали в два уровня – одни на других. Такой странный способ погребения и нетрадиционная для христианского обряда ориентировка усопших может свидетельствовать о том, что они были захоронены в необычных условиях. Это предположение подтверждается и составом засыпки погребений, в которой встречены: древесный уголь, обгорелая черепица и известь.

Все это, напоминает коллективное захоронение после массовой гибели людей в результате эпидемии или военных действий. Учитывая то, что останки располагались на большой площади – в радиусе около 15 м., можно говорить о значительных масштабах катастрофы, постигшей город. Три медные монеты найденные в районе этих захоронений, были

отчеканены при короле Карле XI (1660-1697 г.г.), поэтому вероятнее всего, коллективное погребение было совершено здесь до этого времени. Это могло произойти во время войны 1656-61 г.г., когда, по свидетельствам очевидцев, в Ниене погибло множество людей, или было следствием одной из эпидемий чумы.

В северной части города, невдалеке от немецкой церкви, брали свое начало две дороги. Первая из них вела на северо-восток в сторону Нотеборга¹. За городом на этой дороге стоял трактир, где могли останавливаться путешественники. Далее путь пересекал Охту, следовал по ее обжитому левому берегу и поворачивал на восток к истокам Невы. Вторая дорога к Выборгу и Кексгольму вела вдоль берега Невы на север². Она пересекала городское предместье, где располагался госпиталь Ниена. Изображение его в этом месте имеется на карте 1701 г. Госпиталь – церковный дом презрения, где на благотворительные пожертвования, под эгидой церкви, содержались бедные и больные люди, в том числе и умалишенные, существовал и ранее³. В 90-е г.г. в нем было 25-35 человек. Расходы на содержание госпиталя в 1691 г. составили 560 таллеров (Bonsdorf 1891: 84). Далее в излучине Невы на ее берегу находились кирпичные заводы⁴. От них Выборгская дорога поворачивала на север. Развилка на Кексгольм отходила от нее в районе Парголовских высот.

В начальный период существования города, его южная часть была связана с северной единственным деревянным мостом через Чернавку. Он был построен недалеко от ее устья напротив городской площади. С расширением города, выше по течению ручья, в нескольких десятках метров один от другого, через него были перекинuty еще два мостика. Мост, находившийся в центре, попадал на перекресток улиц и потому имел необычную крестообразную форму.

В южной части города, в пятидесяти метрах от берега Охты, располагалась шведская лютеранская церковь (рис.27,

¹ из района пересечения Большеохтинского пр. и ул. Тарасова в направлении Большой Пороховской и далее по трассе шоссе Революции.

² по трассе Большеохтинского пр. и Свердловской наб.

³ р-н пересечения Большеохтинского пр. и ул. Большая Пороховская.

⁴ вблизи пересечения Свердловской наб. с ул. Ватутина

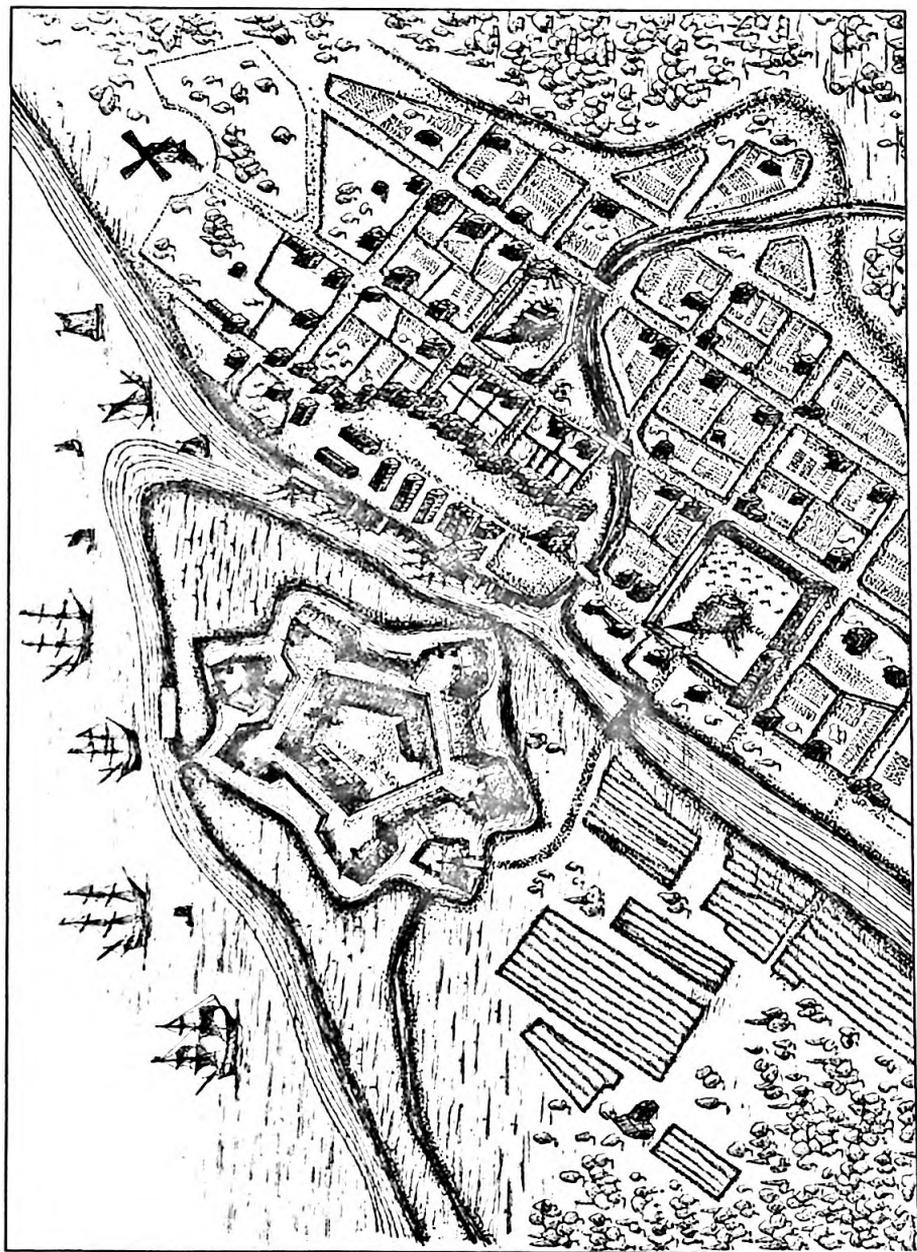

рис.29. Город Ниен с крепостью Ниеншанц в конце XVII столетия. Рисунок Александра Ингилевича.
Nyen with the fortress Nyenschantz in the end of XVII th. c. Drawing by A.K. Ingilevich.

см. также рис. 19). Она стояла в центре церковного двора¹. Вход во двор был с улицы проходившей вдоль Охты. Территория внутри церковной ограды, площадью около 700 кв. метров, использовалась как кладбище. Шведская церковь, принадлежавшая шведско-финской общине, являлась кафедральным собором города. Первое упоминание о ней связано с 1632 г. Первым ее пастором был Генрикус Фаттебур (1632-1647 г.г.), последним Захариас Литовиус (1702 г.) (Bonsdorf 1891: 84).

Изображения храма, дошедшие до нас на исторических картах Ниена, показывают, что он был крестообразной формы. Его размеры достигали около 34 м. в длину и около 27 м. в ширину. К центральному нефу примыкали с юга и севера два придела, с востока алтарная часть и с запада башня с колокольной.

В пределах церковной ограды, по ее восточной и южной сторонам, размещались школа и пасторат - дом служителей храма. Школа была учреждена одновременно с церковью в 1632 г. По Хенрика был назначен педагогом и ректором школы. Кроме того, здесь были конректор и два коллеги. В помощь ректору был назначен русский дьяк. Это свидетельствует о том, что в этот период здесь были ученики, говорившие на русском языке. Известно, что 1687 г. в школе Ниена училось 116 детей (Bonsdorf 1891: 92). Примечательно, что она была самым большим по размерам общественным зданием города. Вероятно, помимо учебных классов, здесь были и квартиры учителей.

Церковь со всех сторон была окружена усадебной застройкой. К югу она простиралась вдоль берега Охты примерно на 200, а к западу на 300 метров. Отсюда брала начало вторая дорога, ведущая к Нотеборгу. Она шла по краю болота, окружавшего город с восточной и юго-восточной сторон и выходила на основную дорогу, берущую начало в северной части Ниена. К северу от нее в сторону реки Чернавки на всхолмлениях возвышались ветряные мельницы.

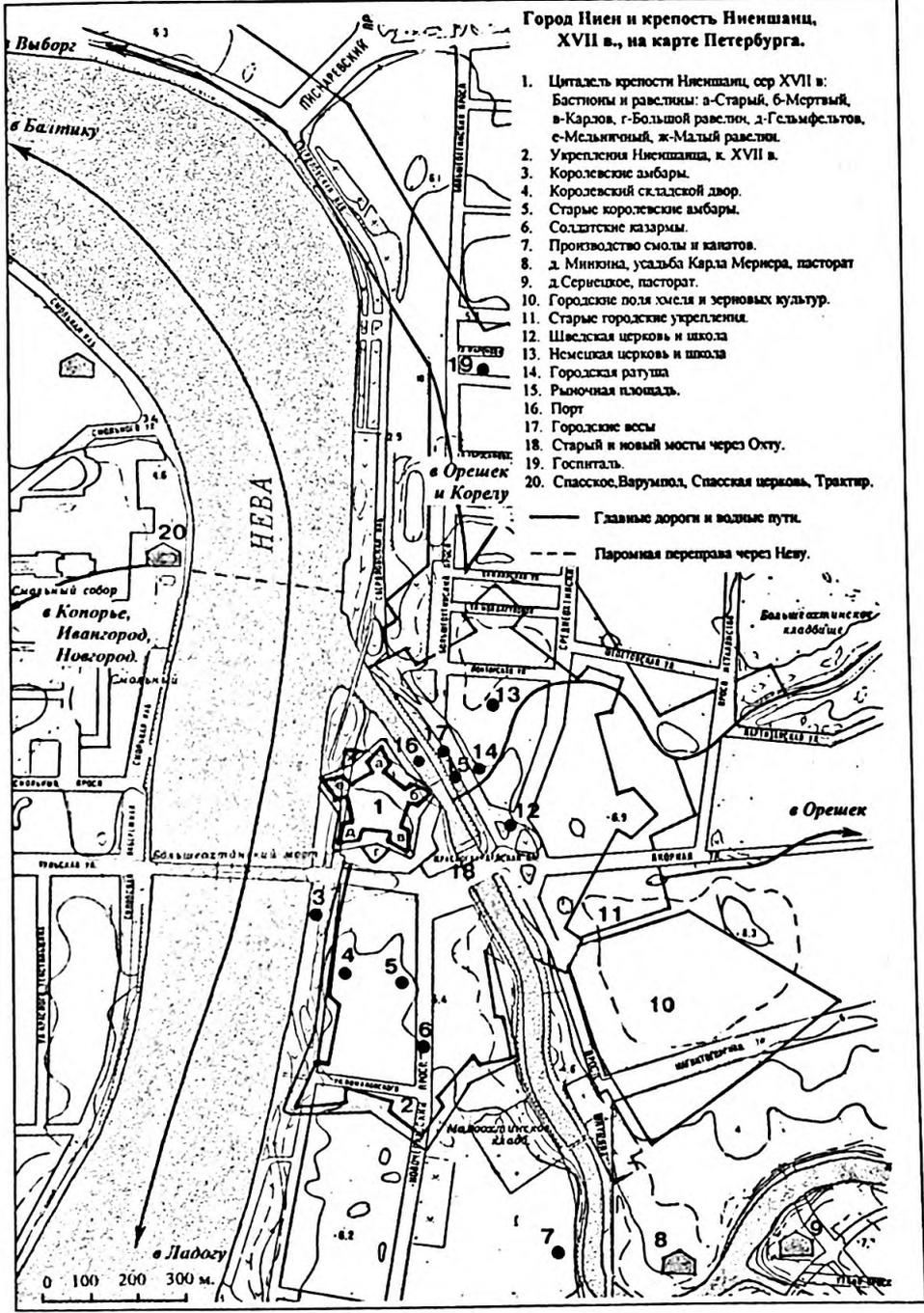
Во время разведочных археологических исследований 1992 г. на правом берегу Охты в 50 м. к югу от Комаровского моста был обнаружен культурный слой, связываемый с городом Ниеном. На глубине 0.5 – 0.6 м. в яме, заглубленной в песчаный грунт, были обнаружены следы постройки погибшей в пожаре. Среди скопления древесного угля было найдено значительное количество фрагментов оплавленных в огне печных изразцов. Изначально они были

¹ В настоящее время на этом месте разбита Красногвардейская площадь.

Город Ниен и крепость Ниеншанц,
XVII в., на карте Петербурга.

1. Цитадель крепости Ниеншанц, сер XVII в.
2. Бастюны и рavelьны: а-Старый, б-Мертвый, в-Карлов, г-Большой ravelноч, д-Гельмфельтов, е-Милькичичный, ж-Малый ravelноч.
3. Укрепления Ниеншанца, к XVII в.
4. Королевские амбары.
5. Королевский складской двор.
6. Старые королевские амбары.
7. Солдатские казармы.
8. Производство смолы и канатов.
9. д. Минюнка, усадьба Карла Мерисера, пасторат
10. д. Сервиско, пасторат.
11. Городские поля хлеба и зерновых культур.
12. Старые городские укрепления.
13. Шведская церковь и школа
14. Немская церковь и школа
15. Городская ратуша
16. Рыночная площадь.
17. Порт
18. Городские весы
19. Старый и новый мосты через Охту.
20. Госпиталь.
21. Спаское. Варумпол, Спасская церковь, Трактир.

— Главные дороги и водные пути.
 - - - Паромная переправа через Неву.

изумрудно-зеленого – цвета, однако, побывав в огне приобрели светло-коричневую окраску. На поверхности одного из них сохранился растительный орнамент в виде двух тюльпанов (см. рис.23). Здесь же были обнаружены фрагменты голландских курительных трубок. Какой из пожаров послужил причиной гибели этого дома по имеющимся находкам судить сложно. Можно только предполагать, что он погиб во время войны.

К югу от города находились городские поля, на которых выращивали зерновые и хмель, использовавшийся в пивоварении¹. Далее, в излучине Охты, в первой половине столетия еще сохранялась русская деревня Минкино. С 1634 г. это селение было передано во владение пастора шведской церкви. Позднее, в середине столетия, здесь существовала, обнесенная оградой, усадьба дерптского президента Карла Мернера, которая после его смерти в 1666 г. была возвращена городу². (Гиппинг 1909, т. 2. с. 184). Одним из наиболее крупных русских поселений, в окрестностях Ниена, на протяжении всего XVII в. оставалось Спасское село, расположенное на правом берегу Невы (рис.28). Именно сюда через болота выходила дорога, связывавшая устье Невы с Копорьем, Ямбургом Нарвой и Ивангородом. На карте устья Невы 1643 г. Спасское село с церковью (Spaski Kyrgieby) изображено на левом берегу Невы напротив устья Охты. Упоминается оно и в Писцовой книге 1640 г. До середины столетия Спасское было церковным селом, так как здесь кроме храма находилась усадьба православного священника. Однако, после войны 1656-1661 гг. эта усадьба была разорена за “поведение священника в годы войны”, который, вероятно, поддерживал русские войска. Тогда же было принято решение о передаче села во владение города Ниена.

На протяжении второй половины XVII в. Спасское входило в состав города Ниена как предместье (рис.30). Оно носило название Варумпол. Здесь имелся городской трактир. На плане Мейера 1698 г. изображена часовня (capellet). Афанасий Холмогорский в своем описании трех путей из России в Швецию, составленном в 1701 г. отмечал: “...град Канец земляной не великий стоить на берегу Невы. Против того града на другой стороне Невы обитают земледетели Ижоры, наша христианския веры, церковь и священники съ причетники имеют” (рис. 31) (Описание трех путей. 1838: с. 266).

¹ р-н. Магнитогорской ул. и фабрики Знамя Труда.

² р-н завода им. Лепсе.

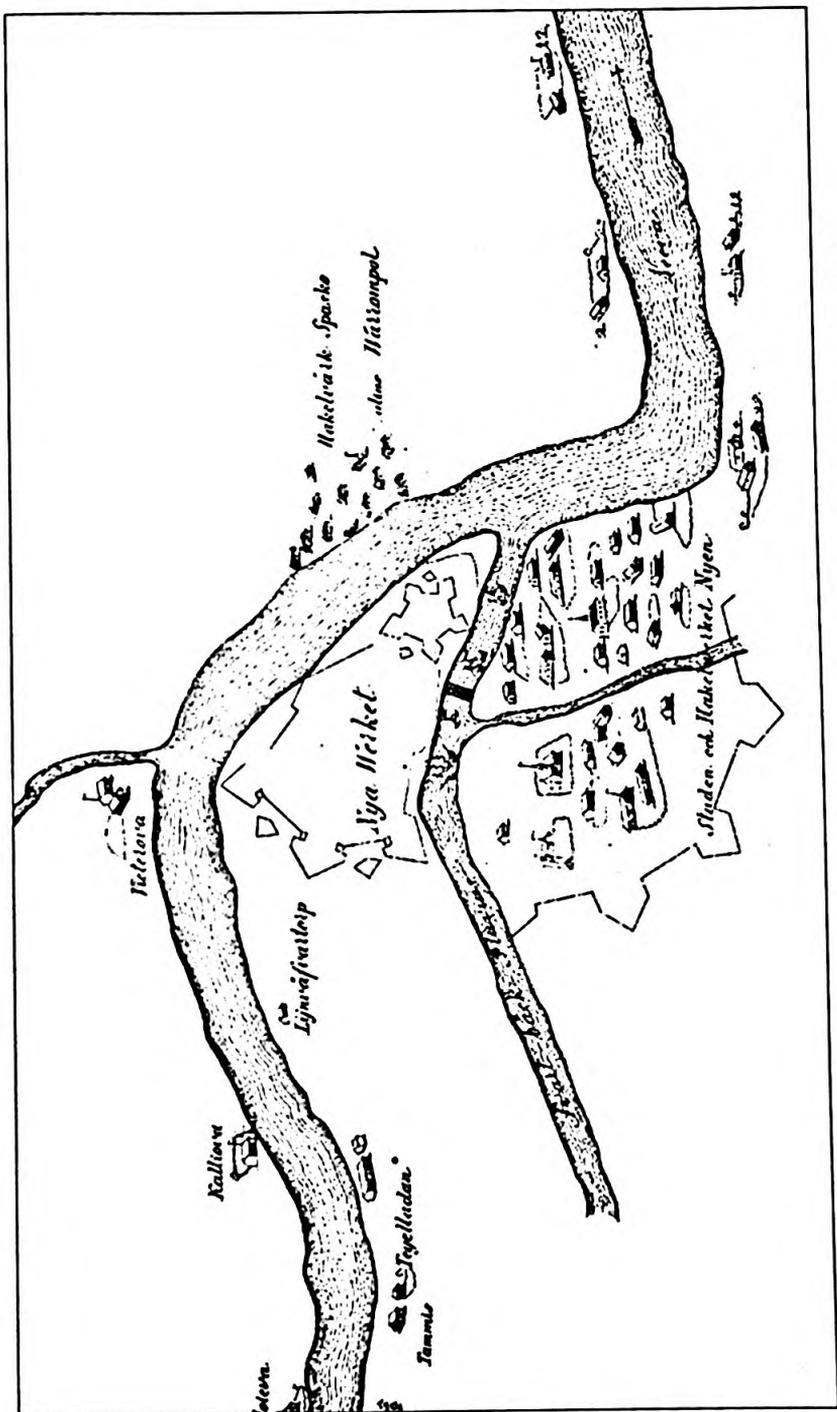

рис.30. Город Ниен на карте течения Невы 1681 г. Nyen on a map of the Neva, 1681.

Изображения Спасской церкви, хотя и схематичные, имеются на шведских картах XVII столетия. Здесь она представлена в виде деревянной постройки с папертью и алтарем и с шатровой колокольней, возвышающейся в центре (см. рис.12, 19).

В 1670-1690 г.г. появились новые проекты полного переустройства Ниена. Город предполагалось перенести на мыс под защиту новых крепостных укреплений. Согласно плана Дальберга 1675 г. внутри новых укреплений, к югу от цитадели, предлагалась разбивка нового города с регулярной планировкой (Гиппинг 1909, т. 2. с.172-173). На некотором удалении от существующей крепости предполагалось соорудить цейхгауз, провиантский магазин и сборный пункт. В центре города была запроектирована большая площадь, окруженная кварталами с общественными зданиями и жилищами горожан. Далее к югу, среди городской застройки, отводились места для двух церквей и кладбищ. Проект Эрика Дальберга был утвержден королем Карлом XI, о чем свидетельствует его подпись (Лаппо-Данилевский 1913: № 5). Однако реализовать его не удалось.

Проект Стюарта, появившийся перед самой войной, в 1698 г., развивал идеи Дальберга по переносу города на левый берег Охты. Он также предусматривал сооружение здесь нового города с регулярной планировкой, в пределах которого должны были гармонично сочетаться военные и гражданские объекты (Лаппо-Данилевский 1913: № 8).

В его центре планировалась городская площадь¹. Вокруг нее должны были быть воздвигнуты: ратуша, церковь со школой и домом пастора, дом коменданта крепости и гауптвахта. Вокруг, в пределах крепостных валов, планировались городские кварталы с домами горожан. На берегу Охты предполагалось поместить рыночную площадь, таможню и пекарню. У берега Невы должны были располагаться пивоварня, госпиталь и сиротский дом.

Ближе к северной стене планировалось сооружение городского колодца с насосом и пожарного депо². Далее к северу, перед крепостными укреплениями, предусматривалось строительство казенного пакгауза с городскими весами и складочным местом. На четырех северных бастионах крепости собирались поставить ветряные мельницы. В шести южных бастионах должны были

¹ на месте сегодняшнего Новочеркасского пр.

² р-н. Красногвардейской пл.

разместиться пороховые погреба, а в пространствах перед ними были предусмотрены плац-парады – места для построений.

Между южной стеной и кварталами городской застройки по плану находился артиллерийский двор. Двое ворот крепости выходили к Охте. Только у южных ворот был разводной мост, который выводил на правый берег реки, где должны были быть сооружены укрепления кронверка, прикрывавшие город с востока. Отсюда начинались дороги к Выборгу, Кексгольму и Нотеборгу. У ворот и на бастионах проектировались лестницы, ведущие на стены. В этих же местах должны были быть вырыты 12 городских колодцев, а также созданы общественные отхожие места. Не оставались свободными и крепостные валы - в них предполагалось поместить склады для амуниции и казармы для офицеров и солдат гарнизона.

Но этому проекту, как и многим другим планам модернизации крепости и города в устье Охты не суждено было осуществиться. Началась Северная война.

ПАДЕНИЕ НИЕНШАНЦА

Только с началом Северной войны - в 1700 г. начались работы по приведению крепости в боеспособное состояние. Но и эти работы велись, по преимуществу, силами гарнизона и местного населения, что делало их малоэффективными.

В описании русских торговых людей - ладожан, собиравших разведывательную информацию, Ниеншанц и его окрестности в 1701 г. выглядели следующим образом: "По Неве, по берегам от Орешка до Канец леса большие и малые. Под Канцем между Невею и Охтою, где стать земля сухая песочная, шанцы копать и вал валить мочно. Город Канцы стоит в устье Охты; город земляной, вал старый, башен нет, за валом рогатки деревянные и ров. Изорву к валу палисады сосновые, город небольшой, земли в нем всего с десятину, величиною по примеру с каменную Ладогу. Охта течет из болот, впадает в Неву ниже города, близко стены, река глубокая, ходят по ней шкуны большие и корабли с половиною груза. Посад Канецкий стоит против города за Охтою, по устью Охты к Неве. Через Охту сделан мост подъемный. В посаде дворов с 400. Вверх по Охте реке с пол версты амбары большие торговых людей и королевские со 100 с хлебом и другими припасами. Пушек в Канцах много железных. В городе (крепости П.С) только один воеводский дом, да солдатских домов с 10. На посаде каменных палат нет: все деревянные" (Линде 1872: с. 7-8).

Чтобы противодействовать русскому наступлению в Карелию и Ингерманландию был направлен 6-тысячный корпус под командованием генерал-майора Абрахама Крониорта. Шведские войска расположились лагерем перед Ниеном и спешно стали готовить крепость к обороне — восстанавливать старые и строить

новые укрепления. Основной упор был сделан на завершение сооружения укрепленной линии с тремя бастионами между Невой и Охтой, к югу от цитадели. Для защиты подступов к крепости с запада на левом берегу Невы вокруг Спасского села так же были возведены валы.

Согласно показаниям пленного, в 1702 году, оборонительные сооружения Ниеншанца быстро приводились в порядок – “...прежней вал старой, который был неотделке, вновь зделан, на том валу раскат и поставлено три пушки..., а в Канцах от реки и по городской стене, и по башнем, поставлено пушек со сто железных”. Вокруг Спасского был “...вал величиною с сажень, обнесенный рвом...”. Как видно из так называемой карты генерала Крониорта 1698 г., перед войной у подступов к крепости с юга и востока планировалось соорудить еще три небольших форта. Однако планы укрепления крепости требовали значительного времени и средств.

Вскоре после штурма Нотеборга, в Ниеншанц прибыли беженцы, преимущественно больные и раненные. Это усилило панику в городе. Крониорт спешно отвел войска в Финляндию, бросив в Ниене весь провиант. Как сообщал впоследствии один из очевидцев событий – последний ректор ниенской школы Габриэль Хинкель город Ниен “...с церковью и школой был 20 октября 1702 г. из страха перед врагом нашими собственными офицерами превращен в пепел”, а жители его удалились в Выборг (Шаскольский 1987а: с.335). Правда, существуют и другие, полулегендарные, сведения о судьбе обитателей города. Они сообщают, о том, что после разрушения Ниена его жители разбрелись, часть их была захвачена в плен, и некоторые девицы поступили в услужение к семействам государевой свиты (ИСС. 1883: с. 192).

По сведениям русских лазутчиков: “...неприятель, после того как отревожен был, что он опасался осады, весь город без фортификации сушей против шанца выжег и больше двух дней в городе горело”. В третьем выпуске январских Ведомостей 1703 г. сообщалось – “...ноября 18 день ... полковник Апполов, губернатор Нового Шанца, увидев, что сей город осажден быти имел, оной сжечь приказал, как и магазин, который там собран был к пропитанию войска на 4 месяца” (Шарымов 1994: с. 111). Таким образом, уже 18-20 ноября 1702 г. город Ниен прекратил свое существование. Гарнизон ожидал подхода русских войск со дня на день, а городские строения, как об многократно говорилось ранее, могли бы быть использованы штурмующими в качестве укрытия на подступах к крепости.

Решение об уничтожении города и складов с провиантом принял комендант крепости Иоган Апполов, опасавшийся внезапного появления русских войск. Он понимал, что островная фортеция Нотеборг имела куда более надежные укрепления, чем Ниеншанц, где в боевом состоянии, к тому времени была одна только цитадель. Перед штурмом весь гарнизон крепости состоял из 700 солдат, при этом 150 из них должны были оборонять вновь созданные внешние укрепления. В крепости имелось 70 чугунных и 5 медных орудий, разных калибров, а также 3 мортиры.

С русской стороны, с началом новой кампании - в конце апреля 1703 года, у Шлиссельбурга были сосредоточены значительные силы, включавшие: Преображенский и Семеновский полки, а также другие подразделения. После получения царского указа 23 апреля двадцатитысячный корпус под командой фельдмаршала Б.П. Шереметева выступил из Шлиссельбурга по северному берегу Невы к Ниеншанцу. В его составе были: генерал Репнин, генерал-майор Чамберс и генерал-майор от артиллерии Брюс. 24 апреля войска остановились в 15 верстах от крепости (КМ 1766: с. 14).

В ночь на 25 апреля двухтысячный отряд под командованием подполковника Нейдгарта и капитана Глебовского совершил по Неве разведывательный рейд к Ниеншанцу. Войска высадились у внешних укреплений крепости и как сообщалось в победной реляции: "...шведскую драгонию во 150 человек, у самого рва стоящую, напав и збив их с квартиры, к бегству принудили..." и "...первым валом овладели...". Далее: "...зело смелым сердцем и мужественно на один бастион малыми людьми, несколько из той партии жестокое нападение учиня взошли...". Однако они не закрепили достигнутого успеха: "...А к тому не имея при себе к приступу не в чем готовности, принуждены отступить" (КМ 1766). Судя, по всему, после этого столкновения внешние укрепления были оставлены защищающимися и все вооружение и гарнизон сосредоточены в цитадели. Уже 25 апреля Шереметев планировал послать отряд в ночной рейд к укреплениям в Спасском, о чем он сообщал в письме Петру – "На другой стороне реки сделана крепость земляная и люди в ней есть, и я нынешней ночью пошлою взять Спасский шанец" (Петров 1884: с.27-34).

26 апреля основные силы русских войск подошли к городу и расположились за внешним валом, служившим защитой от пушечной и ружейной стрельбы. Часть войск переправилась на правый берег Охты,

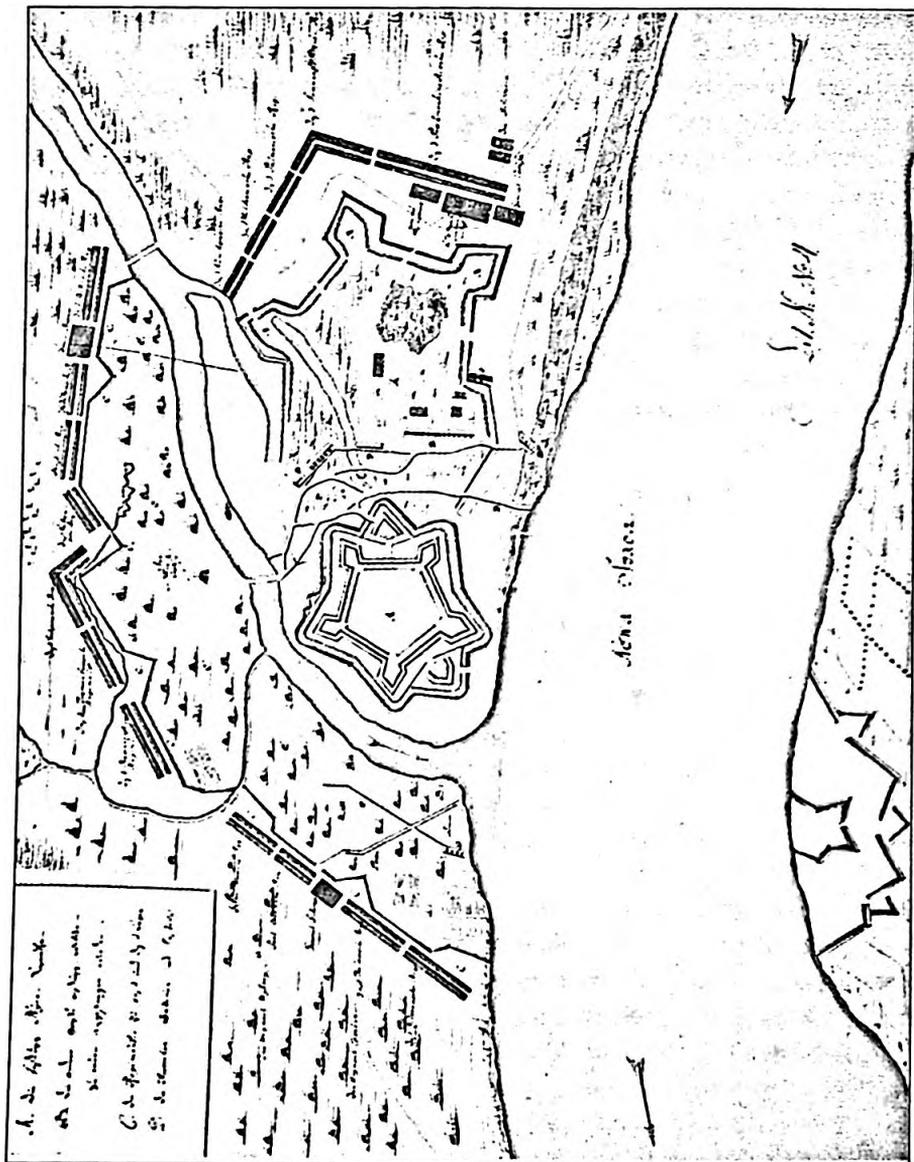

рис.32. Штурм Ниеншанца. Storm of Nyenschanz.

выйдя на место сожженного Ниена, напротив крепости, и заняли здесь позиции. В результате Ниеншанц был взят в полную осаду с суши. Вскоре прибыли ладьи, задержавшиеся из-за ледохода на Неве. Они доставили осадную артиллерию — 16 мортир и 48 пушек с боезапасом в 10 тысяч бомб и ядер и другую амуницию (рис.32).

В тот же день из Шлиссельбурга в обозе прибыл Петр I, под видом бомбардирского капитана. Впервые увидевший Ниеншанц Петр писал Меншикову: “Город гораздо больше, чем сказывали, однако же не будет со Шлиссельбургом” (ПБИПВ 1889.т.II.: с. 155-157) Штурм двух бастионов, обращенных к югу, силами 2000 человек, был отбит гарнизоном. Поэтому, чтобы безопасно приблизиться к укреплениям, войска под руководством генерал-инженера Чамберса, под покровом ночи, стали рыть траншеи в 20-30 саженьях от крепости. Неприятель препятствовал этому пушечной стрельбой.

Два следующих дня - 27 и 28 апреля рытье шанцев в сторону городского рва было продолжено. Оборудовались батареи с установкой пушек и мортир направленных на крепость. При этом велась перестрелка из ружей, а кроме того “из города по наших из мортир бомбы и камня непрестанно бросали”. Однако, несмотря на это, в ночь на 29 июня русские окопы были доведены до полевого вала перед рвом, откуда можно было засыпать стоящие во рву палисады. С южной стороны перед цитаделью были размещены две мортирные и две пушечные батареи. Еще одна пушечная батарея была устроена на правом берегу Охты. Окопы на этой стороне реки также были продолжены в сторону крепости и доведены до расстояния ружейного выстрела по ней.

Вечером 28 июня, Петр во главе семи рот Преображеского и Семеновского полков на шестидесяти лодках отправился к устью Невы. Когда лодки проходили напротив Ниеншанца “...по них из города пушечная стрельба была немалая, однакож прошли безвредно” (КМ 1766:с.15) . Главной целью этого разведывательного рейда было выяснение местонахождения шведского флота. Поскольку он поблизости отсутствовал, на взморье было оставлено три роты для несения дозора, с тем, чтобы не допустить внезапного появления неприятельских кораблей под стенами осажденного Ниеншанца.

29 мая Петр возвратился к осажденной крепости, когда основные приготовления к штурму здесь были уже завершены. Был отдан приказ начать артиллерийский обстрел. При этом “...пушки на батареи с великим шумом влечены были, и от того неприятель

устрашася, и чая на себе конечно приступу, учинил из города из пушек и из мелкого ружья превеликую стрельбу, и непрестанно в ров свой кругом города гранаты и лусть-кугели и бомбы бросали, однако наших не вредило, понеже в апрошах (траншеях П.С) сидели продолжая их далее” (КМ 1766: с.16). Ночью установка пушек и мортир на батарее была продолжена. Была также сделана попытка штурма одного из бастионов, однако она вновь была отбита.

Разрушения в крепости и потери с обеих сторон были ощутимы. Гарнизон насчитывал к этому времени чуть более 600 человек. Тем не менее, осажденные спешно заделывали повреждения, готовясь к отражению нового штурма. “В 30 день о полудни, все батареи учредя и уставя на них пушки и мортиры в готовности”, фельдмаршал направил к осажденным парламентарера. Его встретили шведские офицеры и для обеспечения секретности “... обвели его для ответу водою к другим воротам” и с завязанными глазами провели в крепость к коменданту, которому парламентарем было передано письмо. Ответ задерживался. После того, как в течение шести часов ответа не было получено “фельдмаршал послал к ним из ближайших шанцев другого барабанщика, наказав, что если они вскоре трубача не вышлют, то начнет чинится над ними промысел” (КМ 1766: с.16). Вскоре парламентареры возвратились с отрицательным ответом коменданта. Крепость принята мной от короля не для того, чтобы ее сдать, а чтобы защищать, - заявил он парламентарерам.

Тотчас после этого был начат артиллерийский обстрел. За время бомбардировки крепости, продолжавшейся около четырнадцати часов, было сделано 9 залпов из пушек, а из мортир стреляли до утра непрестанно. Сначала, осажденные также отвечали артиллерийским огнем, но вскоре стрельба из крепости затихла. Возможно, причиной этого было то, что одна бомба угодила прямо в пороховой погреб. В результате мощный взрыв разрушил близлежащие укрепления. Потери гарнизона были значительны и он уже не в состоянии был оборонять крепостные валы (Vlees 1938: 92). Силы были слишком не равны. Осажденные были деморализованы и потеряли всякую надежду удержать Ниеншанц.

На следующий день - первого мая, на рассвете, после залпа из пушек и мортир по крепости, на валу ее появился барабанщик и подал сигнал о сдаче. Обстрел прекратился. Всего по городу было сделано 10 залпов из 19 орудий и брошено 700 бомб из мортир.

Начались переговоры о сдаче. Для чего из города вышли

офицеры с предложением обменяться аманатами (заложниками П.С.). Со шведской стороны в лагерь осаждающих прибыли капитан и поручик, взамен их в крепость были направлены капитан и сержант Семеновского полка. Парламентеры сообщили фельдмаршалу, что “прислал их комендант от всего гарнизона просить у него аккорда¹, и чтоб им дано было на несколько времени сроку, в которое время могли они написать от себя к сдаче города договорное письмо” (КМ 1766:с.17-18).

На эту просьбу дано им было два часа. Однако, по их прошествии, ответ задерживался. Наконец фельдмаршал не выдержал и потребовал от шведов чтобы парламентеры были высланы в течение часа. В ответ на это, шведская сторона просила продлить срок подготовки договора о сдаче до 10 часов утра, но в этом им было отказано. Вскоре шведская сторона предоставила договорное письмо с предложениями вчерне. Доставивший его майор, был препровожден в шатер фельдмаршала, где обсуждались детали предстоявшей сдачи.

Договор о сдаче Ниеншанца был достаточно подробен и обстоятелен. Он имел восемь разделов и подробно регламентировал вопросы капитуляции гарнизона крепости и его ухода на шведскую территорию. Заключенный комендантом Иоганом Аполовым и фельдмаршалом Б.П.Шереметевым, договор, после некоторых исправлений Петра I, вступил в силу. По его условиям, сразу же после утверждения обеими сторонами, в крепости в удобных местах выставлялись русские посты. Шведы незамедлительно освобождали русских пленных, а также указывали сделанные в крепости подкопы и скрытые хранилища пороха.

Гарнизон крепости, включая семьи и слуг, с двумя железными полковыми пушками, с оружием, боеприпасами и амуницией, с распущенными знаменами, с барабанным боем и пулями во рту мог свободно выйти сквозь большие ворота. Далее его должны были переправить через реку на левый берег Невы. Оттуда он, по Большой Копорской дороге, в сопровождении конвоя, должен был проследовать в Нарву. До возвращения конвоя, в качестве заложников, оставлялись шведские офицеры.

Гарнизону и гражданским лицам, находившимся в осаде, выдавался месячный провиант и предоставлялись суда, которые должны были доставить в Нарву: 2 пушки, раненых и больных, а также

¹обеспечения договорной сдачи П.С

все личное имущество солдат и офицеров. При этом осаждающие гарантировали полную неприкосновенность людей и их имущества (ПБИПВ 1889.,т.II: с. 155-157).

В тот же день, в 10 часу вечера, русские войска вступили в город через невские ворота. Преображенской полк был введен внутрь крепости, а Семеновский “в полисады”. После этого “...болверки (крепостные сооружения), пушки и иные воинские припасы и пороховая казна по договору у них (шведов) принята, и караул по городу везде наш был расставлен”. Победителям достались вооружение и боеприпасы: 75 пушек и 3 мортиры, 195 бочек пороха, бомбы, ядра, картеч, гранаты. Среди трофеев были: железные цепи и якоря (ЖПЗПВ 1770: с.64-65).

Второго мая, в честь взятия крепости, был произведен торжественный молебен, во время которого Семеновский и Преображенский полки были выставлены на городском валу, а полки Репина на “большом старом валу в круг”. После благодарственной молитвы “Тебе Бога хвалим” был трижды произведен залп из всех пушек и ружей. Затем у городских ворот комендант вручил фельдмаршалу Шереметьеву городские ключи на серебряной тарелке. Церемониал сдачи крепости был завершен. Шведский гарнизон, включая семьи, был выведен из города и размещен у “полисадов” на берегу Невы, до решения вопроса о его отправке на родину.

Однако вечером того же дня, произошло событие, задержавшее эту отправку. Было получено сообщение о появлении у устья Невы шведского флота, который сигнализировал свой приход двумя пушечными выстрелами. Для того чтобы противник не узнал о падении крепости, по приказу фельдмаршала, в Ниеншанце утром и вечером так же делались два сигнальных выстрела из пушек.

Со шведского корабля к берегу была послана шлюпка для вызова лоцмана. Когда ее экипаж оказался в лесу, один из матросов был захвачен русским дозором, остальным удалось уйти. Несмотря на это к устью Невы все же подошли два шведских корабля и бросили якоря. Шестого мая Петр I во главе отряда из семеновцев и преображенцев, на 30 лодках, ночью напал на эти суда. Был открыт ожесточенный огонь “... из ружей и ручными гранатами, и хотя с тех судов непрестанная по нашим была пушечная и из мелкого ружья стрельба, однакож наши по тому их жестокому сопротивлению, те суда взяли ... и привели ко взятому городу Канцам” (КМ 1766: с. 21). Только

после этого, 8 мая, гарнизон Ниеншанца был отпущен в Выборг.

Штурм Ниеншанца был проведен по всем правилам военной науки. Значительный перевес русских войск предрешил его успех, ведь на каждого осажденного приходилось около 33 осаждающих. Малочисленный шведский гарнизон был не в состоянии оборонять внешние укрепления крепости, которые хотя и не были достроены, все же могли служить препятствием и задержать штурм самой цитадели. А это позволяло дожждаться подхода флота, на что осажденные надеялись до последнего момента, пытаясь правдами и неправдами оттянуть время сдачи крепости.

Оставленные в первый день осады внешние укрепления во время штурма послужили надежным прикрытием для наступавших русских войск, позволив им приблизиться вплотную к цитадели. Но все же главной причиной сдачи был массированный обстрел крепости, приведший к большим разрушениям, взрыву порохового погреба и потерям среди гарнизона.

При этом во всех описаниях штурма почти не сообщается о количестве погибших с русской и шведской сторон. Но все обстоятельства говорят о том, что они были значительны. Военный инженер Ф.Ласковский считал, что рытье траншей в непосредственной близости укреплений, под постоянным обстрелом противника непременно должно было привести к многочисленным жертвам со стороны осаждавших (Ласковский 1861: с.293). До нас дошли лишь отрывочные сообщения о потерях среди русских войск. Известно, что за все время осады в дивизии Репина, составлявшей более трети всех сил, погибло 257 человек, а в Семеновском полку потери составили — 23 человека (Любимов 1960:с.91-98). Таким образом, общее число погибших могло достигать несколько сотен человек.

После падения Ниеншанца, крепость была переименована Петром Великим в Шлотбург, в переводе с голландского — замок город. На несколько недель он стал лагерем русской армии в устье Невы. Первые письма Петра I, отправлявшиеся во все концы Европы в мае — июне 1703 года имели обратный адрес Шлотбург. Все это свидетельствует о том, что первоначально в планы Петра не входило уничтожение его укреплений.

Дальнейшую судьбу Ниеншанца рассматривал специальный военный совет, решавший “...тот-ли шанец крепить, или иное место удобное искать, понеже он мал, далеко от моря и место не гораздо крепко от природы”. В результате было принято решение: “...искать

нового места. И по нескольких днях найдено к тому удобное место” (ЖПЗПВ 1770: с.69). Это был “... остров zelo удобный положением места, на котором вскоре, а именно мая в 16 день в неделю пятидесятницы фортецию заложил и нарекли имя оной Санкт-Петербург” (КМ 1766: с.22). Так появился новый город, а руины Ниеншанц долгие годы еще возвышались на его окраине.

Интересно, что Эрик Дальберг, в памятной записке королю, составленной еще в 1695 г., пророчествовал появление Санкт-Петербурга. Размышляя о многолетних попытках русских выйти к Балтийскому морю и там создать порт, он писал, что наиболее целесообразно было бы расположить его в устье Невы (Bless 1938: 85). Впервые, идея сооружения новой фортеции ближе к Финскому заливу была также предложена еще в 1698 г. Карлом Магнусом Стюартом, который в приложении к новому проекту Ниена писал королю: “... Должно ли Ниен или Нотеборг принять за настоящую точку защиты, или же крепость должно построить при впадении Невы в Балтийское море” (Гиппинг 1909, т.2: с. 177).

Выбор Петра Великого, помимо некоторых преимуществ, таких, как близость к морю и расположение на окруженном со всех сторон водой островке, имел и явные недостатки. Так новая крепость находилась в зоне затопления в периоды наводнений. Другим ее существенным недостатком было то, что она не была в состоянии контролировать проход судов по всем рукавам невской дельты. А это требовало строительства других дополнительных укреплений. Именно в этих целях и были устроены батареи на Стрелке Васильевского острова, возведены укрепления на Выборгской стороне - Провиантские магазины и на месте прежних шведских укреплений в районе Спасского - Смольный двор.

Взятие крепости на Охте означало возвращение Россией выхода к Балтийскому морю, что имело не только экономическое, но и важнейшее политическое значение. Это события была отмечана специальная памятная медаль. Взятию Ниеншанца были посвящены и некоторые гравюры. Так уже в 1703 году в мастерской Шхонебека был изготовлен гравированный план штурма крепости, показывающий укрепления Ниеншанца и расположение вокруг него русских войск. Другие гравюры, наполненные аллегориями, были посвящены праздничным мероприятиям, связанным с этой викторией (Макаров 1973: с. 235, 243, 244, 249).

Празднование взятия Нотеборга и Ниеншанца проводилось в Москве 1 января 1704 года. В честь этого события здесь был устроен фейерверк. На гравюре, изображающей иллюминацию в центре помещена огромная фигура двуглавого орла с девизом на груди “Сим через единого”, на его крыльях и в лапах изображения четырех морей, сенокос с девизом: “Расточенная собирает” и пустая клетка с девизом “Праздна будет егда прешение не поможет”. Ниже планы осады Нотеборга и Ниеншанца. За левым щитом изображен Нептун. Надпись объясняет его роль в этой гравюре: “дав четвертое море великому орлу в когти тихо в сторону уходит” (рис. 33).

В годовщину падения Ниеншанца, 1 мая 1704 года, в Москве был устроен еще один фейерверк, изображенный на другой гравюре. Здесь помещен план осады Ниеншанца с фигурами Марса и Беллоны, а также с аллегорическим изображением женщины с короной на голове, которая упав на колени, протягивает ключи победителю. Еще на одной гравюре Шхонебека боги помогают русскому царю в штурме - Марс своим щитом, Афина “...своим хитрым огненным оружием, а Юпитер молнией крепость Шанцы, а ныне Шлотбург принуждает под власть царского величества сдаться. Иде же видимо како крепость силою и бомбами приведена ключи вратные предати...”.

Однако шведское командование не хотело мириться с утратой Невы. В том же 1704 году, когда Россия праздновала победу и возвращение выхода в Балтику, шведский корпус под командованием Майделя вновь предпринял попытку закрепиться в устье Охты. Происходило это в самом начале августа. Подойдя с севера к побережью Невы, Майдель оставил в лесу, у Выборгской дороги в версте от Ниеншанца, свои заставы. Шведские парламентарии, направленные в Петербург, потребовали сдать город. Но Брюс, усмотревший в этом отвлекающий маневр, сразу же выступил с войсками по левому берегу Невы в сторону Ниеншанца. Он соорудил батареи на том месте, где был “старый окоп”, вероятно вблизи Спасского села.

Ночью 6 августа шведы, подойдя к Охте, стали готовить батарею за тем бастионом Ниеншанца, который еще не был разорен. Однако, они лишь несколько дней простояли на ее развалинах, под обстрелом с противоположного берега Невы, и 9 августа отступили по Корельской дороге. Брюс, переправившись на правый берег Невы, обнаружил в устье Охты несколько порубленных плотов и убедился, что его обстрел нанес шведам урон (Тимченко-Рубан 1901: с. 111-114)

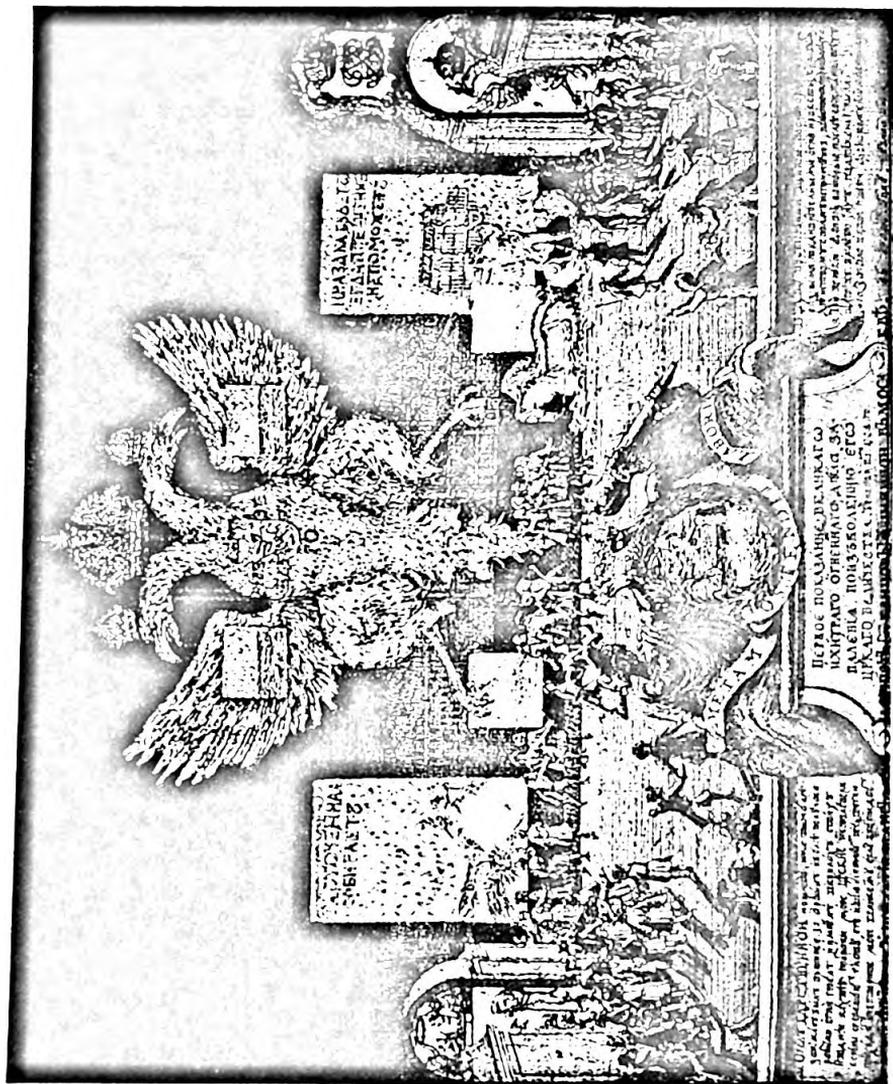

рис.33 Празднование взятия Ниеншанца в Москве, 1704 г. Гравюра Шхонбека.
 Celebrating of a capture of Nyenshans in Moscow, 1704.

Было очевидно, что возвращение шведами Ниеншанца, хоть и разрушенного, повлекло бы за собой прямую угрозу для существования Санкт-Петербурга. Это стратегически важное место, на пути связывавшем Петербург с остальной Россией, позволяло обладателям Ниеншанца контролировать ситуацию в устье Невы.

И в следующую компанию - 1705 года, после неудачной попытки шведского корпуса Майделя переправиться на Каменный остров, он снова отошел к Ниеншанцу. Здесь было сооружено несколько батарей и оставлен отряд войск. Основные силы двинулись к Шлиссельбургу. Узнав об этом, Брюс снова выступил в район Спасского. На этот раз сухопутные силы поддерживали суда, присланные адмиралом Крюйсом. 1 июля у Ниеншанца был высажен десант, насчитывавший одну тысячу пехоты и конницы. Шведы напали на русскую конницу, но получив отпор, вынуждены были отступить. Однако и русский отряд вернулся на левый берег. Вскоре после этого шведские войска отошли к Выборгу (Тимченко-Рубан 1901: с. 141). Это был последний случай, когда шведские войска заняли свою разрушенную крепость. В 1707 году, генерал Либекер, возглавивший новое вторжение в Ингерманландию, не решился атаковать Ниеншанц, где занимал позиции русский сторожевой отряд.

Датский посланник Юст Юль в своих Записках рассказывает о взрыве в декабре 1709 г. укреплений Ниеншанца. Происходило это следующим образом - 16 декабря Петр I присутствовал на закладке линейного корабля Полтава в адмиралтействе. После торжественной церемонии и "доброй выпивки", "...царь в сопровождении всех присутствующих поехал за пять верст от Петербурга к месту бывшего Ниеншанца, от которого уцелела часть вала..." (Юст Юль 1899: 103-104).

"Туда привезли два пороховых ящика, изобретенных вице-адмиралом Крейцом (Крюйсом П.С.). Ящики были обвиты веревкою и вообще устроены наподобие тех, что на языке фейерверков называются Mordslag (убийство П.С.) В каждом заключалось по 1000 фунтов пороха. Такими ящиками предполагалось сбивать валы и стены неприятельских крепостей и взрывать на воздух неприятельские суда. Когда подожгли привезенные ящики, приставив их к остаткам старого вала Schanter Nie (Ниеншанца П.С.), то они пробили вал наполовину его толщи, причем взрыв был так силен, что в самом Петербурге, за пять верст от места опыта

задрожали окна. Подо мною же...” - пишет Юст Юль – “...и стоявшими тут зрителями, как от землетрясения, заколебалась земля, а на Неве потрескался лед, так что когда мы возвращались домой, он во многих местах не мог нас держать, между тем как из Петербурга мы ехали по нему (в безопасности)...” (Юст Юль 1899: с.103-104).

Приведенное описание свидетельствует о том, что к декабрю 1709 года лишь часть укреплений Ниеншанца сохранилась. Сам же взрыв вала, описанный иностранным посланником, как испытание нового способа взрыва крепостных укреплений, носил скорее всего пропагандистский характер. И видимо не случайно, что во время этого кратковременного посещения Санкт-Петербурга Петр I совместил в один день два этих торжественных мероприятия - закладку корабля Полтава и символический взрыв вала старой шведской крепости. Они должны были продемонстрировать присутствующим, в числе которых было много иностранцев, то, что после Полтавской победы Россия уже стала “ногою твердой” при море.

Позднее – в мае 1710 года Юст Юль еще раз посетил место старого города. В своих Записках он писал: “Фортом этим царь овладел 14 мая 1703 года по старому стилю и затем срыл его. Город и укрепление стояли друг возле друга, но в настоящее время разорены до основания” (Юст Юль 1899: с. 103-104). Вероятно, речь здесь не может идти о полном уничтожении укреплений, существование остатков которых подтверждается более поздними свидетельствами. Однако, учитывая неоднократные попытки шведов вновь воспользоваться ими при нападениях на Петербург, следует полагать, что работы по их разрушению, сделавшие их мало пригодными для защиты, были проведены.

Сведения о разрушении Ниеншанца в описании немецкого анонимного автора, составленном около 1712 г., перекликается с данными Юста Юля, однако, это описание содержит и некоторые дополнительные подробности этого события. В нем говорится, что после сооружения Петропавловской фортеции, было принято решение о разрушении укреплений старой крепости. Царь “... приказал срыть до основания завоеванный в 1703 году шведский Шанцер Ние, или Ниеншанц, с тем, чтобы тамошние прежние жители шведского края не могли оказывать какого либо сопротивления. И он, желая наблюдать это, самолично находился там на расстоянии примерно версты. Когда же все было взорвано, разрушено и сровнено с землей, он приказал в

память об этом поставить четыре самых высоких из найденных в этих местах мачтовых дерева, стоящие там по сей день (Беспярых 1991: с. 56).

Г.Г.Приамурский связывает установку мачтовых деревьев, символизирующих четыре российских моря, со временем празднования годовщины Полтавской победы в 1710 г., объясняя это тем, что упомянуты они только у автора точного свидетельства, посетившего Петербург около 1710-1711 г.г. (Приамурский 1998: с. 49). Но как видно из описания, в него включены разновременные сведения. Поэтому не исключено, что установка мачтовых деревьев могла происходить одновременно с разрушением крепости еще в 1703 году. Как видно из гравированных изображений празднований падения Ниеншанца в 1704 году, уже тогда существовала аллегорическая символика закрепления России на четырех морях.

Историки называют различные даты разрушения шведской крепости. Это: 6 мая, 16 мая, 29 июня, середина сентября 1703 г. Г.Г.Приамурский относит дефортификацию Ниеншанца ко времени, когда была построена крепость Кроншлот, и не позднее закладки Адмиралтейства – между 7 мая и 5 ноября 1704 г. (Приамурский 1998: с. 44-45) Документы, которые могли бы уточнить время и обстоятельства разрушения Ниеншанца, к сожалению, пока, не известны.

Другой вопрос - каковы были масштабы этого разрушения. В Истории Петра Великого Феофана Прокоповича, по этому поводу сообщается: “...Канцы до основания разорены, один только болверк цел оставивше на память фортеции там бывшей” (Беспярых 1991: с. 256). Вероятно, этот же бастион упоминается и в ходе последовавших после падения крепости военных действий (Тимченко-Рубан 1901: с. 86). Вероятно, русскими был сохранен один из бастионов, обращенный в сторону Охты, который позволял контролировать Выборгскую дорогу, откуда ожидался неприятель.

В ситуации, сложившейся после падения Ниеншанца и основания Петербурга, русское командование вряд ли могло быть настолько беспечным, чтобы оставить в своем тылу, в досягаемости противника, находившегося на Карельском перешейке, примерно в одном дне пути от устья Охты, не защищенную крепость. Стало быть, ее нужно было либо охранять, либо сделать непригодной для обороны. Согласно описанию военных действий 1704 – 1705 г.г. в Ниеншанце не было постоянного русского гарнизона. Оставленные здесь в 1705 г. в дозоре запорожцы, конечно, не могли защитить крепость от неприятеля. Но и противник не смог воспользоваться

старыми укреплениями. Поэтому частичное их разрушение следует относить уже ко времени завершения работ по строительству новой крепости и перемещения лагеря русских войск к устью Невы, то есть не позднее середины сентября 1703 года (Предтеченский 1948: с.25).

Разборка укреплений, нашла отражение в описании французского путешественника Де Ла Мотрэ, отмечавшего использование строительных материалов из Ниеншанца при сооружении Петропавловской крепости (Беспярых 1991: с. 212). Известно, что валы шведской крепости были земляными. Но в их основании существовали укрепляющие каменные кладки. Булыжное мощение имелось и в оборонительных рвах, окружавших фортецию. Помимо того, крепостные постройки и внутривальные сооружения также могли быть сделаны из камня и кирпича. Следует вспомнить случайные находки здесь подземных сооружений из кирпича и бутового камня, а также обнаруженные во время археологических раскопок: вымостки из известковой плиты и значительные скопления булыжника.

То же самое можно сказать и о сгоревшем деревянном городе Ниене. Сообщение современников о том, что город был превращен в пепел, также следует рассматривать как образное выражение. Здесь также, вне всякого сомнения, имелись и камень и кирпич, использовавшиеся по крайней мере для фундаментов зданий, печей и уличного мощения. В рукописи “О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга” говорится о том, что когда встал вопрос о строительстве первого домика Петра на Петербургском острове, “Меншиков предлагал его царскому величеству в Канецких слободах от пожару многие дома в остатке, строены по архитектуре из лесу брусавого, не соизволит ли перевезть и построить дворец”. Поэтому вполне вероятно, что домик Петра, выстроенный явно не в русских традициях, и представляет собой один из сохранившихся домов города Ниена.

По образному выражению ганноверского посланника Вебера к 1714 г. от Ниеншанца уже не осталось ни единого камня (Беспярых 1991: с. 107). Он уже не нашел, здесь, следов укреплений, кроме крепостного рва, колодцев и погребов. Ему сообщили, что развалины Ниена с предместьем послужили материалом для строения новой столицы. Имеются сведения, что из строительных материалов города в устье Охты возводили дом государственного канцлера Г.И.Головкина на набережной у домика Петра.

Один из первых историков города А.И.Богданов в своем

“Описании Санкт-Петербурга”, завершеном в 1751 г., с сожалением отмечал, что Петербург “... весь есть новый, а древностями или какими старинными знаками показаться пред прочими старинными государствами и городами, аки краинии в том себе недостаток имеющий”. Понимая важное значение исторических памятников, он предлагал: “...некоторые не старые, но весьма знатные и достопамятные вещи, которые аки бы нарочно для его оные родились...”, хранить. В этом видится политика в отношении древностей завещанная потомкам Петром Великим. Первыми в ряду

рис.34. Федор Васильев. Руины Ниеншанца. 1718. ГРМ.
Fedor Vasiliev. Ruins of Nyenscanc 1718.

“антиквитетов” - памятников старины, связанных с возникновением Северной столицы и ее основателем, стоят: “Шведская крепость Канцы, которая взята была 1703-го году; оной вид и поныне явственно зрится” и “Батареи, которые были строены от российских войск по берегу Невы Реки, ... начиная от Шлютельбурга, и ведены до самых до Канец” в 1702 – 1703 г.г. (Богданов 1997: с. 239). Однако, к сожалению, к мнению историка не прислушались и руины Ниеншанца были принесены в жертву быстрорастущему новому городу (рис.34).

Несмотря на многочисленные свидетельства о полном уничтожении Ниеншанца, следы его укреплений, на мысу между Невой и Охтой, можно проследить на картах Петербурга XV111-Х1Х столетий. Так на плане 1808 г изображены еще все валы и

бастионы крепости, но уже без рavelинов (Приамурский 1998: с.45). А на плане Шуберта 1828 г. очертания крепости, на месте которой была сооружена верфь, все еще отчетливо прослеживаются в рельефе местности. Сохранявшиеся здесь остатки крепостных бастионов и рвов диктовали свои условия в расположении построек Охтинской верфи. Форма нового строения, во многом, повторяла конфигурацию Ниеншанца, на руинах которого оно и было воздвигнуто. Пять корпусов расходились веерообразно от центрального, округлого в плане здания.

Судя по плану 1828 года, в наилучшей степени сохранились крепостные валы обращенные к Неве. На месте бастионов, выходящих к стрелке и к реке Охте, в то время уже существовали постройки. Канал прорытый из Невы к южным сооружениям верфи строился с использованием углубления южного участка рва, окружавшего цитадель. А северо-западный его участок был использован для сооружения эллинга, где на воду спускались вновь построенные суда.

В 200-ю годовщину падения Ниеншанца некоторые следы его еще сохранялись, но к сожалению, описание их дошло до нас лишь в популярном изложении автора газетной статьи, побывавшего на этом месте в мае 1903 г. (ПЛ 1903: с. 166-167). Руководство Петрозавода поведало ему о находках многочисленных черепов, простреленных пулями, а также обломка шпаги с эфесом в виде сердца. На земной поверхности еще прослеживались остатки оборонительных валов, рвы, вымощенные камнем, с торчащими из них сваями, да какие-то кладки из кирпича. Свои впечатления от увиденного автор статьи выразил следующим образом: “Идея Петра Великого осуществилась – на месте неприятельской крепости строят корабли. Но не жалко ли что уничтожены старые памятники Петровских побед, что Ниеншанц стал грудой разбитых кирпичей ничего не сохранив из своего славного прошлого. Мы не умеем оберегать исторические памятники наши... Слава Ландскроны и Ниеншанца исчезла от нее остался только фабричный дым”.

При возвращении верфи в казну, в 1912 г., в записке комиссии отмечалось, что здесь еще “...заметны следы старых укреплений” (Приамурский, Трофимов 1993: с. 52-55). По свидетельству очевидцев – рабочих Петрозавода последние остатки укреплений, сохранявшихся в виде всхолмлений и рытвин на земной поверхности,

существовали здесь вплоть до последней перестройки Петрозавода в конце 70-х — начале 80-х г.г. XX столетия.

Руины вала с тремя бастионами, к югу от цитадели, также длительное время возвышались над землей. А.И.Гиппинг писал об этом в самом начале XIX столетия — “...даже в настоящее время видны развалины его, и желательно чтобы совершенное уничтожение впредь не было, как до сих пор, предоставлено произволу частных лиц, ибо глядя на них каждый любитель древности углубится в тот век, когда берега Невы на большей части еще не были обстроены, они напомнят, что падение Ниеншанца было причиною основания другого города, новой крепости, которой нынче гордится Россия, где пребывает самодержец всей империи, где сотни тысяч людей благословляют того, кто по завоевании Ниеншанца и Невы своим творческим гением вознес Россию на ту степень могущества и славы, которую она ныне занимает в системе европейских государств. Ниеншанц навсегда останется в памяти потомства...” (Гиппинг 1909: т. 2, с.180-181).

ОХТА – ПРЕДМЕСТЬЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА.

После основания Санкт-Петербурга Охта оказалась на его дальней окраине. И несмотря на то, что здесь имелись хорошо освоенные пригодные для жизни земли, долгое время они оставались невостребованными. Урочище на правом берегу Невы ¹ в народе получило название Волчье поле. Поводом для этого послужило то, “что с первых лет (Санкт-Петербурга П.С.) блиско тут много людей хоранивали, а наипаче в зимнее время для мерзости земли оных мертвых не глыбоко в землю зарывали, и теми мертвыми телами волкам была примана, и оное место проходим людям небезопасно было” (Богданов 1997:с.224).

Только после 1715 г., когда в среднем течении Охты был основан Пороховой завод, на территории Ниена и Ниеншанца возрождается жизнь. В 1717 – 1718 г.г. по распоряжению Петра Великого, по берегу Невы, у устья Охты было поставлено около 15 ветряных мельниц². Они были перенесены сюда со Стрелки Васильевского острова, где освобождалось место для строительства Академии наук (Богданов 1997:с.187).

На правом берегу Охты разместились, пыльные мельницы, канатный завод, амбар для судового такелажа³. Место это было обнесено палисадом. Здесь же были построены казармы для мастеровых людей: пильщиков, плотников, канатчиков и матросов. Поселение это получило наименование Матросская слобода.

¹ район Свердловской наб.

² район современной Свердловской набережной и Малоохтинского проспекта

³ Красногвардейская пл., пр. Шаумяна.

Отдельно у разрушенного Ниеншанца стоял двор пильного мастера Вильгельма (ИП 1843: 1714; ИП 1846: 1725; План 1722 г.) (рис. 35).

Именно в это время – в 1718 г. территория Охты была включена в состав Выборгской части Санкт-Петербурга. Однако, позднее – 1782 г., согласно нового административно-территориального деления она была выведена из состава города и стала пригородной слободой.

Массовое заселение территории у устья Охты приходится на 20-е гг. XVIII столетия. В 1720–1721 гг. появляются петровские указы о строительстве на Охте “по берегу Невы 500 изб с сеньми”, с тем чтобы “новопостроенные дома ... отдать безденежно вольным плотникам”, переселенным сюда вместе с семьями из Вологодской, Архангельской и Ярославской губерний. Переведенцы получали по половине дома и огород на каждую семью. Они были освобождены от податей и приписаны к Партикулярной верфи на Фонтанке, где зарабатывали себе на жизнь судостроительным ремеслом. На самой Охте ими также строились небольшие “новоманерные” суда – шхерботы (Мансуров 1856: с. 8–9). Еще одним немаловажным занятием охтян было изготовление гонта – кровельного материала из древесины. Эти работы производились на специальном заводе, учрежденном Петром I в 1721 г. на Малой Охте.

Охтенские поселения – Большая и Малая Охта имели регулярную планировку. Первое из них занимало территорию между современными Большеохтинским и Среднеохтинским проспектами от Красногвардейской площади до ул. Большая Пороховская. Второе, располагалось между Малоохтинским и Новочеркасским проспектами, до ул. Республиканская.

В обеих слободах имелись лавки со съестными припасами, бани, кабаки. На Большой Охте общественный центр, где были сосредоточены названные учреждения, находился вблизи причала паромной переправы через Неву¹. На Малой Охте общественные заведения также размещались на берегу Невы² (ИП 1843: 1738).

В 1722 г. в Охтенских слободах по распоряжению Святого Синода в одном из домов была выделена светлица для церковной службы, а вблизи нее отведено место под кладбище. Спустя три года

¹ район между Большеохтинским пр. и Свердловской наб. у гостиницы “Охтенская”

² р-н Малоохтинского пр., ул. Весенняя и Помяловского.

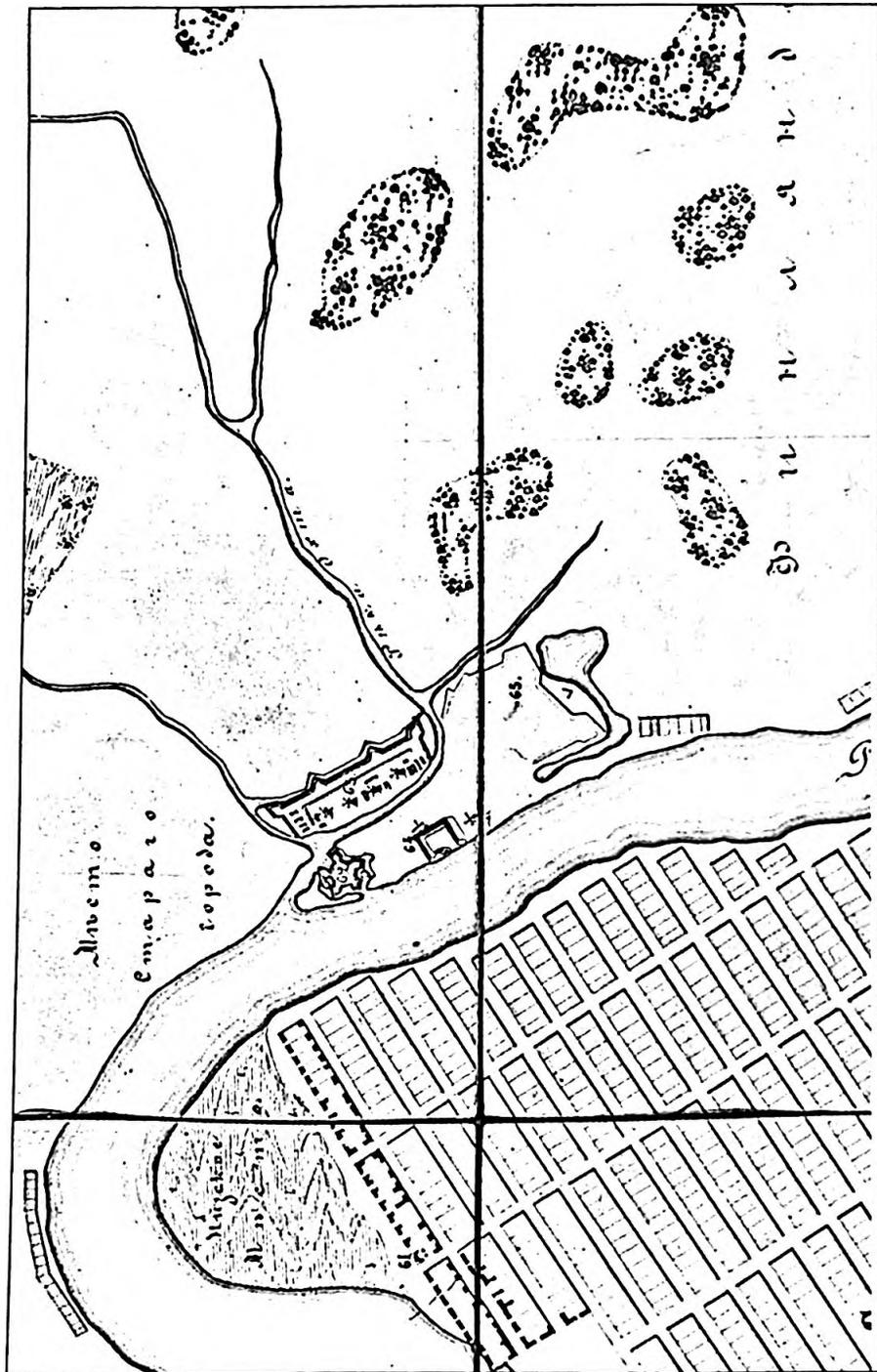

рис.35. Устье Охты на плане Койгера 1722 г. The Okhta Mouth. The Plan of Koiyet 1722.

– в 1725 г., светлица была перестроена в церковь, посвященную Святому Иосифу Древоделу, покровителю плотников¹. Напротив этого места – на левом берегу реки Чернавки были размещены дворы священников² (ИСС 1883: с. 213). В 1731 г. обветшавшая церковь была разобрана, а в память о ней на ее месте была воздвигнута Иоасафовская часовня. В том же году на территории кладбища была сооружена новая – каменная церковь Святой Троицы с приделами Иосифа Древодела и Николая Чудотворца. Отдельно от нее располагалась колокольня. Тогда же территория кладбища была обнесена каменной оградой. Оградская улица, ограничивавшая его с северной стороны, существовала здесь вплоть до начала нашего столетия³. Вскоре, рядом с холодной Троицкой церковью, по проекту архитектора Земцова, построили теплый храм Покрова Пресвятой Богородицы. Освящение его в 1748 г., было приурочено к наделению охтян земельными участками. Троицкий храм в 1836 г. был разобран. А два года спустя, западнее этого места, было начато строительство новой церкви Святого Духа, которая была освящена в 1844 г.

В 1773 г. на восточной окраине Большой Охты на реке Чернавке было открыто новое кладбище, а через два года – в 1775 г. здесь была освящена каменная церковь Георгия Победоносца. Позднее она дала название улице, связавшей слободу с кладбищем.

Первые известия о деревянной церкви на Малоохтинском кладбище относятся к 1762 г. Кладбище это располагалось у южной границы слободы⁴. В 1778–81 гг. деревянная церковь здесь была заменена каменной. Посвящена она была Марии Магдалине (Антонов, Кобак 1997, I: с. 191).

С 1717 г. на месте руин крепости Ниеншанц планировалось создать питомник для обеспечения новых садов и парков Санкт-Петербурга саженцами деревьев, кустарника, цветов. “Канецкий огород” находился в ведении Канцелярии от строений, а с 1765 г. принадлежал Воспитательному обществу благородных девиц Смольного монастыря. Он просуществовал до начала XIX столетия (Мансуров 1856: с. 85–86, Приамурский, Трофимов 1993: с. 52).

Если в 1784 г. в Охтенских слободах проживало 751 человек мужского пола, то в 1811 г. уже – 1511. Таким образом, за четверть

¹ вблизи ул. Конторской и Среднеохтинского пр.

² р-н Красногвардейской пл.

³ Квартал между ул. Конторская и Красногвардейской пл.

⁴ южнее ул. Республиканская

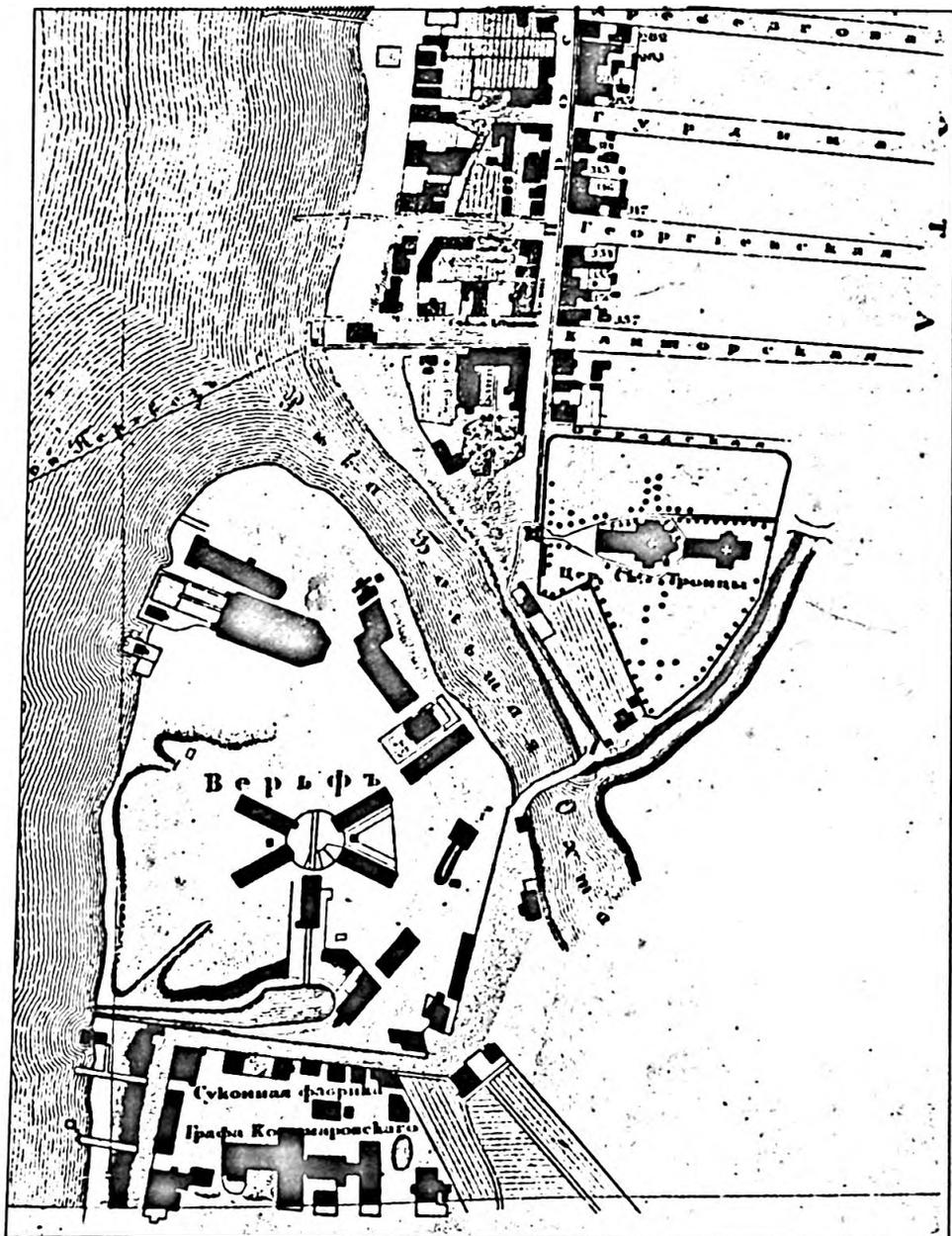

рис.36. Устье Охты на плане Шуберта 1828 г.
The Okhta Mouth. The Plan of Shubert 1828.

века, общее количество жителей, здесь, возросло в два раза и составило около 3 тысяч человек. А к 1862 г. население одной только Большой Охты насчитывало 8 642 человека.

Иоганн Георги, посетивший Охту в конце XVIII столетия, так описывал это поселение: Слобода “имеет, за исключением нескольких каменных, деревянные крестьянские дома, составляющие прямые улицы, и две каменные церкви. Нынешние ее жители суть рабочие Адмиралтейства, плотники, токари, столяры, красильщики и прочие, которые, когда на работу в Санкт-Петербург или Кронштадт посылаются, кроме положенного по штату провианта, ежемесячно один рубль получают. В праздное время работают они для себя в городе или в домах своих, плотниками, столярами, токарями и пр. даже из черного дерева и разными другими искусствами..., Иные имеют также маленькие фабрики вощанок на полы, сажи, набойки и пр. Слобода не имеет пашней, но большое пажитное место; тем соделывается продажа молока в Санкт-Петербурге прибыточным промыслом баб, из коих иные кроме простых также большие Голландские или так называемые Холмогорские коровы имеют. Высокая степень досужества делает деревню многолюдною и достаточною” (Георги 1996: с. 487).

С начала XIX столетия Охта постепенно включается в инфраструктуру Петербурга, играя в его экономике все более важное значение. В 1828 г. по новому административно-территориальному делению Санкт-Петербурга Большая и Малая Охта, вновь, были включены в его состав, на этот раз в качестве XIII части (рис 36).

В 1806 г. Морское ведомство приобрело земли на мысу в устье реки Охты, где впоследствии была создана новая верфь. Одним из первых сооружений судостроительного комплекса, законченного уже в 1809 г., было здание Паноптического института, предназначенного для “изготовления искусственных механизмов по всем флотским техническим работам и образцового завода для изготовления инструментов, машин и др.”.

Судостроительные эллинги начали сооружать в 1809 г., под руководством английского кораблестроителя на русской службе В.Ф.Стоке. К 1814 г.г. число их достигло пяти, а уже тремя годами раньше - в 1811 г. здесь, в присутствии Александра I, было спущено на воду первое судно – шхуна “Стрела”. (Приамурский, Трофимов 1993: 53). В течение 1812-14 г.г. на Охте был построен 74-х пушечный корабль “Финланд”.

Несмотря на то, что Здание Паноптикума погибло в пожаре 1818 г., а его заведения переведены в Кронштадт и на Ижорский завод, судостроительная деятельность здесь не прекратилась. Напротив, после посещения Охтинской верфи Николаем I в 1818 году ей был пожалован статус Адмиралтейства. Строительство судов на верфи продолжалось вплоть до 1861 г. За это время здесь было спущено на воду: 5 линейных кораблей, 22 фрегата, 5 паруснофрегат, 4 винтовых фрегата, 8 корветов и значительное количество малых судов. На верфи работали известные кораблестроители А.А.Попов и И.А.Амосов и были построены корабли вошедшие в историю русского мореплавания и великих географических открытий (МЭС., т. II, 1993: с. 439).

Среди наиболее знаменитых судов, построенных на Охте: шлюп “Камчатка” (1817 г.), на котором В.М.Головнин совершил кругосветное плавание, шлюп “Восток” (1818 г.), флагманский корабль русской экспедиции открывшей Антарктиду, фрегат “Паллада” (1832 г.), совершивший плавание с дипломатической миссией в Японию и увековеченный в одноименном романе И.А.Гончарова, 74-пушечный линейный корабль “Александр Невский” (1826 г.), прославившийся в Средиземноморской компании, первый русский винтовой фрегат “Архимед” (1845 г.).

С 1896 г. по 1912 г. Охтинская верфь находилось в долгосрочной аренде акционерного общества “В.Крейтон и К”. После его банкротства, в 1914 г., здесь был учрежден Петрозавод, на котором вплоть до конца 1960-х гг. строились: буксиры, пассажирские теплоходы и плавмастерские, а в годы Великой Отечественной войны тральщики, тендера и плашкоуты. Позднее предприятия, возникшие на базе Петрозавода, перешли к выпуску оборудования для судостроительной отрасли.

Только после строительства Большеохтенского моста территориальная изолированность Охты была ликвидирована. Мост, получивший имя Петра Великого, был сооружен в 1908-1911 гг.¹. К окончанию строительства моста было приурочено открытие бронзового бюста Петра I. Он был воздвигнут на правом берегу Охты в сквере перед храмом Святого Духа². Памятник был создан скульптором И.Я.Гинцбургом, по заказу и на средства охтинского

¹ инженеры Г.Г.Кривошеин, В.П.Апышков, архитектор Л.Бенуа.

² современный адрес – Большеохтинский пр., 3.

пригородного общества. Инициаторами его установки выступили именитые охтяне Д.В.Дудаков, М.Н.Гусев, Г.А.Аничкин, внесшие значительные вклады для сооружения памятника. “Петру I-му – благодарные охтяне”, было выбито на его постаменте.

Вплоть до середины XX в. Охта представляла собой пригород Ленинграда, застроенный небольшими, по преимуществу, деревянными домами. До наших дней сохранились лишь отдельные постройки того времени. Одной из достопримечательностей Большой Охты считается Здание Съезжей части с высокой башней-каланчой, сооруженное на углу Большеохтинского проспекта и Конторской улицы (рис.37). Первое упоминание о нем относится к 1828 г., а окончательное оформление его происходит в 1861-67, 1898 г.г.¹ (Столбова 1998: с. 40).

Наиболее интересными архитектурными памятниками являются комплексы дворянских усадеб, сохранившиеся в окрестностях. Одна из них - дача А.Г. Кушелева-Безбородко построенная в стиле классицизма в 1773-1784 г.г. находится на Свердловской наб, В ее сооружении принимали участие известные архитекторы: В.Баженов, Д.Кваренги и Н.Львов. Еще одна усадьба Уткина дача также является памятником классицизма. Она была построена на мысу при впадении Оккервиля в Охту в 1790-х г.г., предположительно по проекту архитектора Н.А.Львова.

Многие исторические памятники Охты, определявшие ее лицо, были разрушены в советское время. Около 1918-19 г.г. был демонтирован бюст Петра I. Позднее в начале 30-х г.г. были снесены или перестроены главные охтинские церкви – Святого Духа, Покровская, Георгиевская, Марии Магдалины, а также принадлежавшие им многочисленные часовни. Было ликвидировано большое Малоохтинское кладбище. Строительство новых заводов и прокладка трамвайных линий повлекли за собой перепланировку исторически сложившейся застройки. В результате этих разрушений ландшафтно-архитектурный облик Охты резко изменился.

Современная застройка района начала формироваться уже после окончания Великой Отечественной войны, когда здесь развернулось строительство новых малоэтажных домов (АППЛ 1971: с. 243-247, Ленинград 1986: с. 352-359).

В первое послевоенное десятилетие были реконструированы

¹ проект архитекторов П.П.Меркулова, О.Л.Игнатовича.

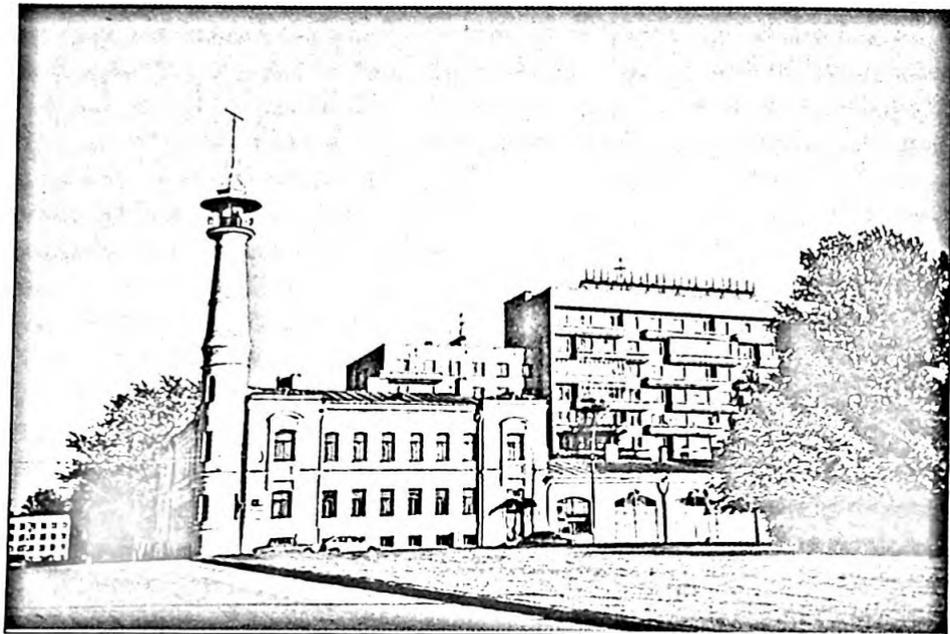

рис.37. Охтинская съезжая часть. Конец XIX в.
Okhta. The building of XIX th. c.

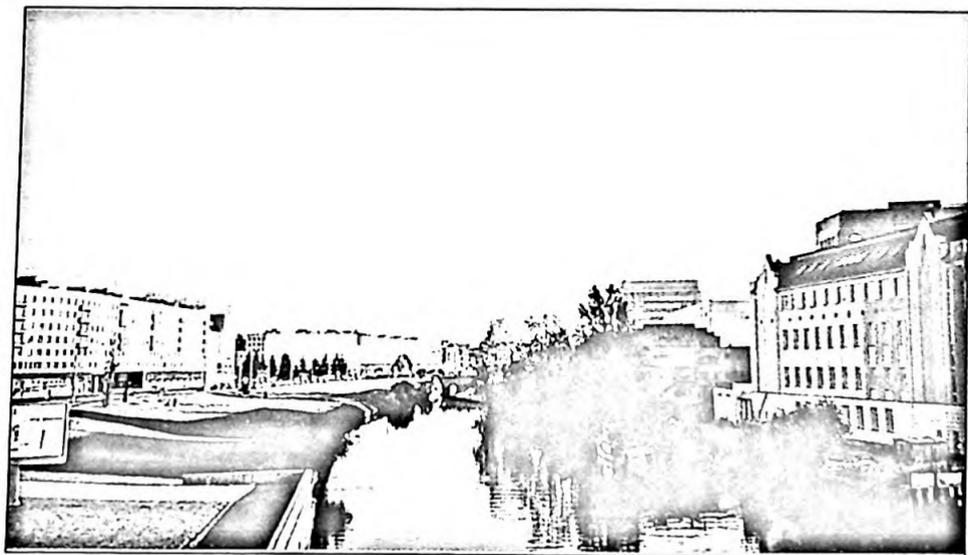

рис.38. Современный вид на устье Охты.
Modern view of the Okhta Mouth.

и озеленены кварталы, примыкающие к Большеохтинскому и Среднеохтинскому проспектам. Здесь было построено значительное количество небольших жилых домов классического облика.¹ В 1968-70 г.г., был сформирован архитектурный ансамбль современной Свердловской набережной, включающий дома в 9 – 12 этажей². В 1960-1962 г.г. была создана Красногвардейская площадь. Формирующие ее три семиэтажных здания имеют единый архитектурный характер³.

Реконструкция Петрозавода, продолжавшаяся в 1970-80-е.г.г., полностью изменила его облик⁴. Судостроительные эллинги, выходявшие на Неву, были демонтированы. А новые корпуса завода получили форму пятиугольника. Напротив Петрозавода, в 1972 г., было сооружено еще одно здание производственного назначения с остекленной призматической башней⁵. В 1984 г. была оформлена гранитная набережная берега Невы по Малоохтинскому пр., и Свердловской наб., построены путепровод под Большеохтенским мостом и трехпролетный мост через реку Охту, что завершило формирование транспортной магистрали по правому берегу Невы.

Планировка Малой Охты была заново разработана в 1960-г.г. по проекту архитектора А.В.Васильева. Согласно этому проекту, главными градообразующими осями района стали Новочеркасский и Заневский проспекты, где с 1959 г. стали строиться экспериментальные кварталы типовых крупнопанельных домов.

Эти сооружения и определяют, в основном, современный облик Охты. Заводские и фабричные корпуса, невысокие жилые дома, стоящие вдоль широких улиц и проспектов, реки одетые в гранитные набережные, да зеленые скверы по их берегам – такой видится Охта сейчас (рис.38). Однако, к сожалению, сейчас, здесь нельзя встретить каких либо зримых свидетельств славного исторического прошлого этой древней земли, где задолго до основания Санкт-Петербурга происходили ожесточенные сражения, возникали и разрушались селения, города и крепости, в которых на протяжении столетий жили люди, занимавшиеся земледелием, торговлей и ремеслом.

¹ архитекторы А.К.Барутчев, Я.О.Рубанчик и др.

² архитекторы А.В.Васильев, А.И.Козулин, В.И.Ловкачев.

³ архитекторы А.К.Барутчев, Ф.А.Гепнер, А.Ш.Тевьян.

⁴ архитектор Г.А.Васильев.

⁵ архитекторы Б.И.Козырев, А.И.Козулин, Ю.В.Комаров.

Результаты исследований Санкт-Петербургской археологической экспедиции на Охте позволяют говорить о неплохой сохранности археологического культурного слоя, насколько это возможно в условиях большого города, с его разветвленной сетью подземных коммуникаций. Мощностные культурные напластования, содержащие ценнейшую историческую информацию и насыщенные предметами старины, достигает, здесь, около 2 - 3 м. При этом хорошая увлажненность нижней их части способствует сохранности изделий из органических материалов: дерева, коры и кожи. Как показали раскопки, имеются здесь и руины древних сооружений, которые могли бы демонстрироваться под открытым небом.

Все это позволило в 1998 г. придать территориям в устье Охты статус памятников истории и культуры. Мыс при впадении Охты в Неву был объявлен памятником археологии "Крепость Ниеншанц", а территория на правом берегу реки включена в охранную археологическую зону памятника "Центр города Ниен". Это должно способствовать сохранению, здесь, объектов археологического наследия в будущем. Возможно, со временем на Охте удастся открыть и музейную экспозицию, посвященную памятникам старины. Ведь в этом месте, на протяжении столетий, развивался поселенческий центр в устье Невы, который по праву может считаться предтечей Санкт-Петербурга.

ПУШКИ КРЕПОСТИ НИЕНШАНЦ.

Одним из последних свидетелей ушедших эпох, в устье реки Охты, был старый дуб, окруженный оградой из стволов артиллерийских орудий (рис.39). Он стоял на территории Петрозавода, построенного на месте шведской крепости. По преданию, дуб был посажен Петром Великим, после взятия Ниеншанца русскими войсками в мае 1703 года. По другим свидетельствам под ним были захоронены воины, погибшие во время штурма крепости. Насколько правдивы эти легенды, судить сложно, каких либо документальных сведений, подтверждающих их достоверность, найти, пока, не удалось. Первые упоминания об этом дубе относятся только к началу XX столетия.

Памятник не сохранился до наших дней. В годы блокады вражеская бомба расщепила ствол дуба. После войны, по инициативе комсомольцев, несколько в стороне от первоначального места, было посажено новое дерево. Однако и оно было снесено в 70-е г.г. при строительстве новых корпусов Петрозавода. Потом о памятнике на долгие годы забыли...

Когда в 1993 году были начаты археологические раскопки на территории крепости Ниеншанц, на одной из складских площадок Петрозавода, среди металлолома, были обнаружены чугунные стволы шести старых пушек (рис.40). Было очевидно, что они принадлежали к той самой ограде Петровского дуба. Перед руководством завода и Красногвардейского района уже тогда был поставлен вопрос о необходимости восстановления утраченного памятника. Однако, только в 1996 г., к 300-летию Российского флота, пушки были установлены на специальный парапет у входа на территорию завода.

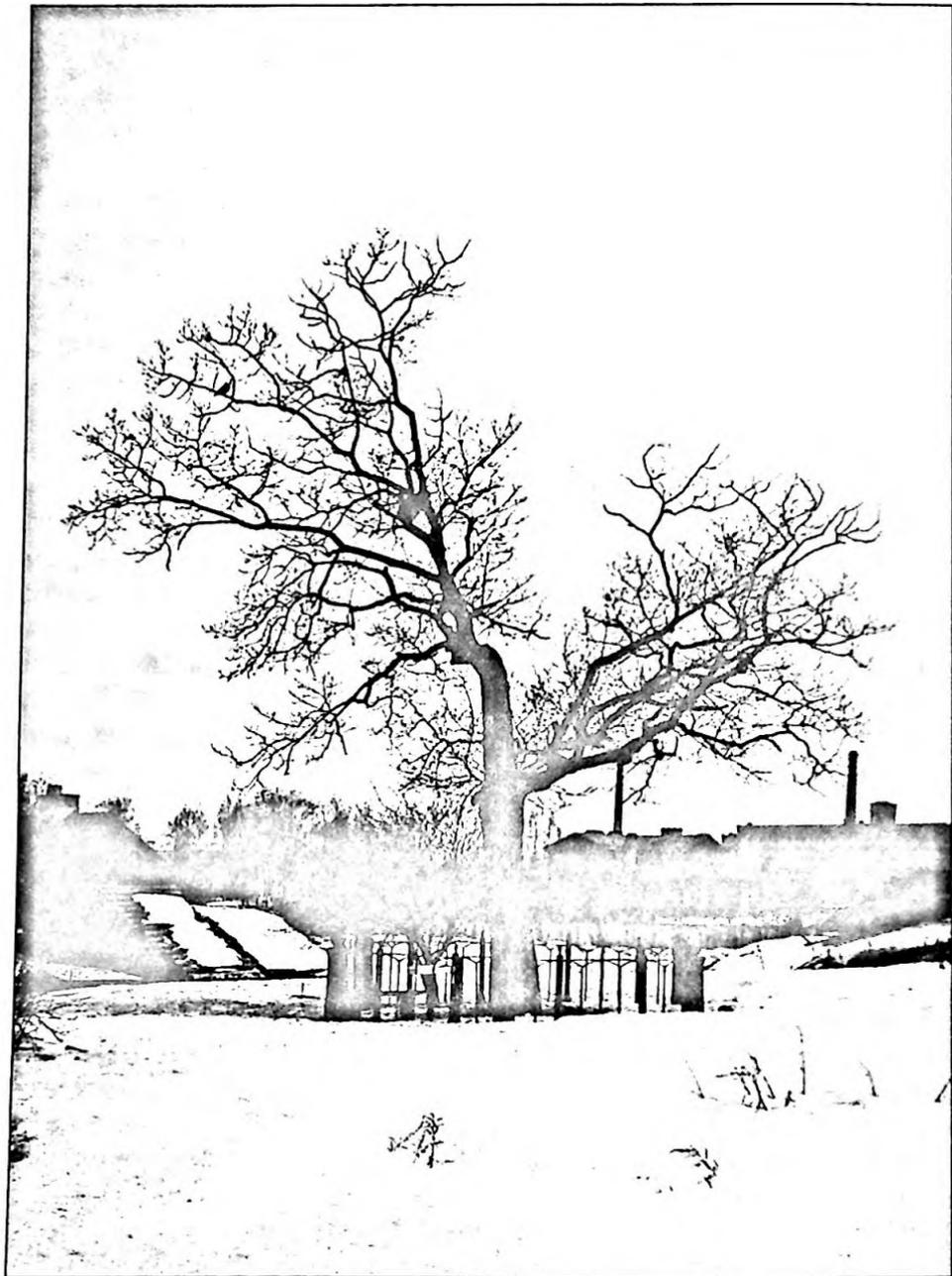

рис.39. Петровский дуб на Охте. Начало XX в. Архив
Кино-фото документов.
The oak of Peter I in Okhta. Early XX th. c.

По аналогиям, обнаруженным в шведских музеях в Стокгольме, удалось установить, что все шесть найденных орудий относятся к XVII веку и следовательно, наверняка, происходят из Ниеншанца. Согласно экспертному заключению специалистов Музея артиллерии и инженерных войск, пушки, вероятнее всего, относятся к первой половине – середине XVII века¹.

Длина стволов различная. У наиболее короткого из орудий, с сохранившимся вингардом², она достигает – 2.42 м. У остальных – варьирует от 2.6 м. до 2.78 м., а учитывая, что вингарды на них обломаны, первоначальная длина их была около 2.7 - 2.9 м. Максимальный диаметр казенной части (тыльная часть пушки П.С) у разных орудий составляет - 42-46 см. Диаметр дульных отверстий стволов достигает – 11.5 - 13 см., что позволяет причислять их к 12 – фунтовым крепостным орудиям (рис. 41).

Все орудия были изготовлены из чугуна. Сильная коррозия полностью повредила верхний слой металла, в результате чего он начал отслаиваться. Сказалось длительное нахождение пушек под водой и то, что в ограде они наполовину были зарыты в землю. Поэтому, при первоначальном осмотре, обнаружить какие либо надписи или клейма на орудийных стволах, не удалось.

Однако, в процессе очистки стволов от коррозии, проведенной Северо-Западным институтом наследия, на казенной части одной из пушек были прослежены очертания клейма, а на двух из орудий обнаружены и сами клейма, сохранившиеся на боковых поверхностях цапф³ (рис. 42). Они представляют собой некую аббревиатуру - S.G, с изображением лилии над ней. Традиция нанесения клейм на цапфах пушек появляется около XVI века. Первоначально они служили для украшения, позднее же несли некую закодированную информацию. Обычно, буквы на цапфах являются начальными буквами названия места, где были отлиты орудия.

Лилия же, наряду со снопом, являлась геральдическим символом шведской королевской династии Ваза, правившей до середины XVII в. Однако, помимо этого, изображения лилий представлены и в качестве декоративных украшений на орудиях многих стран Европы того времени.

¹ экспертиза проведена старшим научным сотрудником Л.К.Маковской.

² выступ округлой формы в задней части орудия, служивший для его транспортировки и закрепления.

³ выступы в центральной части орудийных стволов для установки на лафете и поворота в вертикальной плоскости.

Известно, что какие-то орудийные стволы были подняты из Охты между 1899 и 1903 г.г. местным жителем Лемтюжниковым, при помощи двух лодок, веревок и пары шестов (Приамурский 1998: с.49-50.) Возможно, что изготовление чугунной ограды – решетки, с включением в нее пушек, и установка ее вокруг легендарного дуба происходит перед 1903 г., в связи с празднованием 200-летия Санкт-Петербурга. Фотография дуба в ограде из шведских пушек приводится в путеводителе по Санкт-Петербургу за 1903 г. (ПСП 1903: 120). К маю того же года относится и его описание: “Дуб Петра Великого ... стоял весь черный, еще не опушенный зеленью. У его корней лежали бомба и цепная граната, брошенная мортирой. Шведские пушки, связанные цепями составляли железную ограду дуба”. В статье не сообщается о времени сооружения ограды, а говорится, только о том, что включенные в нее пушки были отняты у шведов (ПЛ 1903: с. 166-167). Цепи, упоминаемые в описании ограды скорее литературный вымысел, чем действительность, так как на современных фотографиях видно, что между пушками установлена чугунная решетка, сохранившаяся до наших дней. По ее декору можно судить, что изготовлена она была не ранее конца XIX в.

Каким же образом старые орудийные стволы могли оказаться на дне Охты, и когда это произошло? Следует отметить, что описываемые орудия носят явные следы повреждений - обломанные цапфы и вингарды. Это может свидетельствовать о том, что они были повреждены в ходе штурма крепости или же специально ее защитниками, а затем затоплены шведскими или русскими войсками. Учитывая их датировку - первая половина – середина XVII века, не исключено, что это произошло еще во время первого взятия крепости – в 1656 г. Тогда Ниеншанцем овладел отряд русских войск. Известно, что при этом в качестве трофеев было захвачено 8 пушек... (Гадзяцкий 1941: с.264). Могла ли крепость защищаться с таким артиллерийским вооружением? Вероятно все же, в Ниеншанце было большее количество орудий, поэтому, можно предполагать, что значительная их часть не досталась победителям.

Учитывая, что поблизости находились значительные силы противника, русские войска сразу же оставили Ниеншанц (Гадзяцкий 1941: с.264). Именно в этих условиях быстрого перехода крепости из рук в руки орудийные стволы и могли быть затоплены в Охте, с тем, чтобы неприятель не смог ими воспользоваться, ведь повреждения их, наверняка, было возможно исправить. В крайнем случае,

рис.40. Пушки на складской площадке Петрозавода 1993 г.
Cannons on a warehouse platform of Petrosavod, 1993.

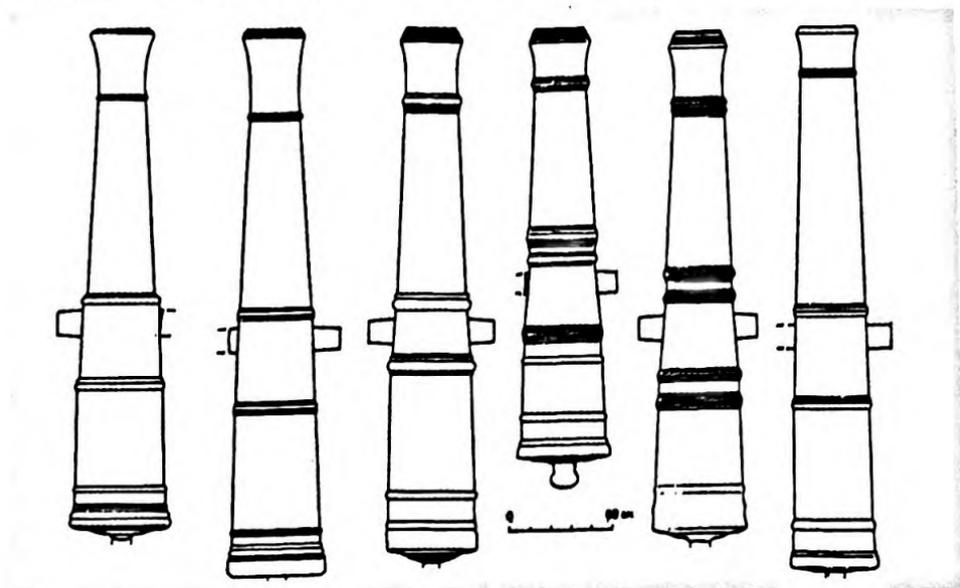

рис.41. Чертеж пушек из ограды дуба.
Drawing of Cannons guarded the oak.

рис.42 Клеймо на цапфе пушки.
The Brand on a cannon trunk.

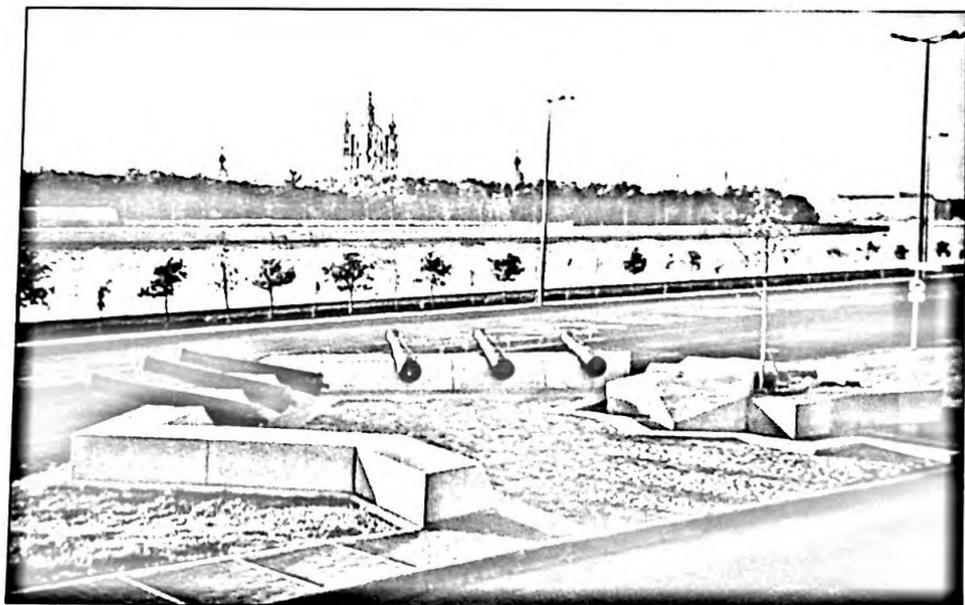

рис.43 Памятный знак “Крепость Ниеншанц”.
Проект В.А.Реппо, П.Е.Сорокина.
“Fortress Nyensanc” Memorial. Under the project V.A.Reppo, P.E.Sorokin.

поврежденные орудийные стволы могли быть использованы для выплавки новых пушек.

Хотя имеются и другие, полулегендарные, сведения на этот счет, о том, что железные пушки и мортиры, захваченные в Ниеншанце в 1703 г., частью - 18 шт., были перевезены во вновь заложенную Петропавловскую крепость, частью – до 50 шт., “...затонули в устье Охты, где и доселе попадают” (ИСС. 1883: с. 192).

Следует заметить, что дуб, обнесенный оградой из орудийных стволов, на Охте, был единственным памятником не только взятию Ниеншанца, но и всей предыстории Санкт-Петербурга.

Именно поэтому одним из первых городских мероприятий, посвященных его 300-летию, стало создание архитектурно-археологического памятника “Крепость Ниеншанц”, напрямую связанного с этим юбилеем (рис. 43). В основу проекта памятного знака была положена историко-археологическая концепция, разработанная автором настоящего издания, а архитектурная часть проекта выполнена известным архитектором В.А.Реппо. Создание памятного знака было осуществлено за счет пожертвований. Основным спонсором проекта стала шведская компания Дагенс Индустри.

Местом для сооружения памятного знака, посвященного Ниеншанцу, был выбран береговой склон перед зданием Петрозавода у Большеохтинского моста, где в прошлом располагался один из бастионов этой крепости - Гельмфельтов. Этот памятник, должен не только напоминать о Ниеншанце, но и нести в себе подробную информацию об этом городе и других поселениях, существовавших здесь до Петербурга, об исторических событиях происходивших в этом месте.

Памятный знак “Крепость Ниеншанц” представляет собой гранитный бастион, на котором размещены старинные орудия. В его пределах сооружен макет исторической крепости с пятью бастионами и двумя воротными рavelинами в форме звезды. На мемориальной доске выбита информация о Ниеншанце, Невском устье и Ландскроне. Памятная доска включает и план Ниеншанца. с экспликацией, выполненный в 1698 г Я. Мейером, который содержит подробную информацию о планировке и размещении отдельных сооружений города и крепости на местности (см. рис.19). На ней выбито следующее:

Памятник археологии – крепость Ниеншан

Здесь, при впадении Охты в Неву, в 1300-1301 гг. располагалась шведская крепость Ландскрона, в XIV – XVI вв. существовало русское торговое поселение Невское устье.

Крепость Ниеншанц была сооружена в 1611 г. по приказу шведского короля Густава II Адольфа. В конце XVII столетия Ниеншанц представлял собой земляную цитадель в форме пятиконечной звезды, с тремя бастионами между Невой и Охтой

В 1703 г., после недельной осады русскими войсками под командованием Петра I и фельдмаршала Б.П.Шереметьева, Ниеншанц был взят и переименован в Шлотбург. Здесь было принято решение строить новую крепость Санкт-Петербург на Заячьем острове в устье Невы.

В 1998 г. территория крепости Ниеншанц объявлена памятником археологии.

Внутри крепости-звезды накануне 300-летия падения Ниеншанца и основания Петербурга, в мае 2000 года, был посажен новый дуб, который призван символизировать преемственность эпох и напоминать о богатом событиями прошлом невских берегов.

LANDSKRONA, NEVSKOYE USTYE, NYENSCHANC

700 years of the Settlement at the Neva

From ancient times the Neva has been an important waterway connecting the ramified river systems of East Europe with the Baltic region — that window into Europe which 300 years ago was opened anew by Peter the Great. Since the early middle ages, the international trade route via the Neva played a significant role in the economy of Rus and Northern Europe.

Among the low swamped banks of the lower Neva, the territories at the mouth of the Okhta River — elevated and inaccessible to floods, protected by water boundaries, and with a good anchorage, — always have been most favourable for settling. The area had a convenient geographical situation at the crossroad of the most important then routes — the waterway via the Neva and the land route which connected Novgorod and Izhorskaya Zemlya with Karelia and Finland.

All the facts enumerated predetermined the formation here of the centre of a structure of settlement on the lower Neva during the pre-Peter period. In the early summer of 1300, precisely 700 years ago, Swedish knights led by Torgils Knutsson trespassed on the bounds of the Novgorod Land. They stayed at the Okhta mouth and erected the fortress of Landskrona (“the Crown of the Land”) on the promontory situated here. A moat filled with water was dug out between two rivers. Beyond the moat, an earthen bank surmounted with wooden walls and towers was built. The existence of the Swedish Landskrona on the Neva threatened Rus with loss of an outlet to the Baltic Sea. Accordingly, in the next 1301 armies of Grand Prince Andrey Aleksandrovich approached this stronghold and took it by a hard storm. The defensive structures were destroyed.

However shortly after that, as indicated by fragments of pottery dating to the beginning of the 14th century found on the promontory where the Okhta flows into the Neva, a new Russian settlement emerged

here. Later, this settlement is mentioned in the “Scribal Book” of the Votksaya Pyatina of 1500 as “a small village at Ust-Okhta”. Already in that period, its population comprised not only peasants cultivating the land but also trade people.

Historical documents indicate to the existence of a regular international market at the mouth of the Neva in 13th and 14th centuries. Foreign merchants, first and foremost the Hanseatic ones, had the right of anchoring and repairing their ships, as well as of trading with Izhora and Korela peoples on the Neva. Here, also trans-shipping of goods from sea ships (koggs) onto river boats of Novgorodians took place. One of the places, where the overseas ships stayed, was the settlement at the Okhta mouth, known then under the names of Nevskoye Ustye or Nevskiy Gorodok.

During the 16th century, this settlement was ravaged several times. In 1521 it was attacked by sea-robbers. Later, the settlement suffered not once from the Russian-Swedish wars. In 1555, Swedish ships, retreating after their unsuccessful attack of Oreshek, were anchoring in the Okhta mouth for a few days waiting for a tail-wind. In 1574, during just another invasion, Swedish king John III gave orders to destroy two merchant towns on the Neva, one of which being Oreshek, and the other — the settlement at the mouth of the Okhta. In 1570, the wave of devastation by oprichniks reached the lower Neva, many of the settlements being deserted as a result. In the course of the Russian-Swedish war of 1583, the king ordered to construct new wood-and-earth defensives on the place of the old dilapidated ones. By all appearances, under the conditions of continuous war actions, the defensives of Landskrona were being restored but partially, on and off, alternatively by Russians or by Swedes. Notwithstanding the continuous ravages at the turn of the 16th and 17th centuries, the settlement of Nevskoye Ustye still existed on the Okhta and included: the Sovereign’s Gostinnyi Dvor (a shopping centre), a wharf for ships and a customhouse, all this indicating to an active overseas trade. Also, a church of the archangel Michael — the protector of warriors — was built here reminding of the armed conflicts burning these lands to ashes.

Thus, already in the 16th century, the development of a settlement with certain features of an urban centre began in the area of the mouth of the Okhta River and what is now the Smolny Monastery, — in a zone inaccessible to floods some distance from the Neva mouth. However, wars of Russia with Sweden and ravaging by oprichniki in the second half of the 16th century prevented the town from finishing its formation, the

process having been completed only during the subsequent century already under the rule of the Swedish Crown.

In 1611, during the Russian-Swedish war, by order of Swedish king Gustav II Adolf, the fortress of Nyenskans was erected in the mouth of the Okhta. Initially, it was of a small size and housed 600 persons of the garrison. In 1617, according to the Peace of Stolbovo these lands were ceded to Sweden. Only in 1632, the first privileges for founding here the town of Nyen were signed by king Gustav II Adolf. Nevertheless, already during the subsequent decade queen Christina — daughter of the king — granted the full urban rights to Nyen. Inhabitants of the new city — Swedes, Germans, Russians and Finns — were occupied with trade, crafts, agriculture, fishery and navigation.

During the 17th century Nyenskans was repeatedly reconstructed and fortified. In the end of that century, on the promontory between the Neva and Okhta there was an earthen-walled castle with five bastions, located in the form of a star, and two gate ravelins. The main gate led to the Okhta, with a bridge across the latter connecting the fortress with the centre of the town. To the south of the castle, between two rivers, there was a bulwark with three bastions, defending the approaches to the fortress.

The city was situated on the opposite right bank of the Okhta. In the centre, surrounded by manors of the nobler townspeople, there were: a town-hall, a Swedish and a German churches, a school, the port and a market square. The town areas were built up along the Okhta and Chernavka rivers and along the roads leading to Vyborg, Keksholm and Noteburg. In the vicinity of the city there were fields in which windmills towered here and there. The entire territory was surrounded with woods and bogs. On settled down islets of land around the town there were a hospital, brickworks and manufactories connected with shipbuilding. On the opposite bank of the Neva — in the area of the present-day Smolny Monastery — there was an urban suburb called 'the village of Spasskoye' having an orthodox church and populated by Russians and Izhora. It was connected with Nyen by a ferry.

The disappearance of the city at the mouth of the Okhta is linked with the Northern War. It is known that already in October, 1702, after the fall of Noteburg on the upper Neva, the Swedish high command frightened by approaching Russian armies decided to evacuate the population of Nyen, and the unfortified city itself, according to an eyewitness, "was reduced to ashes".

However, only half a year later — on April 25, 1703 — a Russian corps numbering 20000 under Peter I and field-marshal Sheremetyev assaulted Nyenskans which was defended by a garrison of only 600 men.

After mass bombing which had been continuing for 10 hours, the Swedes decided to capitulate. On May 1, commandant Jakov Apollow surrendered of the fortress. Peter I renamed Nyenskans to Shlotburg. Simultaneously, it was decided at a military council to build a new fortress closer to the Neva mouth. Thus, in the course of an hour, broken was the centuries-long process of formation of the urban centre at the Okhta mouth. The new city emerged on the islands of the Neva delta, and the Okhta had become its god-forsaken outskirts for many long years.

Time was not gracious to Nyenskans, its ruins, though, still long were towering on the promontory near the Okhta mouth. As described by Danish minister Just Jul, on the 5th of December, 1709, symbolical blowing up the defenses of Nyenskans was arranged in the presence of Peter I as a mark of the firmness of Russian positions in the Baltic region after the Battle of Poltava. A. I. Bogdanov, one of the first historians of St.-Petersburg, adjured in his description of the city to save the remains of the fortress to the memory of the future generations. Unfortunately, his suggestion has not been realised. These remains were still preserved during the 18th and 19th centuries as shown on maps of the time. However, the economic activities in the area, connected with functioning of the Okhta shipyard and the Petrozavod plants resulted in the total destruction of the ruins of Nyenskans. The last traces of the latter were deleted only in the 1970 s.

Archaeological excavations on the Okhta, conducted since 1992 by the St.-Petersburg Expedition, uncovered ancient ruins, cemeteries, and other finds related with the Nevskoye ustye, Nyen and Nyenskans. The finds included fragments of cannon-balls; 17th century Swedish coins (of Gustav II Adolf, Christina and Charles XI), Dutch tobacco pipes, fireplace tiles with relief floral patterns, fragments of ceremonial German ewers and glass beakers, kitchen pottery, beads, a signet-ring, a bronze scabbard-point and many other artefacts.

During the excavations, remains of the German church of the town of Nyenskans (the basal masonry of limestone blocks and bricks and fragments of roof tiles) were found. The church was surrounded by a cemetery with individual and collective burials of Nyen's inhabitants. In 1998, on the basis of these finds, the area of Nyen and Nyenskans was declared an archaeological site.

According to a tradition, Peter I planted an oak-tree at the place where Russian soldiers killed during the attack on Nyenskans had been interred. Shortly before the 200th anniversary of Petersburg this oak was fenced in with Swedish fort guns lifted up from the Okhta River. The

monument, which had been situated on the Petrozavod's territory, has not preserved to our days — during the World War II an enemy's bomb split the trunk of the oak. A new tree, planted on the place of the previous one, was felled in the 70s during construction of new factory buildings. The oak fenced in with cannon barrels on the Okhta remained the single monument dedicated to the fall of Nyenskans and to all those distant times when no Northern Capital still existed on the Neva banks.

One of the gifts to the forthcoming 300's anniversary of the city is the creation of an architectural and archaeological memorial at the place of one of the bastions of Nyenskans. This action was initiated by the North-Western Institute of the Heritage. The realisation of the project became possible owing to a group of supporters and a number of sponsors from Sweden, the latter including the newspaper Dagens Industri. The memorial is a granite bastion with genuine city's relics — old Swedish cannons — mounted on it. Here also information on Landskrona, Nevsky Gorodok and Nyenskans is put down on a memorial board and the historical map of the town of Nyen of 1698 is engraved. Near the bastion, a granite model of the historical star-shaped fortress is constructed. Inside the model a new oak-tree is planted as mark of the continuity of epochs and reminder of the rich past of the Neva banks.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонов, Кобак 1997 - Антонов В.В., Кобак А.В. Святыни Санкт-Петербурга т.1. СПб.
- АППЛ 1971 – Архитектурный путеводитель по Ленинграду. Л.1971.
- Бережков М. 1879. О торговле Руси с Ганзой. СПб.
- Бернадский В.Н. 1958 – Новгород и Новгородская земля в XV в., ч. 1. Л.
- Беспярых Ю.Н.1991 - Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л
- Богданов А.И. 1997 – Описание Санкт-Петербурга. СПб.
- Бутков П. 1836 О состоянии местностей Санкт Петербургских в XVI в.т.ХХ.СПб.
- ВМОИДР 1851 – Временник общества и древностей Российских. Кн. 11.
- Переписная Окладная книга по Новгороду Вотьской пятины 7008 г. М.
- Гадзяцкий С.С. 1941- Карелия и Южное Приладожье в войне 1656 –58 г.г. № 11, ИЗ.
- ГВНП 1949 – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.
- Георги И.Г. 1996 - Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного 1794-1796 г. СПб..
- Возгрин В.Е.,Шаскольский И.П. 1981 - Шведская карта низовьев Невы 1640 х годов. ВИД. с.271 - 280.
- ГВНП 1949 – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.Л. 1949.
- Гиппинг А.И. 1909 - Нева и Ниеншанц. т.1, 2, СПб.
- Горбатенко С.Б. 1997 - Карты Ингерманландии и Карелии XVII века в Швеции и России. Краеведческие записки. Вып.5.СПб. С.9-37
- ЖПЗИПВ 1770 - Журнал или поденная записка Петра Великого. Ч. I. СПб.
- ИСС 1883 – Историко-статистические сведения Санкт-Петербургской епархии. Т. 7. СПб.
- ИП 1843 - Исторические планы столичного города Санкт-Петербурга с 1714 по 1839 г. СПб.
- ИП 1846 - Исторические планы Санкт-Петербурга с 1700 по 1840 г. СПб.
- Кальюнди Е.А., Кирпичников А.Н. 1975 - Крепости Ингерманландии и Карелии в 1681 г. / Скандинавский сборник, т. XX., Таллин, с.68-69.

- Кирпичников А.Н. 1980 - Древний Орешек. Л.
КМ 1776 - Книга Марсова или воинских дел. СПб.
Куник А.А. 1862 - Писцовые книги Ижорской земли, СПб.
Лаппо-Данилевский А.С. 1913 - Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные А.И.Гиппингом и А.А.Куником. СПб.
Ласковский Ф. 1861 - Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. II. СПб.
Ленинград 1986 - Ленинград. Путеводитель. Л.
Линде Ю.И. 1872 Промыслы Охтенского пригорода. СПб.
Любимов А.И. 1960 - Штурм шведской крепости Ниеншанц. Сборник докладов военно-исторической секции Ленинградского дома ученых. № 3. М.Л.
Макаров В.Н. 1973 - Русская светская гравюра первой четверти XVIII в. Аннотированный сводный каталог Л.
Мансуров Б 1856 – Охтенския Адмиралтейския селения. Ч.1. СПб.
Моора Х.,Лиги Х. 1969.Хозяйство и общественный строй народов Прибалтики в начале Х111 в.,Таллин.
МЭС.,т.II, III. 1993, 1994 – Морской энциклопедический словарь. Т. II. СПб.
Немиров Г.А. 1888 - Петербург до его основания. СПб.
Описание трех путей 1838 – Описание трех путей из России в Швецию, составленное в 1701 г. Журнал министерства внутренних дел. Вып. XXIX, №8. СПб. С.260-295.
ПБИБВ 1889 - Письма и бумаги Императора Петра Великого. СПб., т. II.
Петров П.Н.1884 - История Санкт-Петербурга. СПб.
ПЛ 1903 – Петербургский листок № 125, приб. № 19, с. 166-167
План 1722 г. - План столичного города и крепости С.Петербурга 1722 г. (план Койета). Архив КГИОП XVII/ Г-92 –СФ.
Предтеченский А.В. 1948 - Основание Петербурга. Петербург петровского времени. Л.
Приамурский Г.Г. 1998-Санкт-Петербург и судьба Ниеншанца. Стокгольм
Приамурский Г.Г., Трофимов С.В. 1993 - Летопись Охтинской Адмиралтейской верфи. Судостроение I. с.с. 52-55.
ПСП 1903 – Путеводитель по Санкт-Петербургу. СПб.
ПСРЛ т.3. 2000 – Полное собрание русских летописей. Новгородская первая летопись.т.3. М.
РК 1977 – Разрядная книга 1475-1605 г.г. т. III, ч. III. М.
Руммель В.В., Голубцов В.В. 1887 - Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т.2. СПб.
Сакса А.И, Тюленев В.А. 1990 - Корела. Финны в Европе, вып.2. М. С.68-82.
Селин А.А.1998 - Новый документ о поселении рубежа XVI-XVII в.в. в устье Невы. Археология Петербурга. Вып. II. СПб. С.18-21.
Селин А.А.1998а - К исторической топографии Невского устья. Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб. С. 269-272.
Сорокин П.Е. 1993 - Страницы истории Ижорской земли. Усть-Ижора.

- Сорокин П.Е. 1994 - Археологические исследования в устье реки Охты. Петербургские чтения. СПб.
- Сорокин П.Е. 1995 - Археологические исследования 1994 г. в районе Смольного монастыря. Петербургские чтения. СПб.
- Сорокин П.Е. 1996 - Археологические исследования и проблемы сохранения культурного слоя на территории Санкт-Петербурга. Археология Петербурга. Вып 1. СПб. с.20-47.
- Сорокин П.Е. 1997 - Природные условия и судовое дело северо-западной Руси. Древности Поволховья. СПб. с.42-57.
- Сорокин П.Е. 2000 - Устье реки Охты – первоначальный поселенческий центр в низовье Невы. Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб. С. 194-207.
- Столбова Н.П. 1998 - Атлас Красногвардейского района. СПб.
- Тимченко-Рубан Г.И. 1901 - Первые годы Петербурга. Военно-исторический очерк. СПб.
- Ходаковский З. 1838 - Историческая система Ходаковского. РИС. кн.3. М..с.3 109.
- Шарымов А. 1994 - Из истории Приневья. Нева и ее дельта весной 1703 г. СПб. Аврора № 9-10. с. 83-122
- Шаскольский И.П. 1987 - Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV в. Л.1987.
- Шаскольский И.П. 1987а - О судьбе архивных материалов города Ниеншанца. Вспомогательные исторические дисциплины. XVIII, Л.
- Шаскольский И.П. 1993 - Старейшее известие о русском торговом селении на территории будущего Петербурга (начало XVII в.). Феодалная Россия. Новые исследования. СПб. С.42-45
- Шаскольский И.П. 1994 – Русская морская торговля на Балтике в XVII в. СПб.
- Шаскольский И.П. 1998 – Экономические отношения России и Шведского государства в XVII веке. СПб.
- Экземплярский А.В. 1891 - Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. т. 2. СПб.
- Эренсверд У. 1998 -Шведское картографирование Ингерманландии. Шведы на берегах Невы. Стокгольм.
- Юст Юль 1899 - Записки датского посланника Юста Юля. СПб.
- Якубов К.И 1890 – Русские рукописи Стокгольмского государственного архива. Чтения в обществе истории и древностей российских. 1890. кн.4. М. с. 39-78
- Янин В.Л. 1981 – Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. М.
- Articus R. 1997 - Wie die Tonpfeifen in die Luneburger Heide kamen. Knasterkopf. Heft 9. Hamburg 5-45.
- Bagrow L., Kohlin H. 1953 - Maps of Neva river and adjacent areas in Swedish archives. Malmo.
- Blees J. 1938 - Fastningen Nyenskans och Nyen. Norrlands Forsvar. с. 92. Перевод

текста статьи любезно предоставлен А.Н.Кирпичниковым.

Bonsdorff C. 1891 - Nyen och Nyenskans. Helsingfors.

Deutsche keramik 1984 - Deutsche keramik. Немецкая керамика. Каталог выставки. Л.

Goetz K. 1922 - Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lubeck.

Reisnert A. 1999 - Trade in medieval Malmo. Lubecker Kollogium zur Stadtarchaeologie im Hanseraum II. Der Handel. Lubeck. 493-503.

Munthe L.W. 1911 - Kongl. Fortifikationens historia, Stockholm. D. I,II.

Vanananen 1987 - Vanananen K. Herdaminne for Ingermanland. Helsingfors 1987.

Информация о книге любезно предоставлена А.Селиным.

СОДЕРЖАНИЕ

На водных путях.....	3
Ландскрона.....	10
Поселение Невское устье.....	22
Ниеншанц.....	37
Ниен – город на Охте.....	52
Падение Ниеншанца.....	81
Охта – предместье Санкт-Петербурга.....	100
Пушки крепости Ниеншанц.....	111
Landskrona, Nevskoye ustyе, Nienscanc. 700 Years of the Settlement at the Neva	119
Литература.....	124

П.Е.Сорокин
ЛАНДСКРОНА, НЕВСКОЕ УСТЬЕ, НИЕНШАНЦ
700 лет поселению на Неве

Ответственный за выпуск:

П.Е.Сорокин

Верстка:

Н.О.Попова

Издательство "ЛИТЕРА"
лицензия ИД №02159 от 28.06.2000
Подписано к печати 7.03.2001
Печать офсетная
Усл. печ. л. 8
Тираж 100 экз.

Отпеч. в тип. ООО «Турусел».
191186, СПб, ул.Миллионная д.1. Тел.: 311 54 74
Лиц. ПД № 2-69-571
Зак. № 370 от 05.04.01